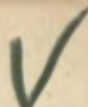

327.2 74
С 89

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ
АМЕРИКАНСКОГО
ЛЕТЧИКА-ШПИОНА
ФРЕНСИСА Г. ПАУЭРСА

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1960

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ
АМЕРИКАНСКОГО
ЛЕТЧИКА-ШПИОНА
ФРЕНСИСА Г ПАУЭРСА

17—19 августа 1960 года

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва . 1960

СОДЕРЖАНИЕ

Судебный процесс по уголовному делу американского летчика-шпиона Френсиса Г. Пауэрса. Заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР	3
---	---

СУДЕБНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ДЕЛУ ФРЕНСИСА ГАРРИ ПАУЭРСА

Заседание 17 августа (утреннее)	6
Обвинительное заключение по уголовному делу по обвинению Френсиса Гарри Пауэрса в преступлении, предусмотренном статьей 2 Закона Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления»	12
Заседание 17 августа (вечернее)	58
Заседание 18 августа (утреннее)	72
Заседание 18 августа (вечернее)	112
Заседание 19 августа	125
Обвинительная речь Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко	—
Речь адвоката М. И. Гринева	159
Приговор	175

Судебный процесс по уголовному делу
американского летчика-шпиона
Френсиса Г. Пауэрса
17—19 августа 1960 года

Ответственные за выпуск *Н. Алентьева и Г. Фокина*
Художественный редактор *Г. Семиреченко*
Технический редактор *А. Данилина*
Ответственный корректор *Г. Иванова*

Сдано в набор 20 августа 1960 г. Подписано в печать 25 августа 1960 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 5³/₄. Условн. печ. л. 9,43. Учетно-изд. л. 9,2.
Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 1946. Цена 2 р. 50 к. с л.п. 1961 г.— 25 коп.

Госполитиздат, Москва Д-47, Миусская пл., 7.
Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ АМЕРИКАНСКОГО ЛЕТЧИКА-ШПИОНА ФРЕНСИСА Г. ПАУЭРСА

Заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР

17 августа

17 августа в Москве, в Колонном зале Дома союзов, начался открытый судебный процесс по уголовному делу Френсиса Г. Пауэрса, американского летчика-шпиона, сбитого частями ракетных войск на Урале, в районе города Свердловска, 1 мая 1960 года.

Судит Пауэрса Военная коллегия Верховного Суда СССР.

Состав суда: председательствующий — Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенант юстиции В. В. Борисоглебский, народные заседатели: генерал-майор артиллерии Д. З. Воробьев, генерал-майор авиации А. И. Захаров. Секретарь суда — майор административной службы М. В. Афанасьев.

Государственное обвинение поддерживает Генеральный прокурор Союза ССР действительный государственный советник юстиции Р. А. Руденко.

Защиту осуществляет член Московской городской коллегии адвокатов адвокат М. И. Гринев.

В качестве свидетелей судом вызваны: В. П. Сурин, Л. А. Чужакин, П. Е. Асабин, А. Ф. Черемисин.

В судебном заседании принимают участие эксперты: полковник Н. А. Алексеев, инженер-подполковник Ю. В. Тюфилин, доктор технических наук профессор Г. А. Истомин, инженер-полковник Р. А. Андреев, старший научный сотрудник инженер-подполковник К. В. Ворошилов, инженер-подполковник Н. М. Бурмистров-Зуев, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор медицинских наук профессор В. И. Прозоровский.

В Колонном зале присутствуют многочисленные представители трудящихся города Москвы, члены дипломатического корпуса, зарубежные общественные деятели, видные юристы из различных стран, свыше 250 советских и иностранных корреспондентов.

После оглашения обвинительного заключения подсудимый Пауэрс на вопрос председательствующего, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении, отвечает: «Да, признаю себя виновным».

На дневном заседании начался допрос подсудимого.

На вечернем заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР продолжался допрос Пауэрса. Подсудимый отвечал на вопросы государственного обвинителя — Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко.

Затем подсудимый ответил на вопросы защитника — адвоката М. И. Гринева.

18 августа

В начале утреннего заседания подсудимый отвечал на вопросы защитника — адвоката М. И. Гринева. Затем ряд уточняющих вопросов подсудимому был задан государственным обвинителем — Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко.

Подсудимый ответил далее на вопросы суда: председательствующего — Председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенанта юстиции В. В. Борисоглебского и народных заседателей: генерал-майора авиации А. И. Захарова и генерал-майора артиллерии Д. З. Воробьева.

Суд заслушал показания свидетелей: П. Е. Асабина, А. Ф. Черемисина, Л. А. Чужакина и В. П. Сурина.

Суд заслушал заключения экспертов: полковника Н. А. Алексеева, инженер-подполковника Ю. В. Тюфилина, доктора технических наук профессора Г. А. Истомина, инженер-полковника Р. А. Андреева.

На вечернем заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР были заслушаны заключения экспертов: старшего научного сотрудника инженер-подпол-

ковника К. В. Ворошилова, инженер-подполковника Н. М. Бурмистрова-Зуева, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора медицинских наук, профессора В. И. Прозоровского и полковника И. И. Жданова.

19 августа

В начале заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР председательствующий — Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенант юстиции В. В. Борисоглебский обратился к участникам судебного процесса с вопросом, имеют ли они дополнения к судебному следствию или какие-либо ходатайства. Получив отрицательные ответы государственного обвинителя, адвоката и подсудимого Пауэрса, председательствующий объявил судебное следствие законченным.

Суд заслушал обвинительную речь Генерального прокурора СССР действительного государственного советника юстиции Р. А. Руденко и защитительную речь члена Московской городской коллегии адвокатов адвоката М. И. Гринева.

Затем последнее слово произнес подсудимый Френсис Г. Пауэрс.

В 12 часов 50 минут суд удалился на совещание для вынесения приговора.

В 17 часов, 30 минут председательствующий — Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенант юстиции В. В. Борисоглебский огласил приговор по уголовному делу американского летчика-шпиона Френсиса Г. Пауэрса.

Военная коллегия Верховного Суда СССР признала Френсиса Г. Пауэрса виновным в преступлении, предусмотренном статьей 2 Закона Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», и приговорила его к 10 годам лишения свободы, с отбытием первых трех лет наказания в тюрьме.

**СУДЕБНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПО ДЕЛУ ФРЕНСИСА ГАРРИ ПАУЭРСА**

***Заседание 17 августа
(утреннее)***

Комендант суда: Прошу встать, суд идет.

Председательствующий — Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенант юстиции В. В. Борисоглебский: Садитесь, пожалуйста. Судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР объявляю открытым. Подлежит рассмотрению уголовное дело гражданина Соединенных Штатов Америки Пауэрса Френсиса Гарри, преданного суду по статье 2 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления».

Товарищ комендант, дайте распоряжение ввести подсудимого.

В соответствии с Уголовно-процессуальным Кодексом РСФСР судебный процесс будет вестись на русском языке. Вследствие того что подсудимый не владеет русским языком, в судебное заседание вызваны переводчики английского языка Белицкий Б. Е. и Адамов И. А.

Заявляют ли участники процесса отвод переводчикам? Товарищ Генеральный прокурор?

Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко: Нет.

Председательствующий: Товарищ адвокат?

Адвокат М. И. Гринев: Нет.

Председательствующий: Подсудимый?

Подсудимый Френсис Г. Пауэрс: Нет. *(Отвечает сидя.)*

Председательствующий: Подсудимый, Вы обязаны встать, когда к Вам обращается суд. У Вас нет возражений против переводчиков Белицкого и Адамова?

Пауэрс: Нет возражений.

Председательствующий: Переводчики Белицкий и Адамов, разъясняю вам, что вы должны точно переводить все сказанное в ходе судебного заседания. Предупреждаю вас об ответственности по статье 95 УК РСФСР за дачу заведомо ложного перевода. О том, что вы несете ответственность по закону за заведомо ложный перевод, прошу дать подписку суду. Товарищ секретарь, отберите подписку.

(Секретарь отбирает подписку у переводчиков.)

Секретарь: Подписки отобраны.

Председательствующий: Подсудимый, назовите Ваше имя и фамилию.

Пауэрс: Пауэрс Френсис Гарри.

Председательствующий: Гражданином какого государства Вы являетесь?

Пауэрс: Соединенных Штатов Америки.

Председательствующий: В каком году Вы родились?

Пауэрс: В 1929 году.

Председательствующий: Где Вы родились?

Пауэрс: В городе Бурдаине, штат Кентукки.

Председательствующий: Ваша национальность?

Пауэрс: США.

Председательствующий: Живы ли Ваши родители? Чем они занимаются и где проживают?

Пауэрс: Мои родители живы, они проживают в городе Паунд, штат Вирджиния. Мой отец сапожник, моя мать домашняя хозяйка.

Председательствующий: Какое учебное заведение Вы окончили?

Пауэрс: Окончил колледж Миллиган близ города Джонсон-Сити.

Председательствующий: Ваше семейное положение?

Пауэрс: Женат, детей не имею.

Председательствующий: Ваша профессия?

Пауэрс: Пилот.

Председательствующий: Последнее место Вашей службы?

Пауэрс: Подразделение «10—10» в Адане (Турция).

Председательствующий: Текст обвинительного заключения на английском языке Вам вручен?

Пауэрс: Да.

Председательствующий: Не помните, какого числа это было?

Пауэрс: В прошлую среду.

Председательствующий: Постановление о предании Вас суду Вам объявлено?

Пауэрс: Да.

Председательствующий: Товарищ секретарь, доложите, кто вызывался в качестве свидетелей в судебное заседание и кто явился?

Секретарь: В судебное заседание, согласно постановлению о предании Пауэрса суду, вызваны свидетели: Сурин Владимир Павлович, Чужакин Леонид Алексеевич, Асабин Петр Ефремович и Черемисин Анатолий Федорович.

Председательствующий: Прошу свидетелей подойти к суду. *(Свидетели подходят.)* Свидетели Сурин, Чужакин, Асабин и Черемисин, разъясняю вам, что вы обязаны давать суду правдивые показания по делу. Предупреждаю вас, что за дачу заведомо ложных показаний вы можете быть привлечены к уголовной ответственности по статье 95 Уголовного Кодекса РСФСР. Прошу дать суду подписку о том, что вы предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний.

(Секретарь отбирает подписку у свидетелей.)

Председательствующий: Свидетели, по закону вы не имеете права находиться в зале суда до момента дачи показаний. Товарищ комендант, прошу провести свидетелей в свидетельскую комнату.

(Свидетели уходят.)

Товарищ секретарь, кто вызывался в судебное заседание в качестве экспертов?

Секретарь: В качестве экспертов в судебное заседание вызывались: полковник Алексеев Николай Алексеевич, инженер-подполковник Тюфилин Юрий Всеволодович, доктор технических наук профессор Истомин Глеб Алексеевич, инженер-полковник Андреев Ростислав Александрович, инженер-подполковник Ворошилов Константин Васильевич, инженер-подполковник Бурмистров-Зуев Николай Михайлович, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор медицинских наук, профессор Прозоровский Виктор Ильич.

Председательствующий: Прошу экспертов подойти к суду. (*Эксперты подходят.*) Товарищи эксперты, суд разъясняет принадлежащие вам по закону права в судебном заседании. Вы имеете право присутствовать в зале судебного заседания в течение всего разбирательства дела, задавать вопросы подсудимому и свидетелям в пределах, необходимых для проведения экспертизы, делать заявления в ходе судебного следствия, знакомиться с материалами дела. Товарищи эксперты, вам понятны ваши права?

(*Эксперты заявляют, что их права им понятны.*)

Председательствующий: В соответствии со статьей 170 Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР предупреждаю вас о необходимости давать заключения, строго согласованные с обстоятельствами дела и данными тех специальных знаний, которыми вы обладаете. За дачу заведомо ложных заключений вы несете ответственность по статье 95 Уголовного Кодекса РСФСР. Прошу, товарищи эксперты, дать суду соответствующие подписки.

(*Секретарь отбирает подписки у экспертов.*)

Председательствующий: Товарищи эксперты, прошу занять отведенные вам места.

Подсудимый Пауэрс, в соответствии со статьей 277 Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР суд разъясняет Вам права, которые Вы имеете в судебном заседании. Вы имеете право: давать показания по существу дела на английском языке, участвовать в судебном разбирательстве, задавать вопросы свидетелям, давать пояснения по показаниям свидетелей, ставить вопросы на разрешение экспертов, представлять новые доказательства, возбуждать ходатайства о приобщении к делу новых материалов и документов, иметь в суде адвоката. В конце судебного заседания Вы имеете право произнести последнее слово. Таковы права, предоставленные Вам в судебном заседании. Вы понимаете?

Пауэрс: Да.

Председательствующий: Объявляется состав суда, избранный сессией Верховного Совета СССР 12 февраля 1957 года: председательствующий — Председатель Военной коллегии Верховного Суда генерал-лейтенант юстиции Борисоглебский; народные заседа-

тели — генерал-майор артиллерии Воробьев, генерал-майор авиации Захаров; секретарь суда — майор административной службы Афанасьев.

Государственное обвинение в суде поддерживает Генеральный прокурор Союза ССР действительный государственный советник юстиции Руденко.

Защиту подсудимого в суде осуществляет член Московской городской коллегии адвокатов адвокат Гринев.

Заявляют ли участники процесса отвод составу суда и секретарю? Товарищ Генеральный прокурор?

Руденко: Нет.

Председательствующий: Товарищ адвокат?

Гринев: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, в соответствии со статьей 43 Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР Вы имеете право заявить отвод всему составу суда или кому-либо из членов суда, или секретарю суда в случае, если кто-либо из них находится в родственных отношениях с участниками процесса или лично заинтересован в исходе дела, или участвовал в деле в качестве свидетеля или эксперта. Заявляете ли Вы отвод составу суда?

Пауэрс: Возражений нет.

Председательствующий: Секретарю?

Пауэрс: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, по тем же основаниям Вы имеете право заявить отвод прокурору.

Пауэрс: Возражений нет.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, Вы также имеете право заявить отвод экспертам.

Пауэрс: Возражений нет.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, в соответствии с законом, согласно Вашей просьбе, на предварительном следствии, с момента предъявления Вам всего следственного производства по делу, участвовал адвокат Гринев. Вашу защиту в суде осуществляет тот же адвокат Гринев. У Вас есть возражение против адвоката Гринева?

Пауэрс: Нет.

Председательствующий: Есть ли у участников процесса какие-либо заявления или ходатайства в подго-

товительной стадии судебного заседания? Товарищ Генеральный прокурор?

Руденко: Не имею.

Председательствующий: Товарищ адвокат?

Гринев: Нет.

Председательствующий: У экспертов есть какие-либо заявления?

(Эксперты заявляют об отсутствии у них заявлений.)

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, у Вас имеются какие-либо ходатайства в подготовительной части судебного заседания?

Пауэрс: Нет.

Председательствующий: Подготовительная часть судебного заседания окончена. Суд приступает к судебному следствию.

В соответствии со статьей 279 Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР оглашается обвинительное заключение. Товарищ секретарь, прошу огласить обвинительное заключение.

(Секретарь суда оглашает обвинительное заключение.)

УТВЕРЖДАЮ

**Генеральный прокурор Союза ССР
действительный государственный
советник юстиции**

Р. РУДЕНКО

9 июля 1960 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ПО ОБВИНЕНИЮ ФРЕНСИСА ГАРРИ ПАУЭРСА В ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТАТЬЕЙ 2 ЗАКОНА СОЮЗА ССР «ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

1 мая 1960 года в 5 часов 36 минут по московскому времени неизвестный самолет нарушил государственную границу СССР в пункте, расположенном в двадцати километрах юго-восточнее города Кировабада, Таджикской ССР, вторгся в воздушное пространство Союза Советских Социалистических Республик и на высоте 20 тысяч метров направился в глубь советской территории.

Самолет, нарушивший советскую границу, был взят под неослабное наблюдение частей противовоздушной обороны СССР. Это наблюдение показало, что маршрут самолета пролегал над крупными промышленными центрами и важными оборонными объектами Советского Союза. Самолет на всем протяжении полета летел на высоте 20 тысяч метров, то есть на такой высоте, на которой никакие гражданские самолеты полетов не совершают. Полученные данные не оставляли сомнения в том, что в этом случае имеет место преднамеренное вторжение в воздушное пространство СССР с враждебными целями.

В связи с этим Советским правительством был отдан приказ сбить самолет. Выполняя приказ, одно из подразделений противовоздушной обороны СССР в 8 часов 53 минуты по московскому времени ракетой с первого выстрела сбило указанный самолет на высоте 20 тысяч метров в районе Свердловска, то есть на расстоянии более двух тысяч километров от места пере-

сечения границы Советского Союза. Пилот самолета выбросился на парашюте и был задержан. При первом же допросе было установлено, что он является гражданином Соединенных Штатов Америки Френсисом Гарри Пауэрсом.

Том 1, л. д. 20—23; том 2, л. д. 2; том 7, л. д. 6.

Осмотром сохранившихся остатков самолета и находившегося на нем специального оборудования установлено, что это был американский самолет типа «Локхид У-2», предназначенный для полетов на большой высоте, приспособленный для разведывательной службы и с этой целью снабженный оборудованием для производства аэрофотосъемки и радиоразведки с больших высот. Среди остатков самолета обнаружены фотографические пленки, на которых были засняты советские аэродромы и другие важные военные и промышленные объекты Советского Союза. Кроме того, была обнаружена ферромагнитная пленка с записью сигналов некоторых советских радиолокационных станций.

Том 1, л. д. 49—52, 128—146, 227, 228, 248—253.

Предварительным следствием, произведенным по настоящему делу Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР, установлено, что шпионский полет этого самолета был организован с ведома правительства США специальным американским разведывательным подразделением, базирующимся в Турции и зашифрованным условным названием «10—10».

Том 2, л. д. 2, 3, 13, 177, 217.

Когда об этом бандитском полете было сообщено 5 мая 1960 года в докладе Председателя Совета Министров СССР товарища Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР, представитель государственного департамента США в тот же день признал, что факт нарушения границы СССР американским самолетом «вполне возможен», но имеет случайный, не предумышленный характер. По заявлению государст-

венного департамента, самолет типа «Локхид У-2» 1 мая якобы производил исследование погоды, «брал пробы воздуха» в верхних слоях атмосферы в районе советско-турецкой границы и из-за неисправности кислородного питания пилота сбился с курса. Далее, в этом заявлении государственного департамента указывалось, что, возможно, пилот потерял сознание и самолет, управляемый автопилотом, залетел на территорию Советского Союза. Эта версия была в тот же день подтверждена заявлением Национального управления США по авионавигации и исследованию космического пространства, в ведении которого якобы находился указанный самолет, по их утверждению, использовавшийся для изучения атмосферных условий и порывов ветра на больших высотах. По сообщению Национального управления по авионавигации и исследованию космического пространства, были будто бы организованы поиски пропавшего самолета «Локхид У-2» в районе озера Ван (Турция).

Та же версия была изложена и в ноте посольства США в Москве, врученной Министерству иностранных дел СССР 6 мая 1960 года.

7 мая глава Советского правительства Н. С. Хрущев в своем выступлении на сессии Верховного Совета СССР разоблачил лживость этой версии и привел неопровержимые, конкретные факты, бесспорно доказывающие предумышленный, вероломный и бандитский характер нарушения воздушного пространства СССР американским самолетом «Локхид У-2», а также разведывательные цели его полета, несовместимые с элементарными требованиями поддержания нормальных отношений между государствами в мирное время.

После этого государственный департамент, припертый к стене приведенными товарищем Хрущевым Н. С. фактами, был вынужден в своем новом заявлении от 7 мая 1960 года признать разведывательный характер полета самолета «Локхид У-2», оговорив, однако, что, «насколько это касается вашингтонских властей, никакого разрешения на такой полет, который был описан Н. С. Хрущевым, не было дано».

Если заявление государственного департамента еще оставляло открытым вопрос о непосредственной причастности правительства США к упомянутому

выше наглому акту агрессии против Советского Союза, то всякие сомнения в этом отношении были устранены заявлением государственного секретаря США Гертера, сделанным им 9 мая от имени правительства США.

В этом беспрецедентном в истории международных отношений заявлении государственный секретарь Гертер сообщил, что в соответствии с законом 1947 года о национальной безопасности президент Эйзенхауэр с момента образования своего правительства ввел в действие директивы о проведении разведывательной деятельности против Советского Союза. На основе этих директив, как указал Гертер, были разработаны и проведены в жизнь программы, предусматривавшие вторжение американских разведывательных самолетов в воздушное пространство СССР.

Заявление Гертера подтвердил 11 мая и сам президент США Эйзенхауэр, который также признал, что осуществление полетов американских самолетов над территорией Советского Союза было и остается «рассчитанной политикой США». То же самое заявило правительство США и в ноте Советскому правительству от 12 мая 1960 года.

Особой наглостью и бесстыдством отличалось выступление вице-президента США Никсона по телевидению 15 мая, в котором он не только подтвердил сделанные ранее Гертером и Эйзенхауэром циничные и попирающие нормы международного права утверждения, что осуществление полетов американских самолетов над территорией Советского Союза является рассчитанной политикой США, но пошел и дальше. Никсон заявил, что Соединенным Штатам необходима «непрерывная программа» шпионской деятельности, и оправдывал явную ложь, содержащуюся в заявлении государственного департамента США от 5 мая, о «метеорологических исследованиях», якобы проводившихся самолетом «Локхид У-2». Иначе говоря, он отстаивал для Соединенных Штатов Америки «право на шпионаж».

Эти заявления государственного секретаря, президента и вице-президента США явились официальным подтверждением проводящейся Соединенными Штатами Америки в течение ряда лет враждебной

деятельности по отношению к Советскому Союзу, выражающейся в неоднократных вторжениях американских самолетов в воздушное пространство СССР с разведывательными целями.

Таким образом, правительство США в мирное время официально провозгласило политику, которая может проводиться лишь в условиях, когда государства находятся в состоянии войны.

В период пребывания Эйзенхауэра на посту президента США, то есть начиная с января 1953 года, Советским Союзом был заявлен правительству США ряд протестов по поводу вторжения американских самолетов в пределы СССР.

Давая оценку этим нарушениям, Советское правительство указывало, что «подобные нарушения американскими военными самолетами границ Советского Союза связаны с выполнением определенных заданий американского военного командования» (нота от 8 сентября 1954 года).

Решительно протестуя против подобных актов, правительство СССР в своих нотах правительству США неоднократно подчеркивало, что эти вторжения «представляют собой грубые нарушения элементарных норм международного права» (нота от 8 сентября 1954 года), составляют «преднамеренное действие определенных кругов США, рассчитанное на обострение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки» (нота от 10 июля 1956 года).

В ответ на эти ноты правительство США ограничивалось формальными отписками.

Неоднократные случаи вторжения американских самолетов в пределы Советского Союза представляют вопиющее нарушение общепризнанного принципа международного права, устанавливающего полный и исключительный суверенитет каждого государства над воздушным пространством, находящимся над территорией этого государства.

Принцип, согласно которому «каждое государство имеет полный и исключительный суверенитет в отношении воздушного пространства, находящегося над его территорией», был закреплен многосторонней Парижской конвенцией о регулировании воздушной навигации от 13 октября 1919 года, воспринят в Гаван-

ской конвенции 1928 года, заключенной рядом американских государств, и воспроизведен в статье 1 Конвенции о международной гражданской авиации, заключенной в Чикаго 7 декабря 1944 года.

Тот же принцип полного и исключительного суверенитета государства над поверхлежащим воздушным пространством нашел выражение и в национальном законодательстве различных стран, включая Советский Союз и Соединенные Штаты Америки (акт конгресса США 1926 года о воздушной торговле и акт конгресса США 1938 года о гражданской авиации).

Статья 1 Воздушного Кодекса СССР 1935 года также устанавливает, что «Союзу ССР принадлежит полный и исключительный суверенитет над воздушным пространством Союза ССР».

Этот принцип суверенитета является священным и незыблемым в международных отношениях.

При этих условиях приведенные выше заявления президента США Эйзенхауэра, вице-президента Никсона и государственного секретаря Соединенных Штатов Америки Гертера, пытающихся оправдать нарушения суверенитета СССР американской авиацией и возводящих подобные нарушения в принцип государственной политики США, не могут быть расценены иначе, как открытое заявление о нежелании правительства Соединенных Штатов Америки считаться с основными общепризнанными нормами международного права, без соблюдения которых невозможны нормальные отношения между государствами.

Неоднократные вторжения американской авиации в воздушное пространство СССР, и в частности полет самолета «Локхид У-2» 1 мая 1960 года, являются грубым нарушением суверенитета СССР и актом агрессии, попирающим нормы международного права и высокие принципы Устава ООН, под которым стоит подпись и Соединенных Штатов Америки.

При современном уровне военной техники, а также в условиях, когда Соединенные Штаты Америки, как об этом неоднократно заявлялось ответственными американскими военными руководителями, постоянно держат в воздухе дежурные бомбардировщики с грузом атомных и водородных бомб, разведывательные полеты с фотографированием возможных объектов

бомбардировки и выявлением радиолокационных установок являются составными элементами военно-воздушного нападения.

При указанных условиях вторжение иностранного самолета в пределы СССР всегда может явиться признаком начинающегося вооруженного нападения. Более того, не может быть никакой гарантии тому, что любой такой самолет, появляющийся над советской территорией, не несет на борту смертоносного груза.

Агрессивный акт Соединенных Штатов Америки, выразившийся в наглom вторжении американского военного самолета в воздушное пространство СССР, относится к числу таких действий, которые ставят под прямую угрозу всеобщий мир. В условиях, когда некоторые государства располагают ядерным оружием и средствами почти молниеносной доставки его к цели, агрессивный акт, предпринятый США 1 мая 1960 года против Советского Союза, мог бы привести к тягчайшим последствиям для человечества.

В упомянутых выше заявлениях руководителей правительства США, а также в ноте правительства США от 12 мая 1960 года усиленно подчеркивается, что сбитый под Свердловском самолет «Локхид У-2» являлся якобы гражданским самолетом.

Материалами следствия доказана лживость этих утверждений.

На отобранном у Пауэрса удостоверении личности № AFI 288 068 имеется эмблема Министерства обороны США с надписью: «Министерство обороны. Соединенные Штаты Америки».

Том 1, л. д. 99; том 6, л. д. 11.

На вопрос о том, означает ли наличие такого удостоверения, что он работал летчиком военно-воздушных сил США, Пауэрс ответил:

«Это означает, что я работал в военно-воздушных силах США в качестве гражданского летчика».

Том 3, л. д. 180.

Далее, на вопрос о том, как же рассматривать то учреждение, в котором он работал, является ли оно военным или гражданским, Пауэрс сказал:

«Это комбинация гражданской и военно-воздушной службы, все это прикрито и зашифровано названием — подразделение «10—10».

Том 2, л. д. 2.

Пауэрс показал, что примерно в апреле 1960 года на авиабазе Инджирлик был начальник штаба военно-воздушных сил США генерал Томас Д. Уайт, который специально приезжал туда для инспектирования подразделения «10—10».

Том 3, л. д. 92, 93.

На вопрос, кто еще из военных, кроме генерала Уайта, посещал базу в Инджирлике, Пауэрс ответил, что за время его пребывания на авиабазе в Инджирлике туда два раза приезжал главнокомандующий ВВС США в Европе генерал Эверест и другие американские генералы.

Том 4, л. д. 28, 211.

Таким образом установлено, что сбитый 1 мая 1960 года самолет «Локхид У-2» принадлежит военно-воздушным силам США.

Преступное нарушение правительством США общепризнанных норм международного права является одним из элементов агрессивной внешнеполитической линии, осуществляемой правительством США. Эта агрессивная политика неоднократно формулировалась руководящими деятелями США, и в частности бывшим государственным секретарем США Джоном Фостером Даллесом, как «политика с позиции силы», «политика устрашения» и «политика балансирования на грани войны».

Не далее, как в июле 1959 года, вице-президент США Никсон в статье, опубликованной в журнале «Лайф», вновь дал высокую оценку так называемой «политике балансирования на грани войны» и декларировал, что эта политика является и в настоящее время одним из высших принципов Соединенных Штатов Америки.

Проявлением этой политики явилось, как известно, заключение под эгидой США агрессивных пактов и союзов почти во всех частях света, гонка вооружений, создание сети военных баз вокруг границ

Советского Союза и других социалистических стран и иные агрессивные действия, ставящие под угрозу всеобщий мир и безопасность. Проявлением этой же политики явились систематические вторжения самолетов военно-воздушных сил США в пределы Советского Союза, и в том числе агрессивное вторжение 1 мая 1960 года американского военного самолета «Локхид У-2».

Безрассудные действия правительства США привели к срыву совещания в верхах в Париже и осложнению международной обстановки.

В осуществление своей агрессивной политики правительство США вовлекло ряд государств, граничащих с Советским Союзом, которые предоставили свои территории для американских военных баз и являются, таким образом, пособниками агрессивных действий против СССР.

Как установлено следствием, вторжение американского самолета «Локхид У-2» 1 мая не могло бы быть осуществлено без использования военно-воздушных баз на территории близлежащих к Советскому Союзу государств, и в частности Турции, Пакистана и Норвегии, так как предельная дальность полета самолета «Локхид У-2» не позволяла ему оперировать с территории США.

Установлено, что разведывательное подразделение «10—10», в котором проходил службу **Пауэрс**, базировалось на американо-турецкой авиабазе Инджирлик. Командиром этого подразделения является полковник военно-воздушных сил США Шелтон. Самолет «Локхид У-2», на котором 1 мая 1960 года осуществлено агрессивное воздушное вторжение в пределы Советского Союза, был переброшен с базы Инджирлик в Пакистан на военно-воздушную базу в Пешаваре, откуда он вылетел в Советский Союз. При этом было допущено нарушение суверенитета Афганистана, над территорией которого незаконно, без ведома афганских властей, пролетел указанный самолет.

На вопрос о том, какие запасные аэродромы давались при полете 1 мая, **Пауэрс** ответил:

«В качестве запасных я мог использовать любой аэродром в Норвегии, Пакистане и Иране».

Том 3, л. д. 88.

Установлено также, что **Пауэрс** имел задание по окончании своего полета совершить посадку на военно-авиационной базе в Будё, в Норвегии, которая и ранее использовалась разведывательным подразделением «10—10».

Указанные обстоятельства установлены показаниями **Пауэрса**, обнаруженной при нем маршрутной картой его полета и другими доказательствами.

Том 2, л. д. 9, 28, 180, 196—198, 304; том 6, л. д. 25.

Имевшиеся у **Пауэрса** указания предусматривали возможность нарушения суверенитета и других государств. По этому вопросу обвиняемый **Пауэрс** показал:

«В случае, если бы у меня не хватило горючего, чтобы лететь на Мурманск, по намеченному пути, я мог, не долетая города Кандалакши, повернуть влево и лететь через Финляндию на Норвегию, на аэродром Будё».

Том 2, л. д. 241.

Инструкции, данные **Пауэрсу**, предусматривали возможность в случае необходимости произвести посадку на аэродроме в Финляндии или Швеции. Вот что показал **Пауэрс** по этому поводу:

«Слово Sodankula, стоящее вдоль нанесенной зеленым карандашом линии (линия, обозначенная на полетной карте), означает, что я мог произвести посадку на аэродроме Соданкюля (Финляндия). Однако полковник Шелтон предупредил меня, что этот аэродром плохой и им я могу воспользоваться только в случае крайней необходимости, все-таки это лучше, чем садиться где-либо на советской территории. При этом он говорил, что лучше сесть в Швеции или в Норвегии, но желательнее в Норвегии».

Том 2, л. д. 271.

Эти показания **Пауэрса** также подтверждаются пометками, нанесенными на его полетной карте.

Том 6, л. д. 25.

Таким образом, расследование по настоящему делу еще раз подтвердило то обстоятельство, что созданные на территории некоторых иностранных государств американские военные базы представляют собой угрозу миру и безопасности народов.

Для осуществления своей агрессивной шпионской политики против Советского Союза правительство и военное командование США в течение ряда лет вели работу по отбору и подготовке необходимых кадров. С этой целью был завербован и обвиняемый по настоящему делу Френсис Гарри Пауэрс.

На следствии Пауэрс показал, что в 1950 году он добровольно поступил на службу в американскую армию, обучался в школе военно-воздушных сил в городе Гринвилл, штат Миссисипи, а затем на военно-воздушной базе в окрестностях города Феникса, штат Аризона. После окончания школы служил летчиком на различных военно-воздушных базах США, имея звание — старший лейтенант.

Том 3, л. д. 109—113; том 4, л. д. 43—45.

В апреле 1956 года Пауэрс был завербован Центральным разведывательным управлением США для выполнения особых разведывательных заданий на специально оборудованных высотных самолетах.

Том 2, л. д. 88—92, 103, 178; том 4, л. д. 45—49.

В ходе вербовки Пауэрсу были разъяснены задачи, которые ему предстояло выполнять. По этому поводу Пауэрс показал:

«Мне сообщили, что в основном моя работа будет заключаться в том, чтобы летать на самолете вдоль границ СССР с целью сбора информации по радиолокационным установкам и радиостанциям, а также другой информации. Мне сообщили также, что в будущем, может быть, мне будут поручаться и другие задания при условии, что все будет идти хорошо».

Том 4, л. д. 47.

После этого он заключил секретный контракт с Центральным разведывательным управлением США, возглавляемым Алленом Даллесом, и дал подписку о сохранении в тайне этого сотрудничества. **Пауэрс** был предупрежден, что за нарушение подписки и разглашение данных о деятельности американской разведки он будет подвергнут уголовному наказанию в виде десяти лет тюремного заключения или штрафа в сумме 10 тысяч долларов, либо тому и другому одновременно.

Том 2, л. д. 92, 103—104.

Действительно, в главе 37 «Шпионаж и цензура» Свода законов США имеется параграф 793, который устанавливает такого рода наказание за указанные действия.

Как показал **Пауэрс**, за выполнение шпионских заданий американской разведки ему был установлен ежемесячный оклад в сумме 2500 долларов, тогда как в период службы в военно-воздушных силах США ему выплачивали 700 долларов в месяц.

Том 2, л. д. 2, 91.

После привлечения к сотрудничеству с американской разведкой он был направлен для прохождения специальной подготовки на аэродром, расположенный в пустыне штата Невада.

На этом аэродроме, являвшемся одновременно частью атомного полигона, он в течение двух с половиной месяцев изучал высотный самолет типа «Локхид У-2» и осваивал управление оборудованием, предназначенным для перехвата радиосигналов и сигналов радиолокационных станций. На самолетах этого типа **Пауэрс** совершал тренировочные полеты на большой высоте и на большие расстояния над Калифорнией, Техасом и северной частью США.

В целях конспирации летчики-шпионы, проходившие подготовку на этом аэродроме, значились под вымышленными фамилиями. В частности, **Пауэрс** находился там под фамилией **Палмер**.

Том 2, л. д. 192—194; том 3, л. д. 45—51; том 4, л. д. 47—52.

После специальной подготовки **Пауэрс** был направлен на американо-турецкую военную авиационную

базу Инджирлик, расположенную вблизи города Аданы, где дислоцировалось разведывательное подразделение, условно именовавшееся подразделением «10—10».

Это подразделение, предназначенное для ведения разведывательной работы против СССР путем засылки самолетов-разведчиков в воздушное пространство СССР для сбора сведений о военных, промышленных и других важных объектах, в целях маскировки числилось находящимся в ведении Национального управления по авионавигации и исследованию космического пространства (НАСА).

Том 2, л. д. 195, 217; том 4, л. д. 52—56, 62, 313.

По поводу изъятых у Пауэрса удостоверения, выданного 1 января 1959 года, он заявил, что в этом удостоверении «указано, что я имею право летать на военных самолетах США. Оно было выдано мне в подразделении «10—10» на авиабазе в Инджирлике. Это удостоверение выдано нам от имени НАСА».

Том 3, л. д. 183.

По заданию командования подразделения «10—10» Пауэрс с 1956 года систематически совершал на специальном высотном самолете «Локхид У-2» разведывательные полеты вдоль границ Советского Союза с Турцией, Ираном и Афганистаном.

Том 2, л. д. 8, 177, 178, 237—239.

Об этих полетах Пауэрс показал:

«Мы поднимались с аэродрома Инджирлик и летели на Восток до города Ван, на берегу озера с тем же наименованием. После этого брали курс на столицу Ирана — Тегеран и после пролета над Тегераном летели в восточном направлении южнее Каспийского моря. Затем я обычно пролетал южнее города Мешхеда, пересекал ирано-афганскую границу и далее летел вдоль афгано-советской границы... Недалеко от восточной границы Пакистана делался поворот и по тому же маршруту возвращались на аэродром Инджирлик. Позднее мы стали делать по-

ворот раньше, после углубления на территорию Афганистана примерно на 200 миль».

Том 3, л. д. 9.

Пауэрс далее показал, что при его разведывательных полетах в этом районе ему в качестве запасных аэродромов для возможной посадки указывались также аэродромы на территории Ирана, в Мешхеде и Тегеране.

Том 3, л. д. 87.

Маршрут полета самолета **Пауэрса** над территорией СССР 1 мая 1960 года был заранее тщательно разработан. Об этом свидетельствует и тот факт, что выполнение полета было поручено именно **Пауэрсу**, который еще в 1958 году ознакомился с аэродромом в Будё (Норвегия).

Как установлено следствием, 27 апреля 1960 года **Пауэрс** был доставлен на транспортном самолете военно-воздушных сил США с военно-воздушной базы Инджирлик в Пакистан на аэродром Пешавар. Одновременно для подготовки его полета на базу Пешавар прибыл полковник Шелтон в сопровождении двадцати человек из числа обслуживающего персонала подразделения «10—10». Туда же был перегнан из Турции другим летчиком подразделения «10—10» специально оборудованный самолет «Локхид У-2».

Том 2, л. д. 179, 197—198, 240—244; том 3, л. д. 6—7; том 4, л. д. 59—60.

В ночь на 1 мая 1960 года за два с половиной часа до отлета **Пауэрс** получил от Шелтона задание пролететь над территорией СССР с юга на север на высоте 20 000 метров по маршруту: Пешавар, Аральское море, Свердловск, Киров, Архангельск, Мурманск и приземлиться в Норвегии на аэродроме Будё.

Согласно полученным инструкциям **Пауэрс**, пролетая над территорией Советского Союза, должен был включать в определенных местах имевшуюся на борту самолета специальную аппаратуру для аэрофото-съемки и фиксации работы радиолокационных станций системы противовоздушной обороны СССР. По указанию Шелтона **Пауэрсу** необходимо было обра-

тить особое внимание на ряд участков его маршрута и два пункта, в одном из которых предполагалось наличие стартовой площадки для запуска ракет, а в другом — расположение особо важного оборонного объекта.

Все эти инструкции **Пауэрсом** были точно выполнены. **Пауэрс** на самолете «Локхид У-2» поднялся с аэродрома Пешавар, набрал высоту 20 000 метров, пролетел над территорией Афганистана, вторгся в воздушное пространство Советского Союза более чем на две тысячи километров от границы. Во время полета навигационные приборы и специальная аппаратура действовали безотказно. В течение всего полета **Пауэрс** чувствовал себя нормально и нанес на полетную карту данные разведывательного характера. В районе Свердловска самолет **Пауэрса** был сбит советскими ракетными войсками.

Том 2, л. д. 4, 9, 28, 37—39, 179—181, 198, 199, 239—244, 254—260, 268—271, 273, 274; том 3, л. д. 20—23, 60, 61, 132—134, 142—145; том 6, л. д. 25.

На вопрос, при каких обстоятельствах был сбит пилотируемый им самолет, **Пауэрс** показал:

«...Неожиданно я услышал глухой взрыв и увидел оранжевое сияние. Самолет вдруг накренился и, как мне кажется, у него огломились крылья и хвостовое оперение. Возможно, что прямого попадания в самолет не было, а взрыв произошел где-то вблизи самолета и взрывная волна или осколки ударили в самолет... Это произошло на высоте приблизительно 68 тысяч футов... Меня сбили примерно в 25—30 милях южнее или юго-восточнее города Свердловска. В этот момент я летел довольно точно по курсу...

При падении самолета меня прижало к приборному щитку, и поэтому я не смог воспользоваться катапультирующим устройством, а поднял над головой фонарь кабины, отстегнул пристяжные ремни и выкарабкался из самолета через верх. Парашют открылся автоматически».

Том 2, л. д. 182; том 4, л. д. 256—257.

Показаниями обвиняемого, вещественными доказательствами и заключениями экспертов установлено, что самолет, пилотируемый **Пауэрсом**, был оборудован специальным подрывным устройством для того, чтобы, в случае вынужденной посадки на территории СССР, летчик мог бы взорвать его. Кроме того, был также установлен взрывной аппарат в магнитофоне, предназначенном для записи сигналов советских радиолокационных станций.

Том 1, л. д. 228; том 2, л. д. 209—210; том 5, л. д. 30, 84—91.

Пауэрс был снабжен специальной булавкой с сильнейшим ядом из группы кураре. Эта булавка была ему дана, как заявил **Пауэрс**, для того, чтобы в случае применения к нему пыток покончить жизнь самоубийством.

Том 1, л. д. 37; том 2, л. д. 10, 93; том 5, л. д. 261—262.

Все эти замыслы и тщательно предусмотренные заранее меры предосторожности были рассчитаны на то, чтобы избежать разоблачения агрессивной политики правящих кругов США и обмануть мировое общественное мнение.

Кроме булавки с ядом **Пауэрсу** были даны: бесшумный пистолет с патронами, финский нож, надувная резиновая лодка, комплект топографических карт европейской части СССР и прилегающих к ней стран, средства для разведения костров, сигнализационные шашки, электрический фонарь, компасы, пила, рыболовные снасти и другие предметы и вещи, а также советские деньги в сумме 7500 рублей и ценности (золотые монеты, кольца, наручные часы), которые, как показал **Пауэрс**, были вручены ему полковником Шелтоном при посадке в самолет и предназначались для подкупа советских людей в случае вынужденной посадки на территории СССР.

Все это снаряжение изъято у **Пауэрса** при его задержании.

Том 1, л. д. 21—22, 34—41, 67—72, 81—83, 161—188; том 2, л. д. 46—48, 219—220; том 3, л. д. 244—250, 257—264; том 4, л. д. 1—7, 16—21.

Свидетели Сурин В. П., шофер, Черемисин А. Ф., рабочий, Чужакин Л. А., шофер, Асабин П. Е., инвалид, и многие другие, наблюдавшие момент поражения самолета «Локхид У-2» ракетой в районе Свердловска и задержавшие приземлившегося на парашюте летчика Пауэрса, показали следующее:

Сурин В. П.—

«1 мая 1960 года, примерно около одиннадцати часов местного времени, находясь дома в своей квартире, я услышал сильный шум, подобный шуму реактивного самолета, но более резкий. Это меня заинтересовало, я выбежал на улицу, чтобы узнать, в чем дело, и в это время услышал взрыв, а также увидел... столб пыли... В это время высоко в небе я заметил клуб дыма и белое пятно, которое опускалось вниз. Я стал за ним наблюдать и, когда оно спустилось ниже, рассмотрел, что это опускается парашютист. Во время этого происшествия ко мне на легковой автомашине... подъехал шофер **Чужакин Леонид**, с которым мы знакомы по работе. Когда он вышел из кабины, я ему сразу же показал на опускавшегося парашютиста, и мы стали вместе наблюдать за ним, куда он приземлится. Через некоторое время стало видно, что он приземляется... на берегу речки возле высоковольтной линии. **Чужакин** меня пригласил в машину, и мы поехали к месту приземления парашютиста. Не доехав примерно метров 50, **Чужакин** машину остановил, и мы побежали к месту приземления парашютиста».

Том 4, л. д. 328, 329.

Чужакин Л. А.—

«Когда сняли с парашютиста шлемофон с каской, он что-то сказал на непонятном для нас языке. Мы спросили его, кто он такой, но он ничего не ответил. Тогда мы поняли, что он — иностранец. Это насторожило нас, и тогда **Черемисин** изъяс висевший у него на поясе в кожаной кобуре длиннотвольный пистолет. Затем жестами показали ему, один ли он был. Он также жестами ответил, что был один. Видя, что парашютист — иностранец, мы решили его задержать».

Том 4, л. д. 399, 400.

Асабин П. Е.—

«Во время приземления парашютист упал. Чтобы не тащило его парашютом по земле, я придержал его и помог погасить парашют, поскольку с этим знаком, так как в прошлом сам служил в авиации. В это время сюда прибежали мои знакомые **Черемисин Анатолий**, **Чужакин Леонид** и **Сурина Владимир** и помогли парашютисту встать на ноги. Я помог ему снять парашют, а **Черемисин**, **Чужакин** и **Сурина** сняли с него шлемофон с каской и перчатки.

Когда с парашютиста сняли шлемофон с каской, он что-то сказал на непонятном нам языке. Мы в свою очередь спросили его, кто он такой, что случилось, но он ничего не отвечал и только мотал головой. Мы догадались, что он — иностранец, и решили его задержать».

Том 4, л. д. 349, 350.

Черемисин А. Ф.—

«Задержанного парашютиста я и **Асабин** взяли под руки и отвели к стоящей недалеко легковой автомашине, на которой приехали **Чужакин** и **Сурина**. В момент посадки парашютиста в автомашину **Асабин** обнаружил у него и изъясил финский нож».

Том 4, л. д. 387.

Осмотром остатков сбитого самолета установлено, что детали и агрегаты самолета получили значительные повреждения при поражении самолета в воздухе и ударе о землю. Части самолета были разбросаны на площади около 20 квадратных километров.

Том 1, л. д. 47—59, 227.

Обвиняемый **Пауэрс**, которому были предъявлены части сбитого самолета, на вопрос, что это за самолет, ответил:

«Это самолет «Локхид У-2» в сильно поврежденном состоянии».

На вопрос, на этом ли самолете он летел 1 мая 1960 года над территорией Советского Союза, обвиняемый **Пауэрс** ответил:

«По-моему, это тот самый самолет, на котором я летел 1 мая 1960 года. Чтобы сказать более определенно, мне нужно осмотреть кабину пилота, если она сохранилась...»

После этого обвиняемому Пауэрсу была предъявлена сохранившаяся часть кабины летчика. На вопрос: «Знакома ли Вам эта часть самолета?» — он ответил:

«Да, знакома, это фонарь кабины летчика. Я уверен, что это фонарь с кабины моего самолета...»

Том 3, л. д. 158—160.

Эксперты, осматривавшие остатки сбитого самолета, дали заключение, что он является одноместным дозвуковым разведчиком типа «У-2» американской фирмы «Локхид» с одним турбореактивным двигателем. Самолет не имеет опознавательных знаков государственной принадлежности. На нем была установлена аппаратура для фотографической и радиотехнической разведки, включающая аэрофотоаппарат с фокусным расстоянием тридцать шесть дюймов, и аппаратура обнаружения радиоизлучений в трехсантиметровом, дециметровом и метровом диапазонах радиоволн.

На самолете также установлен блок подрыва с дистанционным управлением, содержащий 1,4 килограмма взрывчатого вещества. На аппаратуре и частях самолета имеются знаки различных американских фирм и, в частности, турбореактивный двигатель изготовлен фирмой «Прат-Уитни», агрегаты запуска и электропитания изготовлены фирмами «Гамильтон стандарт», «Дженерал электрик» и др. Кроме того, на аппаратуре имеются обозначения, свидетельствующие о ее принадлежности военному ведомству США. Например, аппаратура радиотехнической разведки, изготовленная фирмой «Хьюлетт-Паккард» и лабораторией Хаггинс, имеет специальный индекс, свидетельствующий о принадлежности этой аппаратуры военному ведомству США.

Отсутствие на самолете опознавательных знаков государственной принадлежности, наличие на нем комплекса специальной аппаратуры фото- и радиотехнической разведки, а также подрывного устрой-

ства для уничтожения самолета явно свидетельствуют о его разведывательном назначении.

Том 1, л. д. 227—228, 248—253;
том 5, л. д. 84—91, 111—112, 155—158,
174—185.

Проведенной по этому делу технической экспертизой установлено, что на самолете имелся специальный авиационный магнитофон, связанный с аппаратурой обнаружения радиоизлучений, с запасом ферромагнитной пленки на 8 часов непрерывной работы. Магнитофон имеет индекс МР 12570 сер. № 769 с мотором привода лентопротяжного механизма постоянного тока американской фирмы «Глоб Инд.», город Дайтон, штат Огайо.

Дешифрованием записей импульсных сигналов на ферромагнитной пленке установлено, что эти сигналы принадлежат наземным радиолокационным станциям системы радиолокационного обеспечения противовоздушной обороны Советского Союза. По этим записям можно определить: диапазон радиоволн, в котором работают разведываемые радиолокационные станции, частоту повторения импульсов, время облучения самолета радиолокационной станцией и район ее дислокации, число и режим работающих радиолокационных станций.

Том 5, л. д. 29—36.

Разведывательный характер полета самолета «Локхид У-2» над территорией СССР подтверждается также заключением технической экспертизы, исследовавшей фотооборудование самолета.

Как установили эксперты, аэрофотоаппарат модели «73-В» № 732 400, находившийся на самолете «Локхид У-2», является специальным разведывательным фотоаппаратом, рассчитанным на фотографирование с больших высот полосы местности шириной 160—200 километров.

Расследованием установлено, что во время полета над территорией Советского Союза Пауэрс производил фотографирование местности, промышленных, военных и других важных объектов. Значительная часть изъятой из самолета фотопленки оказалась незасвеченной, и ее удалось проявить.

В результате произведенного исследования аэрофотопленки установлено, что сфотографированная с самолета с помощью длиннофокусного фотоаппарата местность является территорией Советского Союза от района западнее Ташкента до Свердловска. На этой пленке заснят ряд военных и гражданских аэродромов, а также важных промышленных объектов Южного Урала.

Заключениями экспертов и другими собранными доказательствами установлено, что полученные при полете самолета «Локхид У-2», пилотируемого **Пауэрсом**, аэрофотоснимки содержат разнообразную разведывательную информацию относительно промышленных и военных объектов, расположенных на сфотографированной территории, и могут быть использованы как в разведывательных целях, так и для составления топографических карт, а также определения координат военно-стратегических объектов.

Том 5, л. д. 177—185.

Разведывательный характер полета самолета «Локхид У-2» подтверждается также показаниями обвиняемого **Пауэрса**, данными им на предварительном следствии, и его собственноручным заявлением.

Допрошенный по существу предъявленного обвинения **Пауэрс** виновным себя признал и показал:

«Признаю себя виновным в том, что летал над советской территорией и над заданными мне пунктами, по маршруту полета включал и выключал соответствующие рычаги специальной аппаратуры, установленной на борту моего самолета. Как я считаю, это делалось для того, чтобы получить разведывательные сведения о Советском Союзе».

И далее:

«В соответствии с заключенным мною с Центральным разведывательным управлением США контрактом я являлся летчиком специального авиационного подразделения США, занимающегося сбором сведений о действующих на территории Советского Союза радиостанциях и радиолокационных установках, а также, как я предполагаю, и о местах расположения ракет».

Том 2, л. д. 176, 177.

Виновность **Пауэрса** в предъявленном обвинении подтверждается вещественными и письменными доказательствами, заключениями экспертов и показаниями свидетелей.

На основании изложенного — **Френсис Гарри Пауэрс**, 1929 года рождения, гражданин США, уроженец города Бурдайна, штат Кентукки, с высшим образованием, летчик специального разведывательного подразделения «10—10» Центрального разведывательного управления США,— обвиняется в том, что, будучи завербован в 1956 году Центральным разведывательным управлением США, вел активную шпионскую деятельность против Советского Союза, являющуюся выражением агрессивной политики, проводимой правительством США.

1 мая 1960 года он, **Пауэрс**, с ведома правительства США, по заданию американской разведки, осуществляющей на деле указанную агрессивную политику, на специально оборудованном разведывательном самолете «Локхид У-2» вторгся в воздушное пространство СССР с целью сбора сведений стратегического характера о расположении ракетных баз, аэродромов, радиолокационной сети и других особо важных оборонных и промышленных объектов СССР, то есть сведений, составляющих государственную и военную тайну Советского Союза, и, пролетев в глубь советской территории более двух тысяч километров, произвел при помощи специального оборудования фотографирование ряда указанных выше объектов и запись сигналов радиолокационных станций, а также собрал другие данные шпионского характера.

Преступление, совершенное обвиняемым **Френсисом Гарри Пауэрсом**, предусмотрено статьей 2 Закона Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления».

Обвинительное заключение составлено 7 июля 1960 года в городе Москве.

Председатель Комитета
государственной безопасности
при Совете Министров СССР
А. ШЕЛЕПИН

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, понятно ли Вам предъявленное обвинение?

Пауэрс: Да.

Председательствующий: Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении?

Пауэрс: Да, признаю себя виновным.

Председательствующий: Какие предложения имеются у участников процесса о порядке исследования материалов дела? Товарищ Генеральный прокурор?

Руденко: Я полагаю, что исследование дела следует произвести обычным порядком, то есть начать допрос подсудимого, а затем допросить свидетелей в том порядке, как они перечислены в списке, приложенном к обвинительному заключению.

Председательствующий: Товарищ адвокат?

Гринев: У меня нет возражений против предложения Генерального прокурора, я с ним согласен.

Председательствующий: Суд, совещаясь на месте, определил: исследование материалов дела начать с допроса подсудимого, затем допросить свидетелей и заслушать заключения экспертов.

Объявляется перерыв на 20 минут.

(После перерыва.)

Комендант суда: Прошу встать, суд идет.

Председательствующий: Садитесь, пожалуйста. Судебное заседание продолжается.

Товарищ Генеральный прокурор, у Вас есть вопросы к подсудимому?

Руденко: Есть.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, прошу отвечать на вопросы Генерального прокурора Советского Союза.

Руденко: Подсудимый Пауэрс, когда Вы получили задание совершить полет над территорией Советского Союза?

Пауэрс: Утром 1 мая.

Руденко: От кого Вы получили это задание?

Пауэрс: От командира моего подразделения.

Руденко: Кто командир этого подразделения?

Пауэрс: Полковник Шелтон.

Руденко: Где дислоцировалось это подразделение?

Пауэрс: В Адане (Турция).

Руденко: А где Вы получили задание о полете в Советский Союз?

Пауэрс: В городе Пешаваре (Пакистан).

Руденко: Когда Вы прибыли в город Пешавар?

Пауэрс: Я не помню точно даты, но это было примерно за несколько дней, за 4—5 дней до моего полета.

Руденко: Стало быть, в конце апреля?

Пауэрс: Да, в последние дни апреля.

Руденко: С кем Вы прибыли в город Пешавар?

Пауэрс: Я прилетел туда на транспортном самолете, в котором находилось примерно 20 человек, и среди них полковник Шелтон.

Руденко: Был ли это специальный рейс в связи с подготовкой полета в Советский Союз?

Пауэрс: Да, самолет предназначался только для доставки наших людей на аэродром.

Руденко: С какого аэродрома он вылетел?

Пауэрс: Из Аданы (Турция).

Руденко: Он беспосадочно прошел от Аданы до Пешавара?

Пауэрс: Мы сделали одну остановку для заправки.

Руденко: Где была сделана эта остановка?

Пауэрс: Я не помню точно названия аэродрома, где мы сделали посадку. Это было где-то в пути. Обслуживающий персонал на этом аэродроме был английский. Кажется, это было на Бахрейне.

Руденко: Эта база английская?

Пауэрс: Я могу лишь сказать, что обслуживающий персонал на аэродроме был английский.

Руденко: Понятно. Каким образом оказался на аэродроме в Пешаваре самолет «У-2»?

Пауэрс: Он был доставлен на этот аэродром накануне ночью, 30 апреля.

Руденко: Другим летчиком?

Пауэрс: Да.

Руденко: Но он был доставлен для того, чтобы Вы на этом самолете полетели в Советский Союз?

Пауэрс: В то время я еще не знал, что мне предстоит совершить этот полет, но, видимо, самолет был доставлен туда для этой цели.

Руденко: Именно на этом самолете подсудимый Пауэрс вылетел в Советский Союз?

Пауэрс: Да.

Руденко: К полету готовился только один подсудимый или готовились еще и другие летчики?

Пауэрс: Двое летчиков готовились к этому полету одновременно.

Руденко: Почему?

Пауэрс: Я не знаю точно причины, могу лишь высказать соображения по этому поводу, но не могу отвечать за их правильность.

Руденко: Хорошо. Почему это задание было поручено выполнить именно Вам?

Пауэрс: Не имею понятия.

Руденко: Подсудимый Пауэрс специально готовился для выполнения этого задания?

Пауэрс: Все пилоты нашего подразделения, вообще говоря, получали одинаковую подготовку.

Руденко: В том числе и подсудимый Пауэрс?

Пауэрс: Да.

Руденко: Когда Вы поднялись с базы в Пешаваре?

Пауэрс: Мне кажется, это было примерно в 6 часов 30 минут по местному времени.

Руденко: Что предшествовало полету?

Пауэрс: Примерно два часа я проходил подготовку по вдыханию кислорода для полета на высоте, на которой я должен был лететь, и в это же время получал инструктаж.

Руденко: Вы поднялись с базы в Пешаваре на самолете «У-2»?

Пауэрс: Да.

Руденко: Что из себя представляет самолет «У-2»?

Пауэрс: Это специальный высотный самолет, подготовленный и сконструированный для полетов на очень больших высотах.

Руденко: Это разведывательный военный самолет?

Пауэрс: Я не знаю точно, кому принадлежал этот самолет, но самолет такого типа используется для разведки, а также для исследовательских работ на больших высотах.

Руденко: И для разведывательных целей, стало быть?

Пауэрс: Я не могу точно сказать, что самолет принадлежал к какой-либо военной организации. Мне неизвестна принадлежность самолета.

Руденко: Но этот самолет находился в подразделении «10—10»?

Пауэрс: Да.

Руденко: Это военное подразделение?

Пауэрс: Да. Подразделение возглавляется военными, но оно включает и много штатских лиц.

Руденко: Самолет, на котором Вы летели 1 мая, имел опознавательные знаки?

Пауэрс: Я лично не видел никаких указаний на государственную принадлежность самолета. Поскольку я уже был одет в специальный костюм для полета, мне было очень трудно осмотреть самолет со всех сторон.

Руденко: Но Вы видели опознавательные знаки?

Пауэрс: Нет, я не осмотрел самолет снаружи.

Руденко: А ранее подсудимый Пауэрс видел опознавательные знаки на самолете «У-2»?

Пауэрс: Все самолеты, базировавшиеся в Турции, имели опознавательные знаки.

Руденко: Я Вас спрашиваю о самолете «У-2»?

Пауэрс: Я лично не видел никаких опознавательных знаков на этом самолете, но все другие самолеты, какие я видел, опознавательные знаки имели.

Руденко: Мне важно установить, что на самолете, на котором летел подсудимый Пауэрс, не имелось опознавательных знаков. Почему не было опознавательных знаков?

Пауэрс: Я не уверен, что таковых не было.

Руденко: Вы сейчас заявили суду, что на этом самолете не видели опознавательных знаков?

Пауэрс: Я их действительно не видел.

Руденко: Вы даже утверждали, что отсутствие опознавательных знаков объяснялось, видимо, тем, чтобы скрыть государственную принадлежность этих самолетов.

Пауэрс: Можно повторить вопрос?

Руденко: На следствии Вы утверждали, что отсутствие опознавательных знаков свидетельствовало о том, что лицам, которые отправляли этот самолет, не выгодно было раскрывать его государственную принадлежность.

Пауэрс: Я не помню.

Руденко: Не помните? Мы установим из заключения экспертизы, что таких опознавательных знаков не было.

Теперь я хочу спросить Вас, подсудимый Пауэрс, по какому маршруту Вы летели до советской границы?

Пауэрс: Я не помню сейчас точных данных о полете, но помню, что я летел прямо от аэродрома в Пешаваре по направлению к советской границе.

Руденко: В каком месте и в какое время Вы пересекли границу СССР?

Пауэрс: Я не помню сейчас точное время пересечения границы, но полагаю, что это было спустя 30 минут после вылета.

Руденко: На какой высоте Вы должны были лететь?

Пауэрс: На максимальной высоте. Высота меняется с изменением нагрузки. По мере того как горючее расходуется самолетом, он имеет возможность подниматься на большую высоту.

Руденко: На какую?

Пауэрс: Максимальная высота составляет 68 000 футов.

Руденко: Что Вам говорил полковник Шелтон по поводу безопасности полетов на такой высоте?

Пауэрс: Мне было сказано, что летать на такой высоте над Советским Союзом совершенно безопасно, что меня не могут достать средства противовоздушной обороны.

Руденко: Какая задача была поставлена перед Вами в связи с полетом в глубь Советского Союза 1 мая?

Пауэрс: Мне поручили совершить этот полет на заданной высоте и по заданному маршруту и в указанных пунктах включать и выключать свою аппаратуру.

Руденко: Эти пункты были указаны на Вашей карте?

Пауэрс: На моей карте стояли лишь цифровые обозначения — 1—2—3, а также буквенные.

Руденко: Когда были сделаны эти обозначения?

Пауэрс: Они были нанесены на карту до того, как я получил ее.

Руденко: Прошу суд разрешить предъявить подсудимому Пауэрсу полетную карту, обнаруженную в остатках его самолета. Она находится в томе 6, л. д. 25.

(По распоряжению председательствующего секретарь предъявляет подсудимому полетную карту.)

Руденко: Подсудимый Пауэрс, у меня, прежде всего, к Вам вопрос: принадлежит ли эта карта Вам?

Пауэрс: Да, это та карта, которая была у меня 1 мая.

Руденко: На этой карте были помечены основные пункты Вашего маршрута?

Пауэрс: Все пункты маршрута были на этой карте.

Руденко: Вы можете назвать основные пункты маршрута, которым Вы должны были следовать по этой полетной карте?

Пауэрс: Мне было приказано как можно точнее следовать по маршруту. На карте красным карандашом были отмечены те пункты, которых я должен был точно придерживаться.

Руденко: Назовите эти пункты.

Пауэрс: На карте обозначен пункт восточнее Аральского моря, другой пункт — к северо-западу от Челябинска, затем пункты до города Кирова и после него. Далее, пункт — недалеко от Архангельска и пункт около острова Соло. Следующие пункты — вблизи от Конгомы, у Кандалакши, южнее Мурманска и севернее Мурманска. А у этого пункта название не обозначено.

Руденко: Какой конечный пункт полета был Вам указан?

Пауэрс: Я должен был приземлиться в Будё (Норвегия).

Руденко: Эти карты были вручены Вам с пометками. Кем были сделаны пометки?

Пауэрс: Я не уверен, но думаю, что, очевидно, их сделал штурман подразделения.

Руденко: Как фамилия этого штурмана подразделения?

Пауэрс: Штурман, который с нами летел в Пешавар, — майор Дулак.

Руденко: Другие отметки, которые наносились на эту карту, делались Вами?

Пауэрс: Есть некоторые отметки, которые я делал сам, но их немного.

Руденко: Это Вы делали уже во время полета?

Пауэрс: Некоторые из них я делал во время полета; две или три отметки я сделал до полета.

Руденко: Еще на базе в Пешаваре?

Пауэрс: Да.

Руденко: А какие отметки делались Вами во время полета?

Пауэрс: Я наносил знаки, определяющие или указывающие погоду в районах полета.

Руденко: Только погоду?

Пауэрс: Я отмечал также ожидаемое время, в которое я приблизительно должен был проследовать над теми или иными пунктами, а также действительное время, когда пролетал над теми или иными пунктами.

Руденко: Вы наносили другие отметки о каких-либо объектах?

Пауэрс: Во время полета я отмечал отдельные аэродромы и объекты, которые были мне заранее указаны. Эти объекты мне не были известны, их нанес на карту кто-то другой.

Руденко: Я прошу разрешения суда предъявить подсудимому Пауэрсу бортовой журнал. Этот бортовой журнал находится в томе 6, л. д. 26.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите подсудимому остатки бортового журнала.

(Остатки бортового журнала предъявляются подсудимому Пауэрсу.)

Руденко: Подсудимый Пауэрс, этот бортовой журнал принадлежал Вам?

Пауэрс: Да, это тот бортовой журнал, который был у меня в самолете.

Руденко: Прошу сообщить, какие данные содержатся в этом бортовом журнале?

Пауэрс: Моя фамилия, дата, номер самолета, номер полета, время предполагаемого вылета и время действительного вылета, позывные — это сигнал для возвращения. Если я слышу этот сигнал в эфире, я должен ответить тем же и возвратиться на свою базу.

Руденко: Какая фамилия летчика значится в этом журнале?

Пауэрс: Пауэрс.

Руденко: Кто вручил Вам этот журнал?

Пауэрс: Полковник Шелтон.

Руденко: По журналу Вы больше ничего не имеете сообщить?

Пауэрс: В журнале еще указано время посадки. Есть слова: «время посадки», но не указано когда. Есть указание по использованию оборудования на самолете. Указывается, что, когда аппаратура включена, горит сигнал — свет. Дальше, здесь обозначено специальное оборудование — «В» плюс «Т» (латинские буквы), кажется, так. Далее следует надпись: 3 —, тут неясно, здесь латинская буква «д». Далее указаны пункты на карте, скорость ветра, направление, магнитный курс и магнитное склонение, путевая скорость, расстояние между отдельными пунктами, предполагаемое время полета между ними, а также оставлено место, куда я должен был записывать действительное время полета на отдельных участках, высоту, температуру воздуха, погоду, предполагаемое использование горючего и действительный его расход.

Тут написано: «скорость ветра», но предполагалось наносить время, когда я должен пролетать те или иные пункты, и то же самое на другой стороне бортового журнала.

Руденко: Хорошо, достаточно. Скажите, подсудимый Пауэрс, какой у Вас был запасной маршрут?

Пауэрс: Если произошла бы какая-нибудь авария в полете, скажем, с горючим или с кислородом, если это было бы в начале полета, я должен был вернуться в Пешавар. Если бы эта авария произошла во второй половине полета, то я должен был следовать по кратчайшему пути в Будё (Норвегия). Были также намечены маршруты до ближайшего аэродрома, указывающие кратчайший путь, которым я должен был следовать.

Руденко: Какие запасные аэродромы?

Пауэрс: Было отмечено несколько резервных аэродромов, я не помню, какие именно. Было указано, что в случае аварии любой аэродром за пределами Советского Союза был бы, конечно, лучше, чем какой-либо аэродром на территории Советского Союза. *(Оживление в зале.)*

Руденко: В частности, указывался аэродром в Швеции?

Пауэрс: Я не помню, указывались ли аэродромы в Швеции, но в случае аварии я бы сделал посадку на аэродроме в Швеции.

Руденко: Какие запасные аэродромы Вам указывал полковник Шелтон?

Пауэрс: Он говорил, что любой аэродром вне Советского Союза был бы лучше, чем любой из аэродромов на территории Советского Союза. Несколько таких аэродромов было отмечено, но я не помню точно, где они расположены.

Руденко: Был ли отмечен какой-нибудь аэродром на территории Финляндии?

Пауэрс: Я не помню точно названия, сейчас посмотрю. Он упоминается в обвинительном заключении. Не могу сейчас найти его.

Руденко: Именно тот самый, который упоминается в обвинительном заключении?

Пауэрс: Да, я имею в виду тот самый, который упоминается в обвинительном заключении.

Руденко: Каким образом должна была обеспечиваться посадка Вашего самолета в Будё 1 мая?

Пауэрс: Я не имею понятия об этом. Мне было приказано просить инструкцию о посадке и садиться.

Руденко: Кто из подразделения «10—10» должен был встречать Вас?

Пауэрс: Там, очевидно, были бы люди из этого подразделения, но кто, я не знаю.

Руденко: Но представители подразделения «10—10» должны были присутствовать?

Пауэрс: Я уверен, что они там были бы.

Руденко: Таким образом, на базе в Будё было заранее и заблаговременно известно о Вашем предстоящем полете и посадке?

Пауэрс: Я не знаю, что было известно, но мне сказали, что меня там встретит представитель подразделения.

Руденко: С помощью каких средств Вы должны были установить связь с базой в Будё при посадке?

Пауэрс: Я бы вызвал их по радио, дал свой позывной сигнал: «Паппи 68» и попросил инструкцию о посадке.

Руденко: Ясно. Теперь перейдем к вопросам, связанным с полетом над территорией Советского Союза. Сколько времени Вы летели над территорией Советского Союза?

Пауэрс: Я могу сказать лишь приблизительно, точно не знаю, очевидно, от 3 до 3,5 часа.

Руденко: Сколько километров Вы пролетели в глубь территории Советского Союза?

Пауэрс: Точно в километрах не знаю. За 3,5 часа полета приблизительно со скоростью 380 миль в час это составило бы от 1200 до 1300 миль. Я имею в виду расстояние точно по маршруту, со всеми изгибами и отклонениями.

Руденко: На какой высоте проходил полет?

Пауэрс: Полет начался приблизительно на высоте 67 тысяч футов, и по мере израсходования горючего я поднялся на высоту 68 тысяч футов.

Руденко: Вы и следовали по заданному маршруту?

Пауэрс: Я следовал по намеченному маршруту как можно точнее.

Руденко: Как Вы себя чувствовали во время полета?

Пауэрс: Физически я себя чувствовал хорошо, но нервничал, боялся.

Руденко: Чего боялись?

Пауэрс: Сама мысль о том, что я нахожусь над территорией Советского Союза,— это не то, что я бы хотел делать каждый день. (*Оживление в зале.*)

Руденко: Как обстояло дело с кислородным питанием?

Пауэрс: Насколько мне известно, кислородное питание действовало нормально.

Руденко: Все ли было исправно на самолете?

Пауэрс: Незадолго до того, как меня сбили, у меня были неполадки с автопилотом. Все остальное как будто было в полном порядке.

Руденко: Все ли полученные Вами задания были точно выполнены по маршруту полета до момента поражения Вашего самолета?

Пауэрс: Все задания, данные мне, я выполнял по мере сил, как можно точнее. Была плохая погода, и я отклонялся от курса. Большая часть территории по маршруту была закрыта облаками, и я не видел земли.

Руденко: На Вашем самолете обнаружена разведывательная аэрофотоаппаратура. Какие давались Вам задания по ее использованию?

Пауэрс: Мне не были даны какие-нибудь точные или определенные инструкции по использованию или

управлению той или иной аппаратурой. Я лишь включал и выключал аппаратуру над теми или иными пунктами маршрута.

Руденко: С какой целью Вы включали и выключали ее?

Пауэрс: Я был проинструктирован делать это. На карте было обозначено, где я должен был включать и выключать аппаратуру.

Руденко: Очевидно, подсудимому Пауэрсу было ясно, с какой целью надо было включать и выключать аппаратуру?

Пауэрс: Я довольно-таки хорошо мог догадываться, для чего включал и выключал ее. Но знал ли я точно? Я сказал бы — нет.

Руденко: Наверняка подсудимый Пауэрс знал об этом точно.

Пауэрс: Я и сейчас не очень определенно уверен, для чего это делалось. Но так как я видел некоторые результаты, после того как я познакомился с этой аппаратурой, я теперь более ясно представляю, чем раньше, для чего она предназначена.

Руденко: Я думаю, что подсудимый Пауэрс с первого момента полета не сомневался в том, что это разведывательный полет?

Пауэрс: Думаю, что я не сомневался в этом.

Руденко: На Вашем самолете обнаружена радио-разведывательная аппаратура, включающая магнитофонную запись сигналов советских радиолокационных станций. Так это?

Пауэрс: Мне так сказали, что был обнаружен магнитофон, но я не знаю. Я никогда раньше не видел оборудования и впервые увидел его только здесь.

Руденко: Но подсудимый Пауэрс достаточно подготовленный пилот, чтобы знать, что такого рода полеты совершаются в специальных, разведывательных целях.

Пауэрс: Я ничего, однако, не знал об аппаратуре раньше.

Руденко: Но достаточно был осведомлен о том, что этот полет делается в разведывательных целях?

Пауэрс: Я не видел других причин для подобного полета.

Прошу выключить свет прожектора, он слепит глаза.

Председательствующий: Прошу выключить свет. Прошу продолжать.

Руденко: На Вашем самолете имелась специальная радиоустановка для создания помех в работе радиолокационных станций?

Пауэрс: В хвостовой части самолета находилось оборудование, которое искажало радиолокационные сигналы, направляемые на меня как истребителями, так и радиолокационными установками на земле.

Руденко: Каким образом Вы управляли Вашей аппаратурой во время полета?

Пауэрс: В указанных местах я включал определенную аппаратуру.

Руденко: Именно в пунктах, которые были отмечены на карте?

Пауэрс: Да, в пунктах, которые были указаны на карте.

Руденко: Вы производили также визуальные наблюдения с самолета?

Пауэрс: Да.

Руденко: А Вы делали соответствующие отметки на карте?

Пауэрс: Если я правильно понял, то я сделал три отметки на карте.

Руденко: Что это были за отметки?

Пауэрс: Первая отметка — аэродром, который не был отмечен на полетной карте. Я определил как можно точнее координаты этого аэродрома. Далее я отметил крупные цистерны — склады горючего. Это было сделано, когда я пролетал через тонкий слой облаков. Я немного отклонился от курса и точно не помню, где находился в то время. Затем я отметил большое скопление зданий — большой населенный пункт.

Руденко: С какой же целью делались эти отметки?

Пауэрс: Мне было сказано наносить на карту все, что не было на ней отмечено. Я думаю, что это общая привычка пилотов отмечать на карте то, что на ней не обозначено.

Руденко: Привычка с целью шпионажа?

Пауэрс: Я уверен, что сделал бы то же самое, летая и над территорией США.

Руденко: Я Вас спрашиваю о полете над территорией СССР.

Пауэрс: Я был проинструктирован делать это, и я выполнял инструкцию.

Руденко: Вы не отрицаете, что вторглись в воздушное пространство СССР, нарушив закон?

Пауэрс: Нет, я этого не отрицаю.

Руденко: Стало быть, это вторжение было в целях разведывательных, шпионских?

Пауэрс: Думаю, что это было так.

Руденко: Вы заявили здесь и на следствии, что включали и выключали рычаги аппаратуры над определенными пунктами?

Пауэрс: Я делал то, что мне было указано.

Руденко: Не зная о специальной аппаратуре?

Пауэрс: Нет, я никогда не видел этой специальной аппаратуры.

Руденко: Вы с таким же успехом могли бы нажать рычаг и сбросить атомную бомбу?

Пауэрс: Это могло бы быть сделано, но это не тот тип самолета, там нет приспособления для подвески бомб.

Руденко: Но этот самолет находился на высоте 20 000 метров, и с земли не видно, какую аппаратуру он несет на борту. Итак, подсудимый Пауэрс, все данные Вашего самолета — высотность, оборудование — все свидетельствует о целях шпионских.

Пауэрс: Так точно.

Руденко: На какой высоте находился Ваш самолет в момент его поражения ракетой?

Пауэрс: Примерно на высоте 68 тысяч футов.

Руденко: При каких обстоятельствах это произошло?

Пауэрс: Я только что произвел поворот самолета и летел приблизительно около одной минуты по прямому курсу. Потом я услышал или, может быть, даже почувствовал какой-то глухой взрыв. Мне казалось, что этот взрыв произошел где-то сзади, и я увидел оранжевую вспышку.

Руденко: В каком районе это произошло?

Пауэрс: Несколько миль южнее Свердловска.

Руденко: Каким образом Вы покинули борт самолета?

Пауэрс: Я не мог воспользоваться катапультирующим устройством из-за сил, возникших в падающем са-

молете, и помню, что, когда я стремглав летел вниз, приблизительно на высоте 30 тысяч футов, понял, что не могу воспользоваться катапультной. Тогда я открыл фонарь и освободил пристяжные ремни. Центробежной силой меня наполовину прижало к панели приборов, а наполовину выбросило из самолета. Я забыл разъединить шланги кислородного прибора, и мне пришлось бороться, чтобы оставить самолет. Парашют открылся автоматически, сразу же после того, как я покинул самолет. Тогда я был на высоте приблизительно 14 тысяч футов.

Руденко: Какой Вы имели инструктаж относительно вынужденной посадки на территории Советского Союза? Что Вы должны были сделать с самолетом?

Пауэрс: Я был проинструктирован, что если мне абсолютно необходимо будет спуститься на территорию Советского Союза, то я должен уничтожить самолет при помощи кнопок и рычагов, которые имелись на нем для этой цели, и по возможности избежать пленения. Затем с помощью аварийного снаряжения я должен был попытаться добраться до ближайшей границы.

Руденко: Самолет был оборудован специальным устройством для его подрыва?

Пауэрс: Да, мне так было сказано.

Руденко: С какой целью это делалось? С целью самоуничтожения, чтобы замести следы?

Пауэрс: Я не знаю, что было бы уничтожено, если бы я нажал на соответствующие кнопки. Я был просто проинструктирован сделать это.

Руденко: Подсудимый Пауэрс, при задержании у Вас были обнаружены итальянские, французские, немецкие деньги и золотые монеты. Кто их Вам вручал и для какой цели?

Пауэрс: Это рассматривалось как часть аварийного снаряжения. У меня были золотые монеты и русские рубли. Золотые монеты принадлежат различным странам; каким именно, я не знаю. Они должны были помочь мне убежать.

Руденко: А для чего Вам были вручены советские деньги в сумме семи с половиной тысяч рублей?

Пауэрс: С той же целью, с какой мне были даны золотые монеты,— чтобы подкупать людей, если я

смогу это сделать. Но я не знаю, как я смог бы это сделать, не говоря на языке страны, на территории которой могла бы произойти вынужденная посадка.

Руденко: Подсудимый Пауэрс, но стоило Вам только приземлиться на советской земле, как простые советские люди, почувствовав в Вас врага, задержали Вас, обыскали, обезоружили и доставили органам власти?

Пауэрс: Так точно.

Руденко: Для какой цели Вы были снабжены бесшумным десятизарядным пистолетом?

Пауэрс: Он должен был быть использован в целях охоты.

Руденко: И для этого Вам дали 205 штук патронов?

Пауэрс: Да.

Руденко: Насколько известно, охотятся обычно с охотничьими ружьями.

Пауэрс: Довольно трудно везти на самолете охотничье ружье.

Руденко: Да еще на таком самолете, который отправляется в шпионский рейс...

Пауэрс: Я думаю, что пистолет не имел никакого отношения к шпионскому заданию и к целям полета.

Руденко: Кто Вам вручил булавку с ядом?

Пауэрс: Ее мне вручил полковник Шелтон, когда он инструктировал меня перед вылетом.

Руденко: Для какой же цели вручили Вам эту булавку?

Пауэрс: Она мне была выдана для того, чтобы я применил ее в случае, если попаду в плен и буду подвергнут пыткам. Если бы я не выдержал пыток, тогда я должен был бы покончить с собой.

Руденко: Значит, Ваши хозяева, направляя Вас в шпионский полет, не щадили Вашей жизни?

Пауэрс: Они предоставили мне выбор — использовать булавку или нет.

Руденко: Но все-таки они дали булавку, которая была снабжена ядом?

Пауэрс: Да.

Руденко: Они, очевидно, хотели, чтобы Вы взорвали самолет, уничтожили себя и скрыли следы преступления?

Пауэрс: Мне никто не говорил, чтобы я покончил с собой.

Руденко: Но булавка была дана, чтобы Вы покончили с собой?

Пауэрс: Если бы были применены пытки.

Руденко: Вам говорили о том, что в Советском Союзе пытаются?

Пауэрс: Я не помню, чтобы шла речь о том, что в Советском Союзе применяют пытки, но я ждал этого.

Руденко: Ну и что же, применяли к Вам пытки?

Пауэрс: Нет.

Руденко: Как относились к Вам следственные власти?

Пауэрс: Со мной обращались очень хорошо.

Руденко: Я хочу спросить Вас о следующем. 17 мая в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького Вам была показана выставка всего оборудования и остатков Вашего самолета?

Пауэрс: Да.

Руденко: Вам показали остатки самолета?

Пауэрс: Да, мне показали их.

Руденко: Это тот самый самолет «Локхид У-2», на котором Вы летали?

Пауэрс: Я уверен, что это именно тот самолет.

Руденко: Только не в том состоянии, в каком он вылетел из Пешавара?

Пауэрс: Довольно-таки значительные изменения произошли...

Руденко: Я думаю, значительные... Вам предоставили возможность осмотреть сохранившиеся части кабины летчика?

Пауэрс: Мне кажется, мне показали все, что осталось от самолета.

Руденко: Я хотел этот факт удостоверить. Части самолета здесь есть, их можно показать. Однако подсудимому Пауэрсу они уже были предъявлены. Теперь я хочу поставить подсудимому ряд вопросов, связанных с началом его шпионской деятельности.

Подсудимый Пауэрс, Ваш полет 1 мая на самолете «У-2» был совершен в соответствии с условиями, которые Вы заключили в секретном контракте с Центральным разведывательным управлением?

Пауэрс: Да.

Руденко: Расскажите суду обстоятельства, при которых Вы заключили этот контракт с Центральным разведывательным управлением.

Пауэрс: Я тогда служил в военно-воздушных силах. Однажды мне сказали, что какие-то люди хотели бы меня видеть. Я встретился с этими людьми, они со мной побеседовали. Мне было сказано, что для меня имеется хорошо оплачиваемая работа и что я по своей квалификации подхожу для нее.

Мне сказали, что нужно пройти соответствующую подготовку, что я буду разлучен с семьей и приблизительно на протяжении 18 месяцев буду находиться за океаном. Тогда они мне не сказали определенно, сколько я буду получать, но заметили, что это будет больше, чем та сумма, которую я получал, будучи старшим лейтенантом. Работа будет летная. Мне предложили продумать все это. Я с женой обсудил предлагаемые мне условия. Следующая беседа с этими людьми состоялась не то через день, не то через два, не помню. Мне понравилась идея летной работы с большим жалованьем. Я сказал, что согласен разлучиться с семьей, уехать из дому. Тогда мне сообщили кое-что еще в отношении того, что от меня потребуется. Это было, конечно, довольно-таки давно.

Руденко: Это когда было?

Пауэрс: В 1956 году.

Надо было пройти соответствующий медицинский осмотр, оказаться достаточно физически подготовленным для этой работы. Я отвечал этим требованиям. Специально для меня был изготовлен летный высотный костюм. Я этот костюм испробовал в особой барокамере. Мне сказали, что я буду получать 2500 долларов в месяц. Мне выплачивалось на руки 1500 долларов, а 1000 долларов я должен был получить аккордом после успешного окончания контракта. Мне сказали, что моей основной задачей будут полеты вдоль границ Советского Союза с целью сбора любых радио- и радарных информации, и было сказано, что могут быть и другие задания. Я подписал контракт и начал проходить обучение, то есть тренировку.

Руденко: Кто подписал контракт от имени Центрального разведывательного управления?

Пауэрс: Я точно не помню, был господин Коллинз.

Кажется, господин Коллинз подписал этот контракт в моем присутствии, но на контракте были и другие подписи.

Руденко: Какая ответственность предусматривалась этим контрактом за разглашение содержания и характера Вашей работы?

Пауэрс: Это наказуемо по определенным статьям закона, потому что это секретные данные.

Руденко: Какая именно ответственность предусматривалась там? Вы не помните сейчас?

Пауэрс: Я точно не помню, как это было сформулировано, но помню, что говорилось о 10 годах заключения или штрафе в 10 000 долларов, или о том и другом вместе.

Руденко: Этот контракт был Вами заключен уже после того, как Вы уволились из военно-воздушных сил?

Пауэрс: Я точно не помню дату, когда я покинул военно-воздушные силы США, и не помню дату, когда я подписал контракт. Но по времени это было очень близко.

Руденко: Вы назвали предложенное Вам вознаграждение в 2,5 тысячи долларов в месяц? Так?

Пауэрс: Да.

Руденко: Это большое вознаграждение?

Пауэрс: Да, это гораздо больше, чем я зарабатывал раньше. Это приблизительно та сумма, которую получает командир, капитан гражданского лайнера, первый пилот.

Руденко: Когда и от кого Вы впервые узнали, что в Ваши задачи будет входить совершение разведывательных полетов вдоль границ Советского Союза?

Пауэрс: Это мне было сказано до того, как я подписал контракт.

Руденко: Стало быть, подписывая контракт, Вы представляли себе, что Вам придется заниматься полетами над территорией Советского Союза?

Пауэрс: В то время я этого не знал.

Руденко: Как не знали?

Пауэрс: Об этом конкретно в контракте ничего не было сказано. Я должен был выполнять приказы, и мне об этом ничего не было известно.

Руденко: В контракте не сказано, но Вам было

объявлено, что полеты будут вдоль границ Советского Союза?

Пауэрс: Да.

Руденко: С какого времени и где Вы проходили подготовку после заключения контракта с Центральным разведывательным управлением?

Пауэрс: Подготовка началась через несколько дней, точно не помню через сколько, после подписания контракта. Началась подготовка в конце мая и продолжалась приблизительно до первых чисел августа.

Руденко: Почему Вы, проходя подготовку, имели вымышленную фамилию?

Пауэрс: Нам было сказано: это необходимо для того, чтобы люди, которые не связаны с данным подразделением, при несчастном случае не знали, что он произошел, скажем, с Пауэрсом.

Руденко: Под какой фамилией проходил подготовку Пауэрс?

Пауэрс: Имя было у меня то же самое, фамилия — Палмер.

Руденко: Куда был направлен подсудимый Пауэрс после окончания специальной подготовки?

Пауэрс: В подразделение «10—10», в Адане (Турция).

Руденко: Когда это было?

Пауэрс: Я, кажется, прибыл туда 20 августа 1956 года.

Руденко: Каковы цели и задачи подразделения, в котором находился подсудимый?

Пауэрс: В основном собирать информацию вдоль границ Советского Союза. Мы также проводили исследовательскую работу по изучению погоды, брали пробы воздуха с целью исследования его на радиоактивность.

Руденко: Кто командовал подразделением «10—10» в момент прибытия в него подсудимого Пауэрса в 1956 году?

Пауэрс: Полковник Пери.

Руденко: Кому непосредственно подчинялось подразделение «10—10»?

Пауэрс: Подразделение «10—10» находилось под непосредственным руководством командира, который

был в этом подразделении, а кому оно было подчинено выше, я не знаю.

Руденко: Это было воинское подразделение?

Пауэрс: Во главе этого подразделения стояли военные.

Руденко: Понятно.

Пауэрс: Но основная часть людей, работающих в этом подразделении, штатных работников, были гражданскими лицами.

Руденко: Но они подчинялись военным?

Пауэрс: Да, полковник Шелтон был командиром этого подразделения.

Руденко: В течение какого времени проходил под-судимый Пауэрс службу в подразделении «10—10»?

Пауэрс: Со времени прибытия до 1 мая 1960 года.

Руденко: Кому принадлежит военная база в Адане, где дислоцировалось подразделение «10—10»?

Пауэрс: Я уверен, что эта база принадлежит Турции и расположена на ее территории. Но этой базой пользуется как турецкий, так и американский персонал.

Руденко: База принадлежит Турции, а командуют американцы?

Пауэрс: Командирами базы были американец, а также турок. Кто из них был старшим, я не знаю.

Руденко: Разве все имели доступ в подразделение «10—10»?

Пауэрс: База находилась в запретной зоне, и только персонал, работавший на ней, имел туда доступ.

Руденко: Американский персонал?

Пауэрс: Да, американский персонал там работал.

Руденко: Всех ли американцев туда допускали?

Пауэрс: Те, которые находились в других подразделениях базы, в место расположения подразделения «10—10» не допускались.

Руденко: Итак, эта турецкая база находилась под полным американским командованием, и, не говоря уже о турках, доступ в нее был закрыт также для многих американцев.

Пауэрс: Доступа в подразделение «10—10» не было, но в другие подразделения он был.

Руденко: Я спрашиваю об этом подразделении.

Пауэрс: Я не пользовался доступом в другие подразделения, потому что работал в подразделении «10—10».

Руденко: Но подразделение «10—10» — особое подразделение?

Пауэрс: Я думаю, что его можно назвать особым подразделением.

Руденко: Именно — разведывательное?

Пауэрс: Думаю, что да.

Руденко: Я хотел бы спросить Вас, кто из высших военных чинов посещал подразделение «10—10»?

Пауэрс: Было несколько человек, которые производили инспекционные поездки. Во время этих поездок они посещали подразделение «10—10».

Руденко: Кого из них может назвать подсудимый Пауэрс?

Пауэрс: Я слышал, что в первых числах апреля генерал Уайт прибыл на базу, я видел его самолет. Я слышал от приятеля, что генерал Уайт посетил базу, но сам не знаю точно.

Руденко: Кто еще из высшего военного начальства посещал базу?

Пауэрс: Были и другие, я всех не помню. Был генерал Эверест.

Руденко: Кто такой генерал Эверест?

Пауэрс: Тогда он был командующим военно-воздушными силами США в Европе.

Руденко: С какими целями он посещал это подразделение?

Пауэрс: Я точно не знаю, я бы сказал, что это была обычная инспекционная поездка.

Руденко: Значит, это подразделение находилось в центре внимания высших военных начальников?

Пауэрс: Это значит, что подразделение, которое находилось на базе, посещалось командованием.

Руденко: Подразделение «10—10», как Вы сказали, было особым подразделением?

Пауэрс: Оно особое, очевидно, по роду выполняемой работы.

Руденко: Именно, по роду выполняемой работы.

Пауэрс: Но это не значит, что его показывают посетителям. Посетители, наоборот, не допускаются в это подразделение.

Руденко: Но такие посетители, как Уайт и Эверест,— не обычные посетители.

Пауэрс: Вы правы, они, конечно, большие шишки.

Руденко: Посещали ли подразделение «10—10» другие видные лица?

Пауэрс: Были посетители, но я не помню, кто они такие. Были генералы, конгрессмены. Я думаю, что конгрессмены не посещали подразделение, но они осматривали базу.

Руденко: Еще кто посещал?

Пауэрс: Кроме того, мне кажется, посещал кардинал Спеллман.

Руденко: Кардинал тоже интересуется военными базами?

Пауэрс: Он — церковная фигура. Я бы сказал, что его интересует личный состав, а не база.

Руденко: Тот самый состав, который совершает шпионские полеты?

Пауэрс: Мне кажется, что он меньше думает о том, какую работу выполняет человек, а больше интересуется тем, что из себя представляет этот человек.

Руденко: И благословляет их на эти полеты?

Пауэрс: Я не знаю и никогда не видел, чтобы он это делал. Тем более мы разного с ним вероисповедания.

Руденко: Сейчас я прошу суд разрешить мне предъявить удостоверение личности Пауэрса. Оно находится в томе 6, л. д. 11.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите подсудимому удостоверение личности.

(Секретарь показывает подсудимому Пауэрсу удостоверение.)

Руденко: Это удостоверение принадлежит Вам?

Пауэрс: Да, оно было выдано мне.

Руденко: Я просил бы рассказать об эмблеме, имеющейся на документе, и о том, какому ведомству принадлежит печать, поставленная на этом удостоверении.

Пауэрс: На печати написано: «Министерство обороны. Соединенные Штаты Америки».

Руденко: И печать, и эмблема Министерства обороны США?

Пауэрс: Эмблема и печать идентичны.

Руденко: То есть Министерства обороны?

Пауэрс: Да, здесь написано: «Министерство обороны. Соединенные Штаты Америки».

Руденко: А почему Министерство обороны выдало Вам удостоверение, когда Вы не имеете отношения к военному ведомству?

Пауэрс: Министерство обороны состоит из департаментов армии, военно-воздушных сил, военно-морского флота и других служб, которые мне неизвестны.

Руденко: В общем, эти департаменты военные?

Пауэрс: Я бы сказал, что оборонные и, конечно, военные.

Руденко: Теперь я прошу суд разрешить предъявить подсудимому Пауэрсу документ, выданный от имени НАСА (том 6, л. д. 14).

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите подсудимому документ.

Пауэрс: Он передо мною.

Руденко: Вам принадлежит это удостоверение?

Пауэрс: Да.

Руденко: А Вы имели какое-нибудь отношение к этой организации?

Пауэрс: Я не знаю.

Руденко: Не знаете, имели ли Вы отношение?

Пауэрс: Мы поддерживали связь с НАСА в силу той исследовательской работы, которую мы выполняли.

Руденко: Но ни в какой служебной зависимости подсудимый Пауэрс от этой организации не находился?

Пауэрс: Работников этой организации я никогда не встречал.

Руденко: Стало быть, этот документ выдан для прикрытия, чтобы замаскировать действительную цель разведывательного подразделения «10—10»?

Пауэрс: Этот документ мне выдан для того, чтобы я имел право летать на военных самолетах. Не каждое гражданское лицо имеет право летать на военных самолетах.

Руденко: Но НАСА не имеет никакого отношения к подразделению «10—10»?

Пауэрс: Я не знаю. Мне кажется, что эта организация получала кое-какую информацию об исследованиях погоды. Я не могу сказать ни да, ни нет, ибо я этого не знаю.

Руденко: Тогда я хотел бы напомнить подсудимому Пауэрсу, что в своих показаниях, которые он давал ранее по указанному поводу, он говорил: «Поскольку я лично никакого отношения к НАСА не имел, я считаю, что этот документ был выдан мне в качестве прикрытия, чтобы скрыть действительные цели разведывательного подразделения «10—10». Это показание, товарищи судьи, содержится в томе 4, л. д. 313, английский текст — л. д. 315.

Пауэрс: Как только что я сказал, я не имел никакого отношения к этой организации, не имел никакого контакта с ее работниками. Цель была, очевидно, такова — дать мне возможность или право летать на военных самолетах, и другая цель, очевидно, — прикрыть разведывательную деятельность подразделения, но это с моей стороны лишь только предположение, потому что никто мне об этом не говорил.

Руденко: Во всяком случае Вы утверждаете, что никакого отношения к этой организации не имели?

Пауэрс: Да, я никаких контактов с ней не имел.

Заседание закончилось в 13 часов 45 минут.

Объявляется перерыв до 16 часов.

Заседание 17 августа (вечернее)

Комендант суда: Прошу встать, суд идет.

Председательствующий: Судебное заседание продолжается. Прошу подсудимого Пауэрса отвечать на вопросы Генерального прокурора.

Руденко: Подсудимый Пауэрс, я хочу уточнить вопрос о запасном аэродроме в Финляндии. Какой аэродром назвал Вам полковник Шелтон во время полета 1 мая?

Пауэрс: Мне придется поискать название аэродрома. Это тот же аэродром, который упоминается в обвинительном заключении,— Соданкюля.

Руденко: Это для уточнения. Теперь я поставлю вопросы, относящиеся к Вашим полетам до 1 мая. Какие разведывательные задания Вы выполняли, находясь на службе в подразделении «10—10»?

Пауэрс: Я произвел несколько полетов, сейчас точно не помню сколько, вдоль южных границ Советского Союза.

Руденко: Где Вы еще совершали полеты, вдоль границ каких государств?

Пауэрс: Вдоль границ Турции и Советского Союза, Ирана и Советского Союза, Афганистана и Советского Союза и вдоль границ по Черному морю.

Руденко: Я бы хотел напомнить подсудимому Пауэрсу о его показаниях, которые содержатся в томе 4, л. д. 144, английский текст — л. д. 156. Вы указывали тогда в своих показаниях, что в 1956 году Вы сделали один-два полета, в 1957 году таких полетов было 6—8, в 1958 году — 10—15, в 1959 году — также 10—15 и за 4 месяца 1960 года — один или два. Это правильно?

Пауэрс: Да, я действительно это говорил, но цифры эти могут быть не совсем точными.

Руденко: Вы поэтому так и говорили: от 10 до 15. Это, конечно, не совсем точно. Вдоль каких границ Советского Союза Вы совершали эти полеты?

Пауэрс: Именно вдоль тех границ, о которых я упоминал ранее. Помимо этого, я летал по обычному маршруту.

Руденко: Совершали полеты над Черным морем? Где именно?

Пауэрс: Да, над южным побережьем Черного моря.

Руденко: Совершали ли Вы такие полеты над Каспийским морем?

Пауэрс: Нет, над Каспийским морем я не летал. К югу от Каспийского моря я действительно летал, а над самим морем не летал.

Руденко: А к югу от Каспийского моря действительно летали?

Пауэрс: Да.

Руденко: Имел ли Ваш самолет специальное оборудование во время полетов вдоль границ Советского Союза?

Пауэрс: Да, самолет имел специальное оборудование, но характер этого оборудования мне неизвестен.

Руденко: Какие конкретно объекты интересовали Ваше командование во время этих полетов и какие определенные задачи ставились перед Вами?

Пауэрс: В 1956 году мне казалось, что мое командование больше всего интересовал район Черного моря. После этого интерес командования как будто бы переместился на Восток. Перед одним полетом мне сказали, что, может быть, мне удастся увидеть запуск ракеты. Из этого я заключил, что их интересовал запуск ракет.

Руденко: Производили ли Вы во время этих полетов аэрофотосъемку каких-либо объектов?

Пауэрс: Опять-таки мне это неизвестно, я лишь включал и выключал определенные рычаги.

Руденко: Так же включали и выключали, как во время полета 1 мая?

Пауэрс: Именно так.

Руденко: А Вы убеждены, что 1 мая это включение и выключение рычагов дало свои результаты?

Пауэрс: Да.

Руденко: Производили ли Вы запись сигналов советских радиолокационных станций?

Пауэрс: Сам я такой записи не производил, но, видимо, аппаратура ее производила.

Руденко: Не свидетельствуют ли все эти данные о том, что эти полеты носили разведывательный, шпионский характер?

Пауэрс: Я полагаю, что это были действительно разведывательные полеты.

Руденко: С каких аэродромов самолеты «У-2» летали вдоль границ Советского Союза?

Пауэрс: Аэродром, с которого мне лично приходилось подниматься для этих полетов,— это аэродром в Инджирлике вблизи Аданы.

Руденко: Другие летчики из подразделения «10—10» также совершали такие полеты?

Пауэрс: Да, я бы сказал, что нагрузка между пилотами распределялась довольно равномерно.

Руденко: Вы не можете сказать, сколько летчиков было в подразделении «10—10»?

Пауэрс: 7 гражданских пилотов.

Руденко: Таких же «гражданских», как и подсудимый Пауэрс?

Пауэрс: Да.

Руденко: Какие запасные аэродромы Вам указывались для посадки во время полетов?

Пауэрс: В случае аварии мне разрешалось садиться на любых аэродромах в Иране, Пакистане и Турции.

Руденко: На каких конкретно аэродромах?

Пауэрс: Мне указывались различные аэродромы с данными о длине взлетно-посадочной дорожки и о других особенностях этих аэродромов. Назывались аэродромы в Тегеране, Мешхед — в Иране и Пешавар — в Пакистане.

Руденко: Пешавар в Пакистане, Мешхед и Тегеран в Иране?

Пауэрс: Но этими аэродромами я мог пользоваться лишь в случае аварии.

Руденко: И не только в случае аварии?

Пауэрс: Нет, только в случае аварии.

Руденко: Ведь Вы пользовались аэродромом в Пешаваре и не в случае аварии?

Пауэрс: Это было при совершенно других обстоятельствах.

Руденко: Безразлично. Этот аэродром использовался для полетов над территорией Советского Союза?

Пауэрс: Да.

Руденко: С какими базами поддерживалась радиосвязь во время этих полетов?

Пауэрс: Мы никогда не поддерживали радиосвязи с базами во время полетов, за исключением коротких промежутков времени непосредственно после взлета и перед посадкой.

Руденко: С какими базами поддерживалась радиосвязь?

Пауэрс: Инджирлик, а 1 мая — с базой в Пешаваре.

Руденко: Известно ли Вам, подсудимый Пауэрс, что Вы свой разведывательный полет 1 мая должны были завершить в Будё (Норвегия)?

Пауэрс: Да.

Руденко: А Вам раньше приходилось бывать на аэродроме в Будё?

Пауэрс: Да, я там был однажды и раньше.

Руденко: Когда это было?

Пауэрс: В августе 1958 года.

Руденко: С какой целью?

Пауэрс: Я доставил самолет из Аданы в Будё.

Руденко: Какой самолет?

Пауэрс: «У-2».

Руденко: Тот самолет, на котором Вы летели 1 мая?

Пауэрс: Я не знаю, был ли это тот же самый самолет.

Руденко: Но такой же самолет?

Пауэрс: Да, такой же.

Руденко: Таким образом, Вам был знаком этот аэродром?

Пауэрс: Да, я однажды совершил там посадку.

Руденко: Это был единственный раз?

Пауэрс: Да.

Руденко: Кто-нибудь из подразделения «10—10» находился тогда в Будё?

Пауэрс: Да, меня встретили работники этого подразделения.

Руденко: В Будё?

Пауэрс: В Будё.

Руденко: Вы вылетали с аэродрома в Будё?

Пауэрс: Я улетел с этого аэродрома на обычном транспортном самолете.

Руденко: А другие летчики летали с этого аэродрома?

Пауэрс: Да, пока я находился там, кажется, два полета было произведено с этого аэродрома.

Руденко: На самолетах «У-2»?

Пауэрс: Да.

Руденко: Скажите, пожалуйста, до полета 1 мая Вы посещали базу в Пешаваре?

Пауэрс: Да, однажды.

Руденко: Когда это было?

Пауэрс: Примерно в июне 1959 года, как мне кажется.

Руденко: С какой целью Вы посещали эту базу?

Пауэрс: Опять-таки я и туда доставил самолет.

Руденко: «У-2»?

Пауэрс: Да.

Руденко: С какой базы?

Пауэрс: С базы Инджирлик.

Руденко: Таким образом, в Пешаваре 1 мая Вы очутились не впервые, Вам уже была знакома эта база?

Пауэрс: Да, это был второй случай.

Руденко: Посещали ли Вы базу в районе Висбадена в Западной Германии?

Пауэрс: Да, я бывал там.

Руденко: Как именовалась эта база?

Пауэрс: Она так и называлась — Висбаденская база.

Руденко: С какой целью посетили Вы эту базу?

Пауэрс: Я перегонял туда учебный самолет «Т-33».

Руденко: Сколько времени Вы находились на этой базе?

Пауэрс: Я бывал там несколько раз. Сейчас точно не помню, сколько именно времени занимала проверка этого самолета. Я бывал в Висбадене также во время отпуска.

Руденко: Я выясняю обстоятельства, связанные с самолетом «У-2».

Вам приходилось перегонять самолет «У-2» с базы в Западной Германии на базу военно-воздушных сил в США, в Нью-Йорк?

Пауэрс: Нет.

Руденко: А откуда все же приходилось перегонять и какой самолет?

Пауэрс: Мне приходилось перегонять самолет «У-2» с аэродрома Гиблштадт в Нью-Йорк.

Руденко: Гиблштадт — это в Западной Германии. Какой самолет?

Пауэрс: Самолет «У-2».

Руденко: На какую базу?

Пауэрс: Нью-Йорк.

Руденко: У меня пока других вопросов нет.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, садитесь. Товарищ адвокат, имеете ли Вы вопросы к своему подзащитному?

Гринев: Да.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, прошу отвечать на вопросы Вашего адвоката.

Гринев: Кто Ваши родители и чем они занимаются?

Пауэрс: У меня мать и отец. Мой отец сапожник. Моя мать раньше помогала ему, но сейчас здоровье не позволяет ей работать, она просто домохозяйка.

Гринев: Применяется ли наемный труд в мастерской Вашего отца?

Пауэрс: Нет.

Гринев: А где работал Ваш отец до перехода к сапожному ремеслу?

Пауэрс: Он работал много лет в угольных шахтах, до тех пор, пока авария не подорвала его здоровья и чуть не лишила его жизни.

Гринев: Из кого состоит семья Вашего отца?

Пауэрс: У меня пять сестер. Братьев у меня нет. В семье моих родителей живет мой дедушка.

Гринев: Можно ли считать, что Вы происходите из трудовой семьи?

Пауэрс: Да.

Гринев: Ваши сестры замужем?

Пауэрс: Да, все сестры сейчас замужем.

Гринев: А не можете ли Вы сказать, за кем они

замужем, принадлежат ли их мужья тоже к трудовым семьям?

Пауэрс: Моя старшая сестра замужем за сапожником, он еще подрабатывает тем, что водит автобус в школу. Вторая сестра замужем за электромонтером, он работает на автозаправочных станциях. Третья сестра замужем за учителем — последнее, что я о нем слышал, — он работал почтальоном. Четвертая сестра замужем за газетным работником в Вашингтоне. Кажется, он занимается продажей газет. Характер его работы мне точно неизвестен. Младшая сестра вышла замуж всего два месяца назад, и я не знаю, чем занимается ее муж.

Гринев: Имеет ли Ваш отец недвижимое имущество?

Пауэрс: У него есть ферма.

Гринев: Как он получил эту ферму?

Пауэрс: Он унаследовал часть этой фермы от своего отца и выкупил другую часть у членов семьи.

Гринев: Имеет ли эта ферма товарное хозяйство, или она существует только для удовлетворения потребностей семьи?

Пауэрс: Она используется лишь для удовлетворения потребностей семьи в молоке, овощах и т. п. Отец ничего не продает.

Гринев: Товарищ председательствующий, родители моего подзащитного Пауэрса представили мне фотографии, которые дают наглядное представление о том, как рос и жил Пауэрс, что представляют из себя мастерская и ферма его отца. Я прошу ознакомиться с этими фотографиями и приобщить их к делу.

(Секретарь передает фотографии суду.)

Председательствующий: Товарищ Генеральный прокурор, у Вас нет возражений против приобщения фотографий к делу?

Руденко: Нет.

Председательствующий: Суд, совещаясь на месте, определил — просьбу адвоката удовлетворить и приобщить эти фотографии к делу.

Гринев: Болели ли Вы в молодости и каково сейчас состояние Вашего здоровья?

Пауэрс: Я перенес обычные детские болезни, кажется, я болел дифтеритом, но это не отразилось за-

метным образом на моем здоровье. В настоящее время мое физическое состояние вполне удовлетворительно, но, естественно, я нахожусь сейчас под эмоциональной нагрузкой.

Гринев: Кстати, не можете ли Вы сказать, что за пятно у Вас на левой щеке?

Пауэрс: Это от рождения.

Гринев: Какое образование Вы получили?

Пауэрс: Я окончил колледж Миллиган близ города Джонсон-Сити.

Гринев: По какой специальности?

Пауэрс: Основными предметами были биология и химия.

Гринев: Работали ли Вы по найму во время учебы?

Пауэрс: Да, во время учебы мне приходилось мыть посуду и зарабатывать таким образом на учение. Во время летних каникул я выполнял любую работу, какая подвернется.

Гринев: Что вынуждало Вас на это?

Пауэрс: Мое обучение стоило довольно дорого, и мне хотелось внести свой вклад в расходы семьи, связанные с моей учебой.

Гринев: Принимали ли Вы участие в политической жизни вашей страны и принадлежали ли Вы к какой-либо партии?

Пауэрс: Нет, я не участвовал в политической жизни своей страны и ни к какой политической партии не принадлежал. Я даже никогда не принимал участия в голосовании на выборах. *(Оживление в зале.)*

Гринев: Бывали ли Вы когда-либо до 1 мая 1960 года в Советском Союзе и интересовались ли вообще когда-нибудь Советским Союзом?

Пауэрс: Нет, я в Советском Союзе до 1 мая никогда не бывал, политическими вопросами не интересовался; я больше интересовался научными достижениями Советского Союза. Думаю, что все мои познания о Советском Союзе я черпал из газет и журналов.

Гринев: Из Вашего объяснения видно, что Ваш отец хотел, чтобы Вы стали врачом. Почему же Вы не выполнили его желания, а поступили в военно-воздушные силы?

Пауэрс: Отец хотел, чтобы я стал врачом, но я считал, что подобная деятельность мне не подходит.

Кроме того, это требовало, чтобы я гораздо больше учился, и стоило бы дороже. Окончив колледж Миллиган, я приближался к тому возрасту, когда призывают в пехоту. Не знаю, когда бы меня призвали, но это, вероятно, произошло бы через несколько месяцев после окончания колледжа. Трудно получить хорошую работу, когда ты допризывник, никто не хочет тебя брать, потому что работа будет очень быстро прервана из-за твоего призыва в армию. У меня была временная работа в летнее время в службе спасания на воде. Когда я покинул эту работу, то, вместо того чтобы ждать, когда меня призовут в пехоту, решил добровольно поступить в военно-воздушные силы, так как всегда интересовался авиацией.

Гринев: Каковы причины, побудившие Вас поступить на работу в Центральное разведывательное управление? Была ли это Ваша инициатива?

Пауэрс: Нет, ко мне первыми обратились с этим предложением. Когда окончился срок моей службы в военно-воздушных силах, я хотел получить работу на какой-нибудь гражданской воздушной линии, но в это время мне уже было слишком много лет, чтобы меня могли принять в гражданскую авиацию. Мне предложили работу в Центральном разведывательном управлении с жалованьем, равным жалованью первого пилота гражданского самолета. Я подумал, что мне просто повезло, и был счастлив, что могу получить такую работу.

Гринев: Брели ли Вы на себя перед Центральным разведывательным управлением какие-либо дополнительные обязательства после подписания с ним контракта?

Пауэрс: Нет, я должен был выполнять только обязанности пилота. Чтобы заполнить время между полетами, я выполнял функции офицера по безопасности в полетах: распространял соответствующую литературу, вел работу среди других офицеров.

Гринев: Что давала работа в Центральном разведывательном управлении в материальном отношении?

Пауэрс: Это дало мне возможность расплатиться с долгами, довольно хорошо жить и сберечь деньги на будущее. Я рассчитывал на эти сбережения купить

дом и, может быть, начать какое-нибудь собственное дело, чтобы не зависеть от родителей.

Гринев: При каких условиях Вы могли получить дополнительное вознаграждение по контракту?

Пауэрс: Было договорено, сколько я буду получать в месяц. Однако согласно контракту я не получал каждый месяц всю сумму денег на руки. Определенная часть моего жалованья откладывалась, с тем чтобы быть выплаченной после успешного завершения задания.

Гринев: Какую должность Вы занимали в подразделении «10—10»?

Пауэрс: Должность пилота.

Гринев: Выполняли ли Вы какие-либо руководящие или административные функции?

Пауэрс: Нет, я был только пилотом.

Гринев: Летали ли Вы до 1 мая над территорией СССР?

Пауэрс: Нет, полет 1 мая был единственным.

Гринев: Ставили ли Вас в известность или советовались ли с Вами о программах разведывательных полетов над территорией СССР?

Пауэрс: Нет, ни о каких программах полетов я не слыхал.

Гринев: Знакомили ли Вас со специальной аппаратурой, установленной на самолете «У-2», и устанавливалась ли она в Вашем присутствии?

Пауэрс: Нет, я никогда не видел специального оборудования, не видел, как его устанавливают, как его монтируют и демонтируют. В моем присутствии это никогда не делалось. Все, что я знаю о специальном оборудовании,— это то, что необходимо следовать инструкции, в которой указывались все необходимые действия.

Гринев: Ставили ли Вас в известность о результатах разведывательных полетов?

Пауэрс: Нет, я никогда не слыхал о результатах этих полетов. Я не знаю, срабатывала аппаратура или нет, если это не указывалось специальными индикаторными лампочками в кабине пилота. В тех беседах, которые проводились после полетов, мне никогда не говорили о результатах полетов.

Гринев: В одном из своих показаний на предвари-

тельном следствии Вы указывали, что при последнем продлении контракта у Вас были некоторые колебания и что Вы жалеете, что продлили этот контракт. Не скажете ли Вы, что явилось причиной колебаний и что послужило основанием для продления контракта?

Пауэрс: Причину, почему я колебался, трудно объяснить. Одна из причин состояла в том, что работа была очень напряженной. Мной владело трудно объяснимое чувство. Мне не нравилось то, что я делал. Если бы я мог найти хорошую работу — а у меня не было на это времени, — то я нашел бы другую работу и не продлил бы контракта.

Гринев: Почему Вы жалеете теперь о продлении контракта?

Пауэрс: Потому что положение, в котором я сейчас нахожусь, не очень-то хорошее. Я не очень-то много знаю о том, что произошло на свете после моего полета 1 мая. Но я слышал, что в результате моего полета не состоялось совещание в верхах и что был отменен визит президента Эйзенхауэра в Советский Союз. Полагаю, что произошло усиление напряженности в мире. Я искренне сожалею, что я был причастен к этому.

Гринев: Не можете ли Вы сказать, в чем заключалась тяжесть Вашей работы?

Пауэрс: Длительность полетов и тяжесть снаряжения, которое приходится носить пилоту на себе. Разрешите, я приведу типичный пример такого полета. За два часа до взлета на пилота надевается шлем-маска, которая сидит очень плотно на шее; пилот должен дышать кислородом в течение двух часов, чтобы уменьшить содержание азота в крови. Потом надевается соответствующий костюм — надеть его помогают один или два человека, — затем пилота везут к самолету. Персонал помогает ему пристегнуться к сиденью. Все это происходит за два часа до вылета, а сам полет обычно длится восемь-девять часов. Костюм весьма плотно облегает тело, вокруг шеи имеется герметическое пробковое кольцо, которое плотно прилегает, оставляя соответствующий след на шее. И так как в кабине все-таки приходится делать какие-то движения, а костюм весьма плотно стянут, то это оставляет потертые места и ссадины. В костюме имеются

прорезиненные полости, и эти полости под давлением прилегают к телу. Они плотно прилегают к коже и вызывают усиленное потоотделение. Два часа до вылета и в течение 8—9-часового полета пилот не имеет возможности ни пить, ни есть. И когда пилот после подобного полета приземляется, то состояние его весьма неважно, организм обезвожен. Обычно к концу подобного полета пилот так изможден, что ему помогает совершить посадку по радио специальная подвижная установка. Ведь пилот, находясь в изможденном состоянии, может при посадке совершить ошибку. Имеются также правила, установленные медицинским персоналом. По этим правилам пилот не имеет права на новый полет в течение двух дней. Это относится к любому типу самолетов, даже к тренировочным. Врачи считают пилота умственно и физически неспособным производить второй полет, если не пройдет по крайней мере двух суток после предыдущего вылета. Подобные полеты влекут за собой определенные последствия. Когда дышишь 100-процентным кислородом, а также набираешь высоту или спускаешься, внутреннее ухо наполняется кислородом. Во время сна организм пилота всасывает этот кислород, и в голове образуется пояс низкого давления, что очень неприятно. В результате — сильные головные боли и боль в ушах. Вот приблизительно все.

Гринев: Спрашивал ли у Вас полковник Шелтон согласия на полет 1 мая, или это указание было дано им в категорической форме?

Пауэрс: Это было задание, на которое я должен был пойти, и меня не спрашивали, хотел я лететь или нет. Двое из нас готовились к полету, и я не знал, кто из нас полегит.

Гринев: Могли ли Вы отказаться от выполнения этого задания?

Пауэрс: Нет, я не мог отказаться. Это был приказ. Мои коллеги считали бы меня трусом. Кроме того, я думаю, отказ считался бы несоблюдением контракта, невыполнением контракта.

Гринев: Что Вам предписывалось делать в случае вынужденной посадки самолета?

Пауэрс: Мне было сказано, что возможность вынужденной посадки маловероятна. Я верил в самолет.

Мне также говорили, что полет вряд ли может быть прерван. Повторяю. Мне было сказано, и я верил, что, за исключением технической неисправности, не могло быть причины, по которой полет самолета мог бы быть прерван. Мне было сказано, что, в случае если откажет топливо или откажет кислородный прибор, я должен уничтожить самолет и, если представится возможность, с помощью той экипировки, которая была мне выдана, покинуть самолет.

Гринев: Как Вы чувствовали себя во время этого полета?

Пауэрс: Физически я себя хорошо чувствовал, здоровье было хорошее, но сама идея, сама мысль этого полета мне не нравились. Я очень нервничал. Трудно объяснить почему, но я нервничал, был в состоянии напряжения и боялся. Меня одолевало чувство страха.

Гринев: Оказали ли Вы сопротивление при задержании и намеревались ли Вы вообще оказать сопротивление?

Пауэрс: Нет, сопротивления я не оказывал и не намеревался оказывать.

Гринев: Как к Вам отнеслись при задержании и впоследствии?

Пауэрс: Гораздо лучше, чем я ожидал. (*Оживление в зале.*) Очевидно, когда меня впервые увидели, то не подумали, что я иностранец. Когда я приземлился, мне помогли погасить парашют, помогли снять шлем. Я попытался объяснить, и они, естественно, решили меня задержать. По дороге, когда, очевидно, меня везли к властям, я попросил попить. Машину остановили и дали мне воды. Мне также предложили сигареты. Мы пытались беседовать, но друг друга не поняли. Мне кажется, что я понял слово «Америка» или «американец» и дал понять знаками, что я американец. Думаю, что они это поняли. Когда меня привезли — я не знаю, как называлось то учреждение, где были власти, — я пожаловался на головную боль, ибо я ударился головой, когда был сбит самолет. Был вызван врач. Он осмотрел голову и оказал необходимую помощь. У меня были царапины, ссадины на правой ноге. Пытались со мной беседовать на немецком языке, но я не понимаю по-немецки. Оттуда меня по-

везли в Свердловск. Там был переводчик, мне дали воды, и я ответил на несколько вопросов. Из Свердловска меня привезли сюда и на протяжении всего этого времени со мной очень хорошо обращались.

Гринев: Являются ли данные Вами показания искренними и правдивыми?

Пауэрс: Да, но я не могу ручаться за те предположительные утверждения, которые я делал. Иногда я высказывал свое мнение или просто излагал предположение по тому или иному вопросу.

Гринев: Как Вы сейчас относитесь к своей работе в Центральном разведывательном управлении (*оживление в зале*) и понимаете ли Вы, какую опасность представлял Ваш полет?

Пауэрс: Да, сейчас я понимаю гораздо больше, чем раньше. Сначала я колебался, продлить ли мне контракт или нет. Я не хотел продлевать контракта. Будь у меня работа, я бы его не продлил, так как я сейчас немного знаю о последствиях моего полета. Правда, всех последствий я не знаю. Несколько минут тому назад я упоминал о срыве совещания в верхах и увеличении напряженности в мире. Искренне сожалею, что причастен ко всему этому.

Гринев: У меня сейчас нет больше вопросов.

Председательствующий: Объявляется перерыв до 10 часов утра 18 августа.

Заседание закончилось в 17 часов 10 минут.

Заседание 18 августа (утреннее)

Комендант суда: Прошу встать, суд идет.

Председательствующий: Садитесь, пожалуйста. Судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда Советского Союза продолжается. Товарищ адвокат, у Вас есть еще вопросы к Вашему подзащитному?

Гринев: Есть.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, прошу Вас отвечать на вопросы Вашего адвоката.

Гринев: Почему Вы не остались работать на спасательной станции и не пытались найти другую работу?

Пауэрс: Я поступил на спасательную станцию после окончания колледжа. Это была временная работа, только на лето, и она должна была прекратиться с наступлением осени. В той местности, где я жил, было практически невозможно найти постоянную работу. Никто не соглашался брать человека, которому предстояло уйти в армию.

Гринев: Знали ли Вы при подписании контракта с Центральным разведывательным управлением, что Вам предстоят полеты над территорией СССР?

Пауэрс: При подписании контракта мне это было неизвестно.

Гринев: Когда Вы впервые узнали об этом?

Пауэрс: Шесть или семь месяцев спустя после подписания контракта. Мне сообщили, что это будет частью наших обязанностей. В это время стало известно, что советская радарная система более эффективна, чем считалось раньше. И поэтому нам объявили, что, вероятно, мы ограничимся лишь полетами вдоль границ Советского Союза.

Гринев: В случае отказа от выполнения задания, от полета 1 мая, получили ли бы Вы ту часть денег, которая согласно контракту Вам сразу не выдавалась?

Пауэрс: Контракт был сформулирован таким образом, что это зависело целиком от тех, кто меня нанимал. Они могли посчитать это несоблюдением контракта с моей стороны. Я не знаю, какое решение было бы принято.

Гринев: Что конкретно говорил Вам полковник Шелтон о безопасности полета над территорией СССР?

Пауэрс: Мне было сказано, что такие полеты совершенно безопасны. Единственная опасность — неисправность аппаратуры, технического оснащения самолета.

Гринев: Когда-нибудь раньше давали Вам при полетах булавку с ядом?

Пауэрс: Это был первый случай, когда мне была вручена такая булавка.

Гринев: Показывал ли полковник Шелтон, как нужно пользоваться булавкой с ядом?

Пауэрс: Да, мне это объяснили.

Гринев: Я больше вопросов не имею.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, садитесь. Товарищ Генеральный прокурор, имеются ли у Вас еще вопросы?

Руденко: Несколько уточняющих вопросов.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, прошу Вас отвечать на вопросы Генерального прокурора Советского Союза.

Руденко: Вчера Вы показали, что первый раз были в Пешаваре в 1959 году.

Пауэрс: Да.

Руденко: Вы пригнали туда самолет «У-2»?

Пауэрс: Да.

Руденко: Кто Вас встречал на аэродроме в Пешаваре и при каких обстоятельствах Вы произвели посадку?

Пауэрс: Я был встречен представителями подразделения «10—10». Посадка происходила нормально, я вызывал их по радио, и мне отвечали.

Руденко: А кроме представителей подразделения «10—10» Вас еще кто-нибудь встречал?

Пауэрс: Никто другой, кроме представителей подразделения «10—10», меня не встречал.

Руденко: А кто давал Вам разрешение на посадку в Пешаваре?

Пауэрс: Контрольно-диспетчерский пункт.

Руденко: Чей?

Пауэрс: Местный, пакистанский.

Руденко: Следовательно, пакистанские власти знали о прибытии Вашего самолета в Пешавар летом 1959 года?

Пауэрс: Предполагаю, что знали.

Руденко: Какой был установлен режим для сотрудников подразделения «10—10» на авиабазе Пешавар?

Пауэрс: Нам не разрешалось покидать территорию базы.

Руденко: Вам также не разрешалось общаться с кем-либо?

Пауэрс: Очень мало посторонних приближалось к ангарам, в которых мы помещались. Думаю, что причиной запретов было то обстоятельство, что аппаратура на самолете считалась секретной.

Руденко: Через какие государства Вы летели к границе СССР, вылетев 1 мая с аэродрома Пешавар?

Пауэрс: Я захватил небольшую часть территории Пакистана, небольшую часть территории Афганистана и затем пересек границу Советского Союза.

Руденко: Таким образом, Вы нарушили воздушное пространство Афганистана?

Пауэрс: Мне неизвестно, было ли у меня разрешение на это.

Руденко: Но афганские власти не давали Вам разрешения на полет над их территорией?

Пауэрс: Мне лично такого разрешения они не давали.

Руденко: И Ваше начальство не сообщало Вам, что такое разрешение получено?

Пауэрс: Нет.

Руденко: Таким образом, Вы нарушили суверенитет нейтрального государства — Афганистана?

Пауэрс: Если мое подразделение не получило соответствующего разрешения, то да, действительно я нарушил.

Руденко: А разве ваше подразделение получало разрешение совершать полеты вдоль границ Советского Союза?

Пауэрс: Это мне неизвестно.

Руденко: А разве ваше подразделение получало разрешение вторгнуться в пределы Советского Союза?

Пауэрс: Предполагаю, что нет.

Руденко: Предполагаете. А может быть, скажете более точно: не получало разрешения?

Пауэрс: Если бы такое разрешение имелось, то это касалось бы более высоких властей и мне это не было бы известно.

Руденко: Если бы такое разрешение имелось, то Вы не были бы, очевидно, здесь, на скамье подсудимых?

Пауэрс: Именно поэтому я полагаю, что такого разрешения не было.

Руденко: На какой высоте Вы пересекли советскую границу?

Пауэрс: Я не помню сейчас точные данные высоты в момент пересечения границы, но могу сказать, что это было ниже той высоты, на которой я был достигнут ракетой. Я пересек границу примерно на высоте около 66 тысяч футов.

Руденко: На какой высоте Вы продолжали полет — на высоте 66 тысяч футов?

Пауэрс: По мере того как горючее расходовалось, уменьшался вес самолета и я набирал высоту.

Руденко: На какую высоту Вы забрались?

Пауэрс: Примерно на высоту 68 тысяч футов, может быть, немного меньше или больше.

Руденко: Именно на этой высоте — 68 тысяч футов — Вы летели в районе Свердловска?

Пауэрс: Да.

Руденко: Именно на этой высоте — 68 тысяч футов — Вы были сбиты советской ракетой?

Пауэрс: Да, что-то на этой высоте меня сбило.

Руденко: Вы сказали, что Вас что-то сбило?

Пауэрс: Да, я не видел точно, что меня сбило.

Руденко: Но именно на этой высоте Вы были сбиты?

Пауэрс: Да.

Руденко: Я прошу суд огласить рапорт командира воинского подразделения Советской Армии, сбившего 1 мая 1960 года американский самолет «Локхид У-2», на котором летел Пауэрс. Этот рапорт находится в томе 7, л. д. 5, английский текст — л. д. 7.

Председательствующий: Товарищ адвокат, у Вас нет возражений против просьбы Генерального прокурора?

Гринев: Нет.

Председательствующий: Суд, совещаясь на месте, определил удовлетворить просьбу Генерального прокурора Советского Союза. *(Зачитывает рапорт.)*

«Командиру воинской части

Р а п о р т

Доношу, что Ваш приказ об уничтожении самолета — нарушителя государственной границы Союза ССР, вторгшегося в пределы нашей Родины 1 мая 1960 года, выполнен в 8.53 — время московское.

При входе самолета в зону огня на высоте свыше 20 тысяч метров был произведен пуск одной ракеты, разрывом которой цель была уничтожена. Поражение цели наблюдалось при помощи приборов, а через небольшой промежуток времени постами визуального наблюдения было зафиксировано падение обломков самолета и спуск на парашюте летчика, выбросившегося с разбитого самолета. О результатах боя мною было доложено по команде и приняты меры задержания летчика, спустившегося на парашюте.

Майор Воронов,
1 мая 1960 года».

Руденко: Поддерживали ли Вы радиосвязь с авиабазами Инджирлик и Пешавар, пролетая над территорией Советского Союза?

Пауэрс: Нет, не поддерживал.

Руденко: Почему Вы не поддерживали радиосвязь с этими базами?

Пауэрс: Радиоаппаратура, которой я располагал, была ультравысокой частоты, она служит для радиосвязи в пределах прямой видимости, при совершенно плоской местности. С высоты, на которой я находился, я мог бы поддерживать связь на расстоянии примерно 300—400 миль, но горы, находившиеся между мной и Пешаваром, снижали возможность радиосвязи до 200 миль. От Инджирлика я находился слишком далеко, чтобы поддерживать с ним связь.

Руденко: А не объясняется ли отсутствие радио-

связи секретностью Вашего полета, опасением, что Ваш сигнал может быть зафиксирован?

Пауэрс: Даже если бы я имел возможность поддерживать радиосвязь на таком расстоянии, я бы не стал делать этого из-за возможности пеленгации самолета.

Руденко: Об этом я и спрашиваю. Прошу суд разрешить предъявить подсудимому Пауэрсу полетную карту, которая находится в томе 6, л. д. 25.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите.

(Подсудимому Пауэрсу предъявляется полетная карта.)

Руденко: Подсудимый Пауэрс, это Ваша карта?

Пауэрс: Да.

Руденко: Почему на Вашей полетной карте основной маршрут полета обозначен красным и синим цветом?

Пауэрс: Как я вчера, кажется, говорил, части маршрута, помеченной красным карандашом, я должен был придерживаться как можно более точно. Синим карандашом отмечены менее важные участки, они дают лишь указание направления. Разумеется, на протяжении всего полета я должен был как можно более точно придерживаться указанного направления, но в участках, обозначенных красным карандашом, требовалась максимальная точность.

Руденко: Таким образом, красным карандашом отмечены те части маршрута, которые особенно интересовали Центральное разведывательное управление?

Пауэрс: Во всяком случае, они представляли максимальный интерес для тех лиц, которые дали мне эту карту.

Руденко: Для кого?

Пауэрс: Поскольку я работал для Центрального разведывательного управления, эти участки, по-видимому, интересовали именно его.

Руденко: Прошу посмотреть на карту. Участок маршрута от Кандалакши до Будё обозначен на ней коричневым карандашом. Что это значит?

Пауэрс: В случае недостатка горючего или кислорода я мог сократить свой полет и лететь по этому кратчайшему пути, но лишь при аварийных обстоятельствах.

Руденко: Через какие страны пролегал маршрут, обозначенный коричневым карандашом?

Пауэрс: Я пересек бы территорию Советского Союза, Финляндии, Швеции, Норвегии.

Руденко: Перед Вашим полетом 1 мая 1960 года полковником Шелтоном был вручен Вам кусок черной материи. Для какой цели был дан этот кусок?

Пауэрс: Не знаю. Я находился уже в самолете, когда получил его от полковника Шелтона. Он приказал мне передать этот кусок черной материи представителям подразделения «10—10», которые должны встретить меня в Будё.

Руденко: В случае благополучного возвращения с территории Советского Союза?

Пауэрс: В то время он, видимо, предполагал, что мой полет будет успешным.

Руденко: Это был конечный пункт Вашего маршрута, и Вас должны были встречать представители подразделения «10—10»?

Пауэрс: Да.

Руденко: И Вы должны были вручить им кусок черной материи, данный Шелтоном перед полетом в СССР?

Пауэрс: Да.

Руденко: Следовательно, эта материя служила паролем?

Пауэрс: Это мне неизвестно.

Руденко: Но как Вы думаете?

Пауэрс: Мне казалось, что сам самолет должен был служить достаточным подтверждением.

Руденко: Сам самолет и сам Пауэрс. Но для чего еще кусок материи?

Пауэрс: Не знаю. Это единственные инструкции, которые я получил.

Руденко: Оставим эту материю. В 1958 году, как Вы вчера уже ответили на мой вопрос, из Инджирлика Вы перегнали самолет «У-2» на авиабазу в Будё. Через какие страны Вы летели тогда?

Пауэрс: Я вылетел из Турции, летел над частью Турции, затем через Грецию и Италию. Дальше я точно не помню, может быть, через Швейцарию и Францию, а может быть, через Австрию, Западную Германию и, кажется, через Данию и Норвегию.

Руденко: Прошу суд предъявить подсудимому Пауэрсу четыре топографические карты Советского Союза, которые были изъяты у подсудимого и из остатков его самолета.

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите подсудимому эти карты.

(Секретарь предъявляет подсудимому Пауэрсу четыре топографические карты.)

Руденко: Подсудимый Пауэрс, это Ваши топографические карты?

Пауэрс: Да, у меня были такие карты.

Руденко: Сколько было таких карт?

Пауэрс: Мне казалось, что у меня были две, но потом было установлено, что их было четыре.

Руденко: У Вас лично было две карты?

Пауэрс: Их вложили мне в карман.

Руденко: И в самолете две?

Пауэрс: Я не знаю, где находились еще две карты, но во время предварительного следствия мне были показаны четыре карты.

Руденко: И это Ваши карты?

Пауэрс: Да, мне их вручили.

Руденко: Для какой цели Вам вручили эти карты?

Пауэрс: Это было частью моего аварийного снаряжения. В случае аварии они должны были помочь мне добраться до границы.

Руденко: То есть для того, чтобы выбраться с территории Советского Союза?

Пауэрс: Да.

Руденко: В порядке уточнения я хочу спросить Вас, почему на двух картах имеются вырезки и что именно вырезано?

Пауэрс: Я не представляю себе, кто и почему вырезал эти части, но мне их показывали.

Руденко: Что именно должно было находиться там, судя по сохранившимся картам?

Пауэрс: Поскольку на двух картах были вырезки, а на двух не было вырезок, то, сравнивая неполные карты с полными, я мог установить, какие именно участки вырезаны. Я не помню сейчас точно, но, кажется, вырезанные участки содержали сведения о том, кем изготовлены карты и кому они принадлежат.

Руденко: Понятно. А кем изготовлены карты и кому они принадлежат?

Пауэрс: Я прошу, если можно, взглянуть на карты.

Руденко: Пожалуйста, припомните.

Пауэрс: Если я правильно помню, то были вырезаны слова: «для служебного пользования» или «секретно». Были вырезаны также обозначения военно-воздушных сил Соединенных Штатов. Карты были матерчатыми.

Руденко: Для чего были вырезаны эти места?

Пауэрс: Мне это неизвестно. Я узнал об этом впервые, когда мне показали эти карты уже здесь.

Руденко: Очевидно, с целью замаскировать, кому они принадлежат и кем они изготовлены?

Пауэрс: Возможно, что это так и было, но тогда почему эти места были вырезаны на двух картах и оставлены на двух других?

Руденко: Это совершенно ясно, подсудимый Пауэрс, потому что две карты с вырезанными обозначениями находились у Вас и с их помощью Вы должны были, как говорите, выбираться из Советского Союза. А другие две карты находились в самолете, который Вы должны были по указанию Ваших хозяев уничтожить.

Пауэрс: Мне были даны лишь две карты и было сказано, что они помогут мне выбраться из страны. Какие именно карты были мне даны, мне сейчас установить трудно.

Руденко: Эти карты обнаружены при обыске у Вас, а две другие — в остатках самолета.

Пауэрс: Но мне неизвестно, где и какие карты были найдены.

Руденко: Среди предметов Вашего снаряжения обнаружено обращение на четырнадцать языках. Прошу суд предъявить подсудимому Пауэрсу это обращение.

Председательствующий: Товарищ секретарь, прошу предъявить подсудимому это обращение.

(Секретарь суда предъявляет подсудимому обращение.)

Руденко: Это обращение принадлежит Вам, подсудимый Пауэрс?

Пауэрс: И в данном случае это обращение было найдено при мне, но я не знал, что имел его. *(Оживление в зале.)*

Руденко: Прошу суд огласить русский текст этого обращения.

Председательствующий: Товарищ адвокат, Вы не возражаете?

Гринев: Нет.

Суд, совещаюсь на месте, определил огласить текст обращения.

(Председательствующий зачитывает текст обращения.)

«Я американец и не говорю по-русски. Мне нужны пища, убежище и помощь. Я не сделаю Вам вреда. У меня нет злых намерений против Вашего народа. Если Вы мне поможете, то Вас вознаградят за это».

Председательствующий: Прошу зачитать английский текст.

(Переводчик зачитывает английский текст обращения.)

Руденко: Подсудимый Пауэрс, кто вручил Вам это обращение?

Пауэрс: Это обращение полковник Шелтон мне не вручал. Я не знаю, быть может, оно было включено в мое снаряжение. Видимо, те, кто занимался моим личным снаряжением и помогал мне одеваться, вложили обращение, как и другие предметы, в мои карманы: карты в сложенном виде, которых я не видел, часы, которые должны были находиться в моем кармане, компас, советские деньги, золотые монеты. Не знаю, может быть, еще какие-нибудь предметы. Я не помню.

Руденко: Все эти предметы предназначались для подкупа советских людей?

Пауэрс: Это должно было помочь мне любыми средствами выбраться из Советского Союза.

Руденко: Я спрашиваю: для подкупа?

Пауэрс: Если бы мне это удалось, видимо, я бы прибег и к подкупу. Если бы мне удалось покупать пищу на эти деньги, я бы сделал и это, так как мне пришлось бы идти 1400 миль. Иными словами, я должен был воспользоваться деньгами и ценностями для того, чтобы помочь себе.

Руденко: Но Вы, конечно, убедились, что Вам не удастся использовать эти деньги для подкупа советских людей. Первые же советские граждане, которые Вас встретили, обезоружили Вас и доставили в соответствующие органы власти.

Пауэрс: Я и не пытался подкупить их.

Руденко: Не пытались?

Пауэрс: Нет.

Руденко: Но Ваши попытки все равно были бы безрезультатны.

Пауэрс: Я тоже так считаю.

Руденко: Очень хорошо (*смех в зале*). В порядке уточнения вопроса о вознаграждении: Вы уже свидетельствовали суду, что, проходя службу в военно-воздушных силах США, получали ежемесячно 700 долларов. Это так?

Пауэрс: Да, примерно такую сумму.

Руденко: Вы также показывали на суде, что после заключения контракта с Центральным разведывательным управлением Вам был установлен оклад в сумме 2500 долларов.

Пауэрс: Да.

Руденко: Вы получали все эти деньги на руки?

Пауэрс: Нет.

Руденко: Когда, при каких условиях и сколько получали Вы на руки?

Пауэрс: Каждый месяц я получал 1500 долларов минус налоги.

Руденко: А остальные 1000 долларов?

Пауэрс: Они удерживались и должны были быть выплачены мне после успешного выполнения контракта.

Руденко: Если бы Вы нарушили контракт, и в частности отказались бы от полета 1 мая, Вам бы выплатили эти доллары?

Пауэрс: Я не знаю, сочли бы они это несоблюдением контракта.

Руденко: То есть не выплатили бы остальные доллары?

Пауэрс: Точно не знаю.

Руденко: У меня больше вопросов нет.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, прошу ответить еще на некоторые вопросы. Какова была основная задача Вашего полета 1 мая?

Пауэрс: Мне была поставлена такая задача: следовать по указанному маршруту и включать и выключать определенные приборы на определенных участках

пути. Можно предположить, что это делалось в целях сбора разведывательной информации.

Председательствующий: Вы вчера показывали суду, что полковника Шелтона особенно интересовали площадки для запуска ракет?

Пауэрс: Да, он указал на один участок на карте, где по его предположениям могут находиться площадки для запуска ракет.

Председательствующий: Можно ли сказать, что главной задачей Вашего полета 1 мая было обнаружить и зафиксировать площадки для запуска ракет?

Пауэрс: Я могу лишь высказать свое личное мнение по этому вопросу. Я уверен, что эксперты, которые изучали фотографические пленки, извлеченные из моих камер, сами убедились, что интересовало лиц, пославших меня в Советский Союз. По моему мнению, советскими ракетами очень интересуются не только военные власти США, но и весь мир. *(Оживление в зале.)* Я предполагаю, что мой полет преследовал цель найти площадки для запуска ракет, но, повторяю, мне это не было сказано, и я говорю здесь об этом лишь предположительно.

Председательствующий: Подсудимый, знали ли Вы, что, вторгаясь на самолете-разведчике в пределы Советского Союза, Вы нарушаете государственный суверенитет страны?

Пауэрс: Да, я знал это.

Председательствующий: Почему же Вы согласились сделать это?

Пауэрс: Это был приказ.

Председательствующий: Как Вы теперь думаете, принесли Вы своей стране пользу или вред?

Пауэрс: Большой вред.

Председательствующий: Не приходила ли Вам в голову мысль, что, вторгаясь на самолете-разведчике в пределы Советского Союза накануне парижского совещания в верхах, Вы можете торпедировать это совещание?

Пауэрс: Когда я получал приказ об этом полете, мне было не до совещания в верхах, я просто об этом не думал.

Председательствующий: Не думали ли Вы о том, что это может привести к военному конфликту?

Пауэрс: Об этом должны были думать те, кто меня посылал. Мне оставалось только подчиниться приказу.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, Вы раскаиваетесь в содеянном?

Пауэрс: Да, очень.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, прошу Вас отвечать на вопросы народного заседателя генерал-майора авиации Захарова.

Народный заседатель генерал-майор авиации А. И. Захаров: Подсудимый Пауэрс, расскажите, на каких типах самолетов Вы летали, какой имеете общий налет в часах. Желательно знать по отдельным типам самолетов и в часах.

Пауэрс: С тех пор как я начал свою летную службу?

Захаров: Да.

Пауэрс: Во время учебы я летал на обычных самолетах двух типов: «Т-6» и «Т-33», а также на самолете «F-80», который был почти таким же, как «Т-33», только одноместным. Во время своего обучения я налетал примерно 300 часов. После этого я начал летать на самолете «F-84G». Это самолет-истребитель американских военно-воздушных сил. Я не могу сейчас точно припомнить, сколько часов налетал, примерно 400—500. После этого я стал летать на самолете «F-84F». Это более поздняя модель того же самолета. На этом самолете я налетал 100—200 часов. Затем я перешел на самолет «У-2». На самолете «У-2» я налетал примерно 500 часов. В это же время я налетал еще 200 часов на самолете «Т-33», а также летал вторым пилотом на транспортных самолетах, однако очень немного.

Захаров: Вы вчера рассказывали, что в Пешаваре находились 3—4 суток перед полетом 1 мая. В чем конкретно заключалась Ваша личная подготовка к полету вообще и особенно предполетная подготовка?

Пауэрс: Единственная подготовка, которую я проходил,— это утром перед самым полетом, остальное время я просто провел за чтением.

Захаров: В чем конкретно заключалась предполетная подготовка?

Пауэрс: Меня разбудили за 3—4 часа до полета, накормили завтраком, сказали, что сегодня состоится полет; другого пилота разбудили в это же самое

время, и за два с половиной часа до вылета оба мы приступили к вдыханию кислорода. Вскоре после этого мне вручили карты и дали задание. Мне указали несколько пунктов по карте, а также ориентиры, которые, возможно,годились бы мне в полете. Указали на возможное месторасположение площадки для запуска ракет, которую, возможно, удастся увидеть; указали пункт, где находится что-то, не знаю что, и указали несколько аэродромов, хотя я сейчас не помню сколько. Я не могу сейчас вспомнить всего содержания инструктажа подробно, поскольку прошло уже много времени.

Захаров: На карте были нанесены маршруты и задания всего Вашего полета с цифрами и надписями. Кто изготовил эту карту?

Пауэрс: Я не видел, как готовилась карта, и могу лишь предположить, что ее подготовил штурман подразделения.

Захаров: Сколько времени затратили Вы на изучение задания и маршрута?

Пауэрс: На изучение маршрута и карты у меня оставалось мало времени, так как одновременно происходил инструктаж. Все это происходило до одевания, а одевание началось примерно за 45 минут до вылета. Таким образом, на все это было отведено не более 1 часа 15 минут.

Захаров: А сколько времени Вы затратили на подготовку к полету, когда Вы летали первый раз в 1956 году вдоль границ Советского Союза?

Пауэрс: В тот раз мне сообщили о полете за несколько часов до вылета, кажется даже накануне.

Захаров: Какие варианты действий Вы намечали во время полета в воздушном пространстве Советского Союза в случае встречи с советскими истребителями?

Пауэрс: Мне было сказано, что такой опасности нет. Мне было также сказано, что, может быть, я увижу советских истребителей, и я действительно видел след какого-то самолета, но на меньшей высоте. Какой это был самолет, я не мог определить, я видел лишь след.

Захаров: Имелся ли на Вашем самолете прибор, при помощи которого Вы могли бы видеть атакующий истребитель?

Пауэрс: Специальных приборов, для того чтобы увидеть другие самолеты, у меня не было. Было нечто вроде обращенного вниз перископа, который позволял находить самолет снизу, если бы такой появился. Но этот прибор в основном использовался для ведения самолета, в навигационных целях.

Захаров: На Вашем самолете был такой прибор — грэнджер. Дайте характеристику этому прибору. Был ли он у Вас включен? Когда Вы его включили?

Пауэрс: Он был включен непосредственно перед перелетом советской границы и оставался включенным на протяжении всего полета. Я могу лишь повторить то, что мне было сказано. Это был прибор для создания искусственных помех для радиолокационных станций.

Захаров: Каких станций?

Пауэрс: Это был прибор для создания искусственных помех для сигналов, исходящих от самолетов-истребителей или ракет.

Захаров: Какие Вы имеете в виду ракеты?

Пауэрс: Мне не было сказано точно, но я полагаю, что это ракеты типа «Воздух-Воздух». Это был небольшой прибор.

Захаров: Следующий вопрос. Какими навигационными средствами обеспечивалось движение Вашего самолета по маршруту над территорией Советского Союза?

Пауэрс: У меня был радиокompас, а также секстант, которым, однако, я не пользовался во время этого полета, потому что по каким-то причинам я задержался с вылетом на 30 минут, я имел карты и, как я уже говорил, обращенный вниз перископ, который позволял видеть землю.

Захаров: Использовали ли Вы наземные радиостанции и какие именно во время своего полета для целей навигации?

Пауэрс: Да, я пользовался радиостанциями с помощью своего радиокompаса. Я пользовался двумя или тремя радиостанциями, я не помню точно. Кажется, одна из них находилась вблизи Сталинабада, а другая — около Челябинска.

Захаров: Все полеты, которые Вы совершали в целях разведки вдоль границ Советского Союза, проводились только днем или и ночью?

Пауэрс: Как днем, так и ночью.

Захаров: Какое дополнительное оборудование в целях разведки ставилось на самолете, когда проводились ночные полеты?

Пауэрс: Я не знаю точно, какое дополнительное оборудование находилось на самолетах, но помимо обычных панелей с приборами, которые, как правило, постоянно находились в самолете, были дополнительные рукоятки, которые я включал и выключал при ночных полетах.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, прошу Вас отвечать на вопросы народного заседателя генерал-майора артиллерии Воробьева.

Народный заседатель генерал-майор артиллерии Д. З. Воробьев: Подсудимый Пауэрс, при заключении Вами контракта с Центральным разведывательным управлением знали ли Вы характер предстоящей Вашей разведывательной деятельности?

Пауэрс: Мне было известно о предстоящих полетах вдоль границ Советского Союза.

Воробьев: А характер разведывательной деятельности разве Вам не был известен в то время?

Пауэрс: Нет, в то время мне было лишь сказано, что от меня, возможно, в будущем потребуется и выполнение дополнительных заданий.

Воробьев: А при вторичном заключении контракта это уже было известно?

Пауэрс: Да, тогда для меня было известно, что частью новой работы должны были быть и полеты в глубь территории Советского Союза.

Воробьев: С разведывательными целями?

Пауэрс: Да, но, поскольку я в прошлом не совершал еще таких полетов, мне казалось, что, может быть, мне не придется совершать их и в будущем. Мне казалось, что в результате того технического прогресса, о котором я читал в газетах, технического прогресса как в Советском Союзе, так и в США, все время будет уменьшаться вероятность таких полетов. Но это, конечно, просто было мое собственное мнение.

Воробьев: При прохождении Вами специальной подготовки или переподготовки входило ли в программу изучение специальной разведывательной аппаратуры, установленной на Вашем самолете «У-2»?

Пауэрс: Нет, нас обучали только полетам на самолете-

тах и как пользоваться этой аппаратурой. Другими словами, нас обучали пользоваться аппаратурой и кабиной пилота, но не разъясняли характер этой аппаратуры.

Воробьев: А относительно тактико-технических данных этой аппаратуры Вас информировали?

Пауэрс: Нет, мне кажется, о тактико-технических данных мне никогда не говорили. Я, действительно, заключил, что на самолете имеются камеры, но я не представлял себе, какого они размера.

Воробьев: Когда Вам стало известно, какая разведывательная аппаратура установлена на Вашем самолете?

Пауэрс: Мне никогда не был известен характер оборудования на самолете. Оборудование помещалось в самолет в строгой тайне, видимо тогда, когда самолет готовился к полету.

Воробьев: Подсудимый Пауэрс, было ли известно Вам, какие разведывательные данные Вы могли получить на территории Советского Союза при помощи установленной на самолете аппаратуры?

Пауэрс: Я мог это лишь предполагать, мне это не говорили. Мне ничего, собственно, не было известно о возможностях этой аппаратуры. Я знал, что эта аппаратура служит для сбора сведений, но каких точно и в каком объеме, это мне не было известно.

Воробьев: Когда и где Вы изучали объекты, которые Вам предстояло разведать на территории Советского Союза, и кто Вам дал характеристику этих объектов?

Пауэрс: Перед полетом мне была дана карта, и на ней были указаны отдельные пункты, которые я рассматривал как вспомогательные в навигационном смысле. Например, в отношении одного пункта мне было сказано, что там находятся два аэродрома,— на карте аэродромы не были указаны,— и если бы я увидел этот город с двумя аэродромами, который не был нанесен на мою карту, то я мог бы подумать, что отклонился от курса.

Воробьев: Кто же все-таки давал характеристику?

Пауэрс: Мне просто было сказано, что вот здесь Вы, может быть, увидите площадку для запуска ракет. А там Вы можете увидеть что угодно, мы не знаем, что именно, но если увидите что-нибудь, то не считайте, что

сбились с курса. Вот здесь и здесь, говорили мне, находятся аэродромы. Подробное описание того, что я увижу или не увижу, мне не давали.

Воробьев: Хорошо. Кто инструктировал Вас? Вы говорите, что проходили инструктаж довольно продолжительное время. Кто Вас инструктировал?

Пауэрс: Полковник Шелтон.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, садитесь.

Товарищи эксперты, у вас имеются вопросы к подсудимому? Нет вопросов?

Товарищ комендант, прошу пригласить в зал суда свидетеля Асабина.

(Комендант приглашает в зал свидетеля Асабина.)

Председательствующий: Ваша фамилия, имя и отчество?

Свидетель Асабин: Асабин Петр Ефремович.

Председательствующий: Расскажите суду, что Вам известно по данному делу.

Асабин: 1 мая 1960 года я находился дома. Около 11 часов утра по местному времени я услышал сильный шум, наподобие гула реактивного самолета. Я вышел на улицу и поднялся на крышу. В стороне от деревни, километрах в пяти, увидел столб пыли. Я слез с крыши и подошел к соседу Партину, стоявшему недалеко от речки. В это время я увидел в небе парашютиста. Сказав об этом Партину, я побежал в том направлении, где должен был спуститься парашютист. Я бежал и думал, что случилось что-то с летчиком, и у меня была мысль помочь ему. Он упал от нас метрах в 30—40. Я придержал его, чтобы его не потянуло парашютом, и помог погасить парашют, так как в прошлом служил в авиации и знаком с этим делом. В это время прибежали Сурин, Черемисин, Чужакин. Парашютисту помогли подняться на ноги. Он был одет в комбинезон стального цвета, на голове у него был шлем с белой каской. На каске цифра 29. На ногах коричневые ботинки, на поясе длинноствольный пистолет в кобуре. Я отстегнул парашют и с помощью других товарищей снял шлемофон и каску. Когда сняли каску, то первый наш вопрос был, что случилось. Он ответил на иностранном языке и помотал головой. Я решил задержать его. В стороне увидел машину, и мы с Череми-

синим взяли летчика под руки и повели к машине. Около машины я увидел у него финский нож и отобрал его, а до этого Черемисин отобрал длинноствольный пистолет. Желая узнать, был ли он один, я показал ему сначала один палец, потом второй. Он показал один палец и показал этим пальцем на себя. Мы его посадили в машину и повезли в сельский Совет. В машине я осмотрел финский нож, на котором была надпись по-английски. Об этом я сказал всем. В машине он попросил жестом попить. Остановились в деревне, напоили его. Привезли в сельский Совет, где нас встретили работники государственной безопасности из Свердловска. Обыскали его и увезли в Свердловск. Парашютист выше среднего роста, крепкого телосложения. Черные волосы были коротко подстрижены, на висках седина, с левой стороны шеи — родимое пятно.

В этом парашютисте узнаю американского летчика Пауэрса, который сидит на скамье подсудимых.

Вот все, что я хотел сказать.

Председательствующий: Товарищ Генеральный прокурор, у Вас есть вопросы к свидетелю?

Руденко: У меня нет вопросов.

Председательствующий: Товарищ адвокат, у Вас есть вопросы?

Гринев: Да.

Председательствующий: Прошу Вас задавать вопросы.

Гринев: Оказывал ли или пытался оказать сопротивление при задержании Пауэрса?

Асабин: Он не оказывал сопротивления.

Гринев: А каково было поведение Пауэрса при задержании?

Асабин: Он вел себя спокойно.

Гринев: Я вопросов больше не имею.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, у Вас есть вопросы к свидетелю Асабину?

Пауэрс: Вопросов нет.

Председательствующий: У Вас есть какие-либо замечания по показаниям свидетеля?

Пауэрс: Его показания правдивы, и, если разрешите мне, я хотел бы поблагодарить его за то, что он сделал для меня тогда.

(Оживление в зале.)

Председательствующий: Свидетель Асабин, можете сесть в зале суда. Товарищ комендант, прошу пригласить свидетеля Черемисина.

(Входит свидетель Черемисин.)

Председательствующий: Ваша фамилия, имя и отчество?

Свидетель Черемисин: Черемисин Анатолий Федорович.

Председательствующий: Покажите суду, что Вам известно по данному делу.

Черемисин: Находясь у своих родственников 1 мая 1960 года, примерно в 11 часов утра по местному времени я услышал сильный взрыв, и это меня насторожило. Я вышел на улицу и вскоре заметил спускавшегося парашютиста. Я побежал к тому месту, куда спускался парашютист. В момент приземления парашютист упал. В этот момент к нему подбежал Асабин, который стал гасить парашют. Подбежали я, Сурин и Чужакин. Мы все вместе помогли парашютисту подняться и стали освобождать его от снаряжения. Когда сняли с него каску и шлемофон, задали ему вопрос: «Кто Вы такой, откуда и что с Вами случилось?» Но ответа не последовало. Это нас насторожило, и я, заметив у неизвестного длинноствольный пистолет, который висел в желтой кобуре на поясе летного костюма, изъял его. После этого я и Асабин взяли неизвестного под руки и повели к легковой автомашине, которая стояла от нас недалеко, а Чужакин побежал готовить машину. Сурин собирал все вещи задержанного. В момент, когда задержанного посадили в машину, Асабин обнаружил у него нож и изъял его. Затем все вещи были погружены в багажник машины, задержанный также находился в машине, и мы поехали в ближайшую деревню, где есть сельсовет. В пути следования неизвестный попросил жестом пить. Мы остановили машину и дали ему напиться. На пути к деревне я написал на запыленной части внутри машины «США» и задал вопрос, не американец ли он. Задержанный, очевидно, понял меня и утвердительно кивнул головой. При въезде в ближайшую деревню нас встретили два работника органов госбезопасности, которым мы передали задержанного вместе с его вещами. У меня все.

Председательствующий: Товарищ Генеральный прокурор, у Вас нет вопросов?

Руденко: Вопросов не имеется.

Председательствующий: Товарищ адвокат, имеются у Вас вопросы?

Гринев: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, у Вас есть вопросы к свидетелю?

Пауэрс: Нет.

Председательствующий: Есть ли у Вас какие-либо замечания?

Пауэрс: Замечаний нет.

Председательствующий (*к свидетелю Черемисину*): Вы можете сесть в зале суда.

Объявляется перерыв на 20 минут.

(После перерыва судебное заседание возобновляется в 12 часов дня.)

Комендант суда: Прошу встать, суд идет.

Председательствующий: Прошу пригласить свидетеля Чужакина.

(Входит свидетель Чужакин.)

Председательствующий: Ваша фамилия, имя, отчество?

Свидетель Чужакин: Чужакин Леонид Алексеевич.

Председательствующий: Расскажите суду, что Вам известно по данному делу.

Чужакин: Утром 1 мая 1960 года я на легковой автомашине выехал в соседнюю деревню и по возвращении обратно, примерно в 11 часов по местному времени, услышал взрыв. Заметив стоящего недалеко Сурина, я остановил возле него машину и спросил, что случилось. Он показал вверх, и я заметил высоко в воздухе спускавшегося парашютиста. Тогда мы вместе решили оказать парашютисту помощь, не зная, советский он или иностранный.

Мы направили машину к ожидаемому месту приземления парашютиста. Я подъехал на машине к парашютисту в момент его приближения к земле, остановившись метрах в 50. В момент, когда я заглушил мотор, парашютист приземлился и упал. Мы с Суриным и Черемисыным одновременно подбежали к парашютисту. Там уже был Асабин. Вчетвером мы по-

могли подняться парашютисту, а также освободиться от парашюта, шлемофона, перчаток. Когда с него сняли каску, то сразу спросили, что с ним случилось. Он нам ответил на непонятном для нас языке. Это нас сразу насторожило. Заметив у него длинновольный пистолет, мы сразу его обезоружили и решили передать органам госбезопасности. Я побежал к машине, чтобы ее приготовить, а Асабин, Сурин и Черемисин, забрав парашютиста, а также все его имущество, направились к машине. Мы посадили парашютиста на переднее место в машине, а в багажник положили парашют и все имущество. При посадке заметили у него нож и изъяли его. Когда мы усаживали парашютиста, то спросили, сколько было летчиков, показав пальцами,— двое или один. Летчик показал, что он был один.

По дороге летчик попросил пить. Я остановил машину, и мы его напоили. Летчик попросил также закурить. Мои товарищи дали ему наших папирос.

По возвращении в соседнее село нас уже ожидали работники органов госбезопасности, которым мы и передали парашютиста. А потом я по просьбе летчика привез врача. У меня все.

Председательствующий: Товарищ Генеральный прокурор, у Вас есть вопросы к свидетелю Чужакину?

Руденко: Нет.

Председательствующий: Товарищ адвокат, у Вас есть вопросы к свидетелю Чужакину?

Гринев: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, есть у Вас вопросы к свидетелю Чужакину?

Пауэрс: Нет, вопросов не имею.

Председательствующий: Как Вы считаете, соответствуют ли его показания обстоятельствам дела?

Пауэрс: Да.

Председательствующий: Свидетель Чужакин, Вы можете сесть в зале суда. Товарищ комендант, прошу пригласить свидетеля Сурина.

(Свидетель Сурин входит в зал судебного заседания.)

Председательствующий: Ваша фамилия, имя и отчество?

Свидетель Сурин: Сурин Владимир Павлович.

Председательствующий: Расскажите суду, что Вам известно по данному делу.

Сурин: 1 мая я был дома. Около 11 часов утра услышал сильный шум, напоминающий шум реактивного самолета, но резче. Я вышел на улицу и услышал сильный взрыв. Вдали от деревни был виден столб пыли. Не поняв, в чем дело, я стал осматриваться, посмотрел на небо и увидел спускавшегося парашютиста. В этот момент ко мне подъехал Чужакин. Я показал ему на парашютиста, и мы стали наблюдать, куда он может, по нашим расчетам, приземлиться. И поехали туда. Не доехав метров 50, побежали к парашютисту. Около него уже был Асабин, который помогал гасить парашют. Мы подбежали, помогли парашютисту подняться на ноги и стали снимать с него парашют, шлемофон, каску, перчатки. После этого я спросил у него, что случилось. Он ответил на непонятном языке и помотал головой. Мы поняли, что это иностранец, и решили задержать его. Тут же Черемисин отстегнул у него пистолет. Асабин и Черемисин взяли парашютиста под руки и повели к машине. Около машины Асабин вытащил у него финский нож. Мы посадили его в машину и повезли в сельсовет, где он был передан органам государственной безопасности. У меня все.

Председательствующий: Участники процесса имеют вопросы к свидетелю?

Руденко: Нет.

Председательствующий: Товарищ адвокат?

Гринев: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, имеются ли у Вас вопросы к свидетелям?

Пауэрс: Нет, вопросов нет.

Председательствующий: Замечания имеете?

Пауэрс: Я хочу выразить свою благодарность за помощь, которая была оказана мне всеми этими людьми в тот день. Это первая возможность поблагодарить их, которая мне представилась. И я рад сделать это.

Председательствующий: Подсудимый, садитесь. Свидетель Сурин, можете сесть в зале суда.

Председательствующий: Суд приступает к заслушиванию экспертов. Эксперт Алексеев, прошу подойти к суду.

Председательствующий: Ваша фамилия, имя, отчество?

Эксперт Алексеев: Алексеев Николай Алексеевич.
Председательствующий: Звание?

Алексеев: Полковник.

Председательствующий: Вы имеете ученую степень?

Алексеев: Нет.

Председательствующий: На предварительном следствии была произведена экспертиза. В суд Вы вызваны для того, чтобы дать заключение по делу. Вы можете пользоваться всеми теми вещественными доказательствами, которые находятся здесь в Вашем распоряжении. Суд слушает Вас.

Алексеев: Постановлением следственного отдела Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР была назначена экспертная комиссия по делу американского летчика Пауэрса, самолет которого был сбит над территорией Советского Союза 1 мая 1960 года.

В состав комиссии вошли: генерал-майор авиации Лавский В. М., инженер-полковник Трусов М. П., инженер-полковник Архипенко П. Е., полковник Алексеев Н. А., полковник Голованов А. П. и инженер-подполковник Нетесов В. А.

Перед экспертной комиссией следственным отделом были поставлены следующие вопросы:

Первый вопрос: определить государственную принадлежность летчика Пауэрса.

Второй вопрос: каково происхождение и назначение летной документации.

Третий вопрос: определить значение надписей, сделанных на летной документации.

В распоряжение экспертной комиссии было представлено большое количество летной документации и документов, удостоверяющих личность летчика Пауэрса. После тщательного изучения и анализа этих документов экспертная комиссия подразделила их на три группы.

К первой группе документов были отнесены документы, удостоверяющие личность летчика Пауэрса. К этим документам относятся:

1. Удостоверение личности на имя Френсиса Гарри Пауэрса № AFI 288 068, заверенное печатью Министерства обороны Соединенных Штатов Америки.

2. Медицинское удостоверение на имя Пауэрса Френсиса с указанием его принадлежности к военно-воздушным силам США в качестве служащего.

3. Правила использования самолетов военно-воздушных сил летчиками-испытателями Национального совещательного комитета по авионавигации, зарегистрированные как наставление ВВС США за № 5526, подписанные начальником штаба ВВС США Томасом Уайтом и персонально адресованные на имя Френсиса Пауэрса 1 января 1959 года.

4. Два удостоверения на имя Френсиса Пауэрса на право пилотирования самолетов по приборам, выданные командованием авиабазы ВВС США в Боллинге (округ Колумбия). Все эти документы служат неопровержимым доказательством принадлежности летчика Френсиса Пауэрса к военно-воздушным силам Соединенных Штатов Америки.

Вторая группа документов, изученная экспертной комиссией, относится к летной документации конкретного полета летчика Пауэрса над территорией Советского Союза 1 мая 1960 года.

К этим документам относятся:

1. Отдельные части полетной карты, склеенной из листов навигационной карты для полетов реактивной авиации, издания авионавигационного отдела ВВС США (масштаб 1 : 2 000 000), и вырезанной полосой 560—700 километров по маршруту полета.

На полетной карте карандашами различного цвета нанесен маршрут полета от пункта Пешавар (Пакистан) через территорию Афганистана на Сталинабад, восточное побережье Аральского моря, Челябинск, Свердловск, Киров, Архангельск, Кандалакшу. Далее маршрут раздваивается: один проходит через Мурманск вдоль Скандинавского полуострова на территорию Норвегии до пункта Будё; второй — на запад через Финляндию и Швецию на территорию Норвегии. Общая длина проложенного маршрута составляет 6100 километров, из них по территории СССР — 4700 километров.

Вдоль линии маршрута карандашами и специальными штампами проставлены: навигационные элементы полета самолета (курс следования и расчетное

время полета по этапам маршрута) и большое количество радиостанций с указанием частот их работы. Кроме того, на полетной карте отмечены места нахождения некоторых аэродромов на территории Советского Союза и рубежи и порядок включения специальной аппаратуры, условно обозначенной буквами QG.

На участке маршрута от границы Советского Союза с Афганистаном до Свердловска на карте имеются записи на английском языке, произведенные в полете. К ним относятся: время пролета ориентиров и включения специальной аппаратуры; данные о фактической погоде и местонахождении аэродромов, складов горючего и промышленных объектов.

Записи о фактическом времени пролета контрольных ориентиров, сделанные на полетной карте, подтверждают, что полет самолета осуществлялся по намеченному ранее маршруту со средней путевой скоростью, равной 750 км/час.

Объем подготовки полетной карты, ее размеры (общая длина карты свыше 3 метров), тщательность, с которой велась подготовка, и многообразие различных данных, нанесенных на карту от руки и с применением специальных штампов, подтверждают, что подготовка полета была произведена заранее, что все графические и расчетные данные, нанесенные на полетную карту, сделаны на земле до вылета. Записи, сделанные на карте в полете, говорят за то, что летчик Пауэрс на протяжении всего полета (до района города Свердловска) знал свое местонахождение, систематически контролировал пролет контрольных ориентиров, то есть фактически выполнял полет по заранее намеченному маршруту.

2. Головная часть бортового журнала, в которой указаны: фамилия летчика — Пауэрс, номер самолета — 360... (последние цифры неразборчиво), время и дата вылета (01 час 26 минут 1 мая 1960 года по Гринвичу), позывной самолета — «Паппи 68», наличие специального оборудования под шифром «В-Т» и номер вылета 4154. В рабочей части бортового журнала записан ряд действий летчика, используемые радиосредства, навигационные элементы полета, расход и остаток горючего в зависимости от пройденного расстояния. Этот документ и, в частности, записи в нем

времени и даты вылета, номера вылета и расчета го-
рячего по этапам маршрута также подтверждают, что
полет американского самолета над территорией Совет-
ского Союза 1 мая был преднамеренным и планиро-
вался заранее.

3. Вырезка из синоптической карты с проложенным
маршрутом и нанесенным прогнозом погоды по этапам
маршрута и записями условий посадки, произведен-
ными в конце маршрута. Этот документ также говорит
за то, что полет летчика Пауэрса планировался заран-
ее и готовился с большой тщательностью.

4. Четыре листа двусторонних аэронавигационных
карт ВВС США с грифом «для служебного пользова-
ния» масштаба 1 : 2 000 000, издания аэронавигацион-
ного отдела ВВС США, город Вашингтон, на террито-
рию Европы и Советского Союза.

Эти карты, по-видимому, служили летчику Пауэрсу
запасными на случай резкого отклонения от заданного
маршрута или на случай вынужденной посадки на тер-
ритории Советского Союза, что также может служить
подтверждением всесторонней и заблаговременной под-
готовки к полету.

Третья группа документов относится к летной до-
кументации и является общепринятыми справочными
документами, необходимыми летному составу в любом
полете. К ним относятся: журнал аэронавигационных
карт, контрольный лист приборов самолета, перечни
самолетного оборудования и справочник по аэродро-
мам европейских стран.

На основании тщательного изучения и анализа
представленных комиссии документов, объема и харак-
тера произведенных работ на полетных документах и
записей, сделанных летчиком в полете, экспертная ко-
миссия пришла к следующим выводам:

Летчик Френсис Гарри Пауэрс принадлежит к ВВС
США.

Полет американского самолета над территорией
Советского Союза 1 мая 1960 года был преднамерен-
ным и планировался заранее. Карты с маршрутом по-
лета и расчетными навигационными данными были
подготовлены на земле до вылета.

В полете летчик Пауэрс знал свое местонахождение,
систематически контролировал пролет намеченных

ориентиров и фактически выполнял полет по заранее намеченному маршруту.

В процессе полета над территорией СССР летчик Пауэрс наносил на карту сведения разведывательного характера и фактического состояния погоды по маршруту.

Председательствующий: Участники процесса имеют вопросы к эксперту Алексееву?

Руденко: Я вопросов не имею.

Гринев: Вопросы не имею.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, имеете ли Вы вопросы к эксперту Алексееву?

Пауэрс: Нет вопросов.

Председательствующий: Имеете ли какие-либо замечания по заключению экспертизы?

Пауэрс: Нет замечаний.

Председательствующий: На предварительном следствии Вы были ознакомлены с материалами экспертизы?

Пауэрс: Да, я был ознакомлен.

Председательствующий: Вам были разъяснены процессуальные права — задавать новые вопросы, знакомиться с материалами и т. д.?

Пауэрс: Да.

Председательствующий: Эксперт Алексеев, прошу садиться. Эксперт Алексеев, я прошу Вас представить суду выводы экспертизы в письменном виде. Эксперта Тюфилина прошу подойти к суду. Ваша фамилия?

Эксперт Тюфилин: Тюфилин.

Председательствующий: Ваше имя, отчество?

Тюфилин: Юрий Всеволодович.

Председательствующий: Звание?

Тюфилин: Инженер-подполковник.

Председательствующий: Ученую степень Вы имеете?

Тюфилин: Нет, не имею.

Председательствующий: Прошу Вас изложить заключение экспертизы.

Тюфилин: Постановлением следователя от 20 мая 1960 года была назначена экспертная комиссия в составе офицеров ВВС Советской Армии: инженер-майора Ишеева М. П., инженер-майора Коптева А. П. и меня, инженер-подполковника Тюфилина Ю. В.

На разрешение нашей экспертной комиссии был

поставлен вопрос: имелись ли на сбитом 1 мая 1960 года самолете «Локхид У-2» опознавательные знаки о государственной принадлежности?

Для исследования экспертам были представлены остатки самолета «У-2».

Проведенным осмотром внешних поверхностей остатков сбитого самолета «У-2» — крыльев и киля установлено, что лакокрасочное покрытие указанных поверхностей хорошо сохранилось, и это дало возможность визуальным осмотром проверить, имеются ли на самолете опознавательные знаки.

В результате осмотра опознавательных знаков государственной принадлежности обнаружено не было. Суд может найти подтверждение на фотографиях, приведенных в деле, том 8, л. д. 79. Осмотром также установлено, что лакокрасочное покрытие имеет одинаковую по цвету окраску по всей поверхности обследованных частей самолета «У-2», поверхность покрытия ровная, без каких-либо наплывов, что свидетельствует приблизительно об одновременной окраске этих поверхностей.

В целях определения, не были ли опознавательные знаки на данном самолете специально закрашены, нами была произведена проверка наличия опознавательных знаков под слоем лакокрасочного покрытия. Для этого производилось постепенное смывание растворителем слоев покрытия в местах обычного размещения опознавательных знаков. На американских военных самолетах, как следует из официальных советских и иностранных печатных изданий, опознавательные знаки государственной принадлежности, как правило, наносятся в середине верхней панели левой консоли и середине нижней панели правой консоли.

На самолетах «У-2», согласно фотографии, приведенной в журнале «Aviation Week» номер 21 от 23 мая 1960 года, на киле имеется знак «NASA» и под ним номер самолета, поэтому при проверке особое внимание было обращено на указанные места обшивки.

При этом было установлено, что в местах возможного нахождения опознавательных знаков покрытие по количеству слоев, их цвету и последовательности нанесения этих слоев не отличается от покрытия остальных мест тех же поверхностей самолета. Верхние поверх-

ности крыльев имеют шестислойную окраску, слои по цвету расположены в следующем порядке, начиная от материала обшивки: желтый, темно-серый, белый, темно-серый, желтый и темно-серый. Ни под одним слоем краски следов опознавательных знаков нами обнаружено не было.

На основании вышеизложенного экспертная комиссия считает, что сбитый 1 мая самолет «Локхид У-2» не имеет опознавательных знаков государственной принадлежности и не имел их со времени нанесения имеющегося на нем лакокрасочного покрытия.

Председательствующий: Имеют ли участники процесса вопросы к эксперту Тюфилину?

Ответы: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, имеете ли Вы вопросы к эксперту?

Пауэрс: Да, один вопрос. Имеется ли возможность того, чтобы опознавательные знаки как-то наносились на поверхность самолета поверх краски и затем снимались?

Тюфиллин: Теоретически, конечно, имеется.

Пауэрс: Я спрашиваю это потому, что этот самолет находился в Инджирлике несколько месяцев. Я видел опознавательные знаки на всех самолетах, которые там находились, поэтому не могу согласиться с тем, что на данном самолете никогда не было опознавательных знаков.

Председательствующий: Это Ваше право, подсудимый, соглашаться или не соглашаться, но экспертиза, эксперты на основании исследования лакового покрытия пришли к тому заключению, что знаков не было, и их нет, как Вы убедились при осмотре самолета на выставке.

Пауэрс: Я не эксперт, но я стремился указать лишь на возможность того, что такие опознавательные знаки имелись до вылета самолета.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, у Вас есть еще вопросы к эксперту Тюфилину?

Пауэрс: Нет.

Председательствующий: Садитесь, подсудимый. Эксперт Тюфиллин, представьте суду заключение в письменном виде. Прошу подойти к суду эксперта Истомина. Ваша фамилия, имя и отчество?

Эксперт Истомин: Истомин Глеб Алексеевич.

Председательствующий: Ваше звание?

Истомин: Доктор технических наук, профессор.

Председательствующий: Прошу Вас изложить заключение экспертизы по фотооборудованию самолета «Локхид У-2».

Истомин: В период проведения следствия по настоящему делу экспертной комиссией по постановлению следственных органов была проведена техническая экспертиза фотооборудования, находившегося на сбитом 1 мая 1960 года в районе города Свердловска самолете «Локхид У-2».

Для технической экспертизы комиссии были представлены следующие части фотооборудования: разрушенная кассета аэрофотоаппарата с четырьмя катушками аэрофотопленки шириной 24 сантиметра, отдельные разрушенные элементы аэрофотоаппарата, две катушки фотопленки шириной 7 сантиметров.

Перед экспертизой была поставлена задача определить:

1. Тактико-технические данные аэрофотоаппарата, который был установлен на самолете «Локхид У-2».

2. Технические характеристики применявшихся аэропленок.

3. Установить, с какой высоты и в каких районах СССР выполнялось фотографирование с самолета «Локхид У-2».

4. Возможности использования полученных аэроснимков.

Экспертная комиссия в составе доктора технических наук Истомина Г. А., кандидата химических наук Бекунова В. А., кандидатов технических наук Михайлова В. Я., Уварова В. А., старших научных сотрудников Самохвалова Б. С., Закурдаева Л. В. и военнослужащих Советской Армии инженер-полковника Кровякова В. И., инженер-полковника Погожева А. Е., инженер-подполковника Курнакова Б. Г. подробно ознакомилась с представленными частями фотооборудования самолета и произвела обработку аэропленки, изучение и привязку к карте полученных аэроснимков, и выполнила исследование аэропленки с целью определения их технических характеристик.

Экспертной комиссией было составлено детальное техническое заключение.

Позвольте мне остановиться на основных материалах этой экспертизы.

Изучение остатков фотооборудования самолета «У-2» позволило установить, что на этом самолете был установлен для ведения аэрофоторазведки специальный широкозахватный длиннофокусный аэрофотоаппарат модели «73-В». Наименование модели аэрофотоаппарата имеется на нескольких фирменных пластинках, укрепленных на его корпусе. На замках креплений, съемной оси имеется надпись, свидетельствующая об их изготовлении в США.

По своим тактико-техническим характеристикам аэрофотоаппарат модели «73-В» является разведывательным аэрофотоаппаратом и характерен тем, что он рассчитан на выполнение воздушного фотографирования больших площадей за один полет самолета.

Аэрофотоаппарат имеет вращающуюся объективную часть для обеспечения многомаршрутного фотографирования.

В полете 1 мая 1960 года этот аэрофотоаппарат осуществлял семимаршрутное фотографирование последовательно через 7 остекленных фотолюков, имевшихся в обшивке самолета.

Захват местности поперек маршрута составлял при этом 160—200 километров.

Аэрофотоаппарат заряжался двумя аэропленками, каждая из которых имела ширину 24 сантиметра и длину около 2000 метров. Аэропленки параллельно располагались в плоскости кадра аэрофотокамеры, так что за каждое срабатывание затвора экспонировалась пара аэроснимков с общим размером 45×45 сантиметров. Имевшийся в аэрофотоаппарате запас аэропленки позволял получить около 4000 парных аэроснимков, то есть сфотографировать в полете 1 мая 1960 года маршрут протяженностью порядка 3500 километров.

Аэрофотоаппарат был снабжен объективом с номинальным фокусным расстоянием 915 миллиметров; номинальное фокусное расстояние объектива и фактическое фокусное расстояние аэрофотоаппарата, равное 944,7 миллиметра, указаны на корпусе объектива.

Достаточно длиннофокусный объектив позволял с больших высот полета самолета получать относи-

тельно крупномасштабные аэроснимки, пригодные для выполнения задач аэрофоторазведки.

Масштаб аэроснимков среднего маршрута, полученных над территорией СССР 1 мая 1960 года, составлял 220—230 метров в одном сантиметре. По аэроснимкам такого масштаба возможно определить назначение большинства промышленных и военных объектов.

Аэропленка, использовавшаяся в аэрофотоаппарате модели «73-В», была изучена в отношении ее фотографических характеристик, разрешающей способности спектральных свойств структуры, состава эмульсионного слоя и свойств основы.

Аэропленка, находившаяся на самолете «Локхид У-2», обладает высокой светочувствительностью и могла обеспечить выполнение аэросъемки в течение всего дня. Эта аэропленка является специальным сортом, предназначенным для целей аэрофоторазведки с больших высот полета. По сравнению с аэропленкой, использовавшейся на американских шарах-разведчиках образца 1956 года, данный сорт аэропленки улучшен по ряду показателей, существенных для целей высотной аэрофоторазведки военных, промышленных и топографических объектов. Аэропленка с самолета «У-2» была обработана. Аэронегативы, полученные после лабораторной обработки, были подвергнуты дешифрированию и привязке к карте. Результаты привязки аэронегативов к карте показали, что фотографирование 1 мая 1960 года с самолета «У-2» было выполнено над территорией СССР по маршруту, проходящему от района западнее Ташкента до Свердловска. Маршрут фотографирования соответствует маршруту полета, проложенному на полетной карте, обнаруженной у летчика Пауэрса.

По аэроснимкам с учетом фактического фокусного расстояния аэрофотоаппарата была определена высота воздушного фотографирования. По данным этого определения, она составляла 20—21 тысячу метров.

Дешифрирование аэроснимков показывает, что последние содержат разнообразную разведывательную информацию об объектах, расположенных по маршруту полета самолета. На аэронегативах имеются изображения крупных населенных пунктов, промыш-

ленных и военных объектов, заводов, фабрик, электростанций, складов, рудников, различных путей сообщения, аэродромов и средств противовоздушной обороны. Аэроснимки могут быть использованы как в разведывательных целях, так и для уточнения топографических карт.

Материалы технической экспертизы фотооборудования, находившегося на сбитом 1 мая 1960 года в районе города Свердловска самолете «Локхид У-2», позволяют констатировать следующее:

1. Аэрофотоаппарат модели «73-В», установленный на самолете «Локхид У-2», является специальным разведывательным аэрофотоаппаратом, рассчитанным на выполнение воздушного фотографирования широкой полосы местности с больших высот полета.

2. Аэропленка, использовавшаяся в аэрофотоаппарате, установленном на самолете «Локхид У-2», является специальным сортом фотоматериала, предназначенным для целей аэрофоторазведки военных и топографических объектов с больших высот полета.

3. Фотографирование территории Советского Союза было произведено с высоты около 21 000 метров на участке от района, лежащего севернее госграницы СССР с Афганистаном, до района города Свердловска. Маршрут полета (по результатам привязки аэроснимков к карте) соответствует маршруту, проложенному на полетной карте, обнаруженной у летчика Пауэрса.

Общий запас аэропленки в аэрофотоаппарате позволял выполнить фотографирование маршрута длиной порядка 3500 километров, то есть сфотографировать значительную часть территории Советского Союза по маршруту полета самолета.

4. Полученные аэроснимки содержат достаточно полную и разнообразную разведывательную информацию относительно промышленных и военных объектов, расположенных на сфотографированной территории, и могут быть использованы как в разведывательных целях, так и для составления и исправления топографических карт и определения координат военных и топографических объектов.

Таким образом, изучение остатков фотооборудования самолета «Локхид У-2», нарушившего государст-

венную границу СССР 1 мая 1960 года, и материалов выполненного с него воздушного фотографирования приводит к заключению о разведывательном характере этого оборудования и разведывательной цели полета этого самолета.

Председательствующий: Имеют ли участники процесса вопросы к эксперту Истомину?

Руденко: Нет.

Гринев: Защита — нет.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, у Вас есть вопросы к эксперту Истомину?

Пауэрс: Нет.

Председательствующий (*обращаясь к эксперту Истомину*): Прошу Вас представить заключение суду письменно. Эксперт Андреев, прошу Вас подойти к суду.

Председательствующий: Ваша фамилия, имя, отчество?

Эксперт Андреев: Андреев Ростислав Александрович.

Председательствующий: Звание?

Андреев: Инженер-полковник.

Председательствующий: Ученую степень имеете?

Андреев: Нет, не имею.

Председательствующий: Прошу Вас изложить заключение экспертизы.

Андреев: В соответствии с постановлением следователя группа экспертов в составе офицеров ВВС инженер-полковника Андреева Р. А., инженер-подполковника Кротова М. В., инженер-подполковника Файкина В. Н., инженер-подполковника Корочанского И. Б., инженер-подполковника кандидата технических наук Лебедева А. Ф. произвела экспертизу радиотехнической аппаратуры и записей на магнитофонной ленте, найденных 1 мая 1960 года на месте падения самолета типа «Локхид У-2» в районе города Свердловска.

Перед экспертизой были поставлены следующие вопросы:

- назначение указанных выше приборов;
- имеется ли запись на магнитофонной ленте и если есть, то характер записанных сигналов или сообщений;
- что регистрировалось с помощью этих записей

и не содержат ли эти записи разведывательных данных о территории Союза ССР?

В распоряжение экспертной комиссии были представлены:

а) аппаратура обнаружения радиосигналов, в том числе:

антенные устройства на различные диапазоны волн, высокочастотный разведывательный приемник МР-11504 3-сантиметрового диапазона волн, разведывательный приемник МР-11048 метрового диапазона волн, усилитель, высокочастотный фильтр, высокочастотные переключатели, блоки МР-11471 видеоусилителей МР-10002, распределительная коробка МР-1230... с соединительными межблочными кабелями;

б) авиационные магнитофоны (один в частично, а второй в сильно разрушенном состоянии);

в) шесть кассет магнитофонов с ферромагнитной лентой. Часть магнитофонной ленты, по-видимому, в результате преднамеренного взрыва сгорела. В хорошем, полностью сохранившемся и пригодном для воспроизведения состоянии оказалось около 250 метров ленты (примерно на 1,5 часа воспроизведения). На двух кассетах (подающих) сохранилась магнитофонная лента без записи.

Все блоки радиоаппаратуры имели условные индексы «МР» («Military Procurements») с соответствующими условными номерами. Эти индексы указывают, что эта аппаратура являлась собственностью Военного министерства США и является в США особо секретной. Не имеется индексов фирмы или другого учреждения, изготовивших аппаратуру в целом. Однако на комплектующих изделиях, узлах и отдельных блоках имеются многочисленные фирменные надписи таких американских фирм, как «Хаггинс Лабс» в городе Менло Парк, Калифорния, «Хьюлетт-Паккард», «Дженерал электрик», Райтсон, Сильвания, «Транско продактс», Калифорния, «Микро Лаб» и многие другие.

Конструктивное выполнение и состав аппаратуры таковы, что они свидетельствуют о специальной подготовке ее к полету 1 мая 1960 года.

Антенны рассматриваемой аппаратуры являются широкодиапазонными приемными антеннами, работающими в различных участках (поддиапазонах) весьма широкого диапазона радиоволн. В каждом поддиапазоне имелось по две антенны одного типа. Все антенны были неподвижными и были установлены в нижней части фюзеляжа самолета «Локхид У-2», они покрывались радиопрозрачными обтекателями. Некоторые из радиопрозрачных окон обтекателей были выполнены на съемных люках. Антенны 3-сантиметрового диапазона волн — параболического типа. Они обеспечивали вместе с волноводными трактами прием сигналов разведываемых радиотехнических станций в диапазоне волн 2,3—4,0 см.

Антенны сантиметрового и дециметрового участка диапазона волн МР-11719 имели широкополосные симметричные треугольной формы вибраторы, находящиеся над металлическим зеркалом. Диапазон волн, которые могли приниматься подобной антенной, мог простираться примерно от 6 до 20 см со стороны нижних частот этот диапазон ограничивался упоминавшимся ранее фильтром верхних частот на волне 15 см (2000 МГц).

Антенны дециметрового диапазона волн являются антеннами плоскоспирального типа и могут обеспечивать прием в весьма широком диапазоне радиоволн, который, однако, ограничивался высокочастотным фильтром и составлял 30—100 см. Хорошо известно, что плоскоспиральные антенны рекомендуются в США в качестве широкодиапазонных антенн с пониженным аэродинамическим сопротивлением для применения в самолетных средствах радиоразведки и радиопротиводействия (см. журнал «Aviation Week» от 14.VII. 1958 года).

Наличие в каждом поддиапазоне двух идентичных антенн показывает, что они могли обеспечить определение направления на разведываемые радиотехнические средства.

Таким образом, рассмотренные антенны являются типичными антеннами радиоразведывательной аппаратуры, обладают необходимой для этого широкодиапа-

зонностью и обеспечивают возможность определения района дислокации разведываемых радиотехнических средств.

Радиоприемные устройства

Экспертизе подвергался ряд приемных блоков. Наличие этих блоков вместе с антенными устройствами, фильтрами и регистрирующими устройствами с записанными сигналами позволило восстановить назначение и блочную схему разведывательной аппаратуры самолета «Локхид У-2».

Сейчас мы охарактеризуем в качестве примера некоторые устройства (блоки).

Разведывательный приемник 3-сантиметрового диапазона волн МР-11504

Блок МР-11504 служит для усиления по высокой частоте, детектирования и предварительного усиления по видеочастоте принятых сигналов разведываемых радиолокационных станций 3-сантиметрового диапазона волн. Предварительное усиление по видеочастоте осуществляется с помощью видеоусилителя типа МР-11471.

В качестве усилителя высокой частоты применяются две лампы «бегущей волны» НА 20ST (фирмы «Хаггинс Лабс»), предназначенные для усиления В. Ч. в диапазоне 8000—12400 МГц (3,75—2,43 см). Основное усиление сигналов по видеочастоте перед записью их на магнитофон осуществлялось с помощью видеоусилителя МР-10641. С помощью двухканального приемника обеспечивалось определение направления на разведываемую радиолокационную станцию. Кроме того, этот приемник позволял определять наличие работающих радиолокационных станций в данном диапазоне, характеристики их сигналов и др.

Разведывательный приемник метрового диапазона волн МР-11048

Приемник МР-11048 работал в диапазоне волн 6—2,07 м (50—145 МГц). Он являлся автоматическим разведывательным приемником с тройным преобразо-

ванием частоты. Частоты гетеродинов приемника были стабилизированы кварцами, что позволяло точно определять значение несущей частоты принимаемого сигнала от разведываемых РЛС и характеристики этих сигналов.

Перестройка приемника по диапазону (поиск по частоте) производилась непрерывно и автоматически.

Подобная схема построения является типичной схемой построения автоматического разведывательного приемника.

Регистрирующее устройство — магнитофон

В качестве регистрирующих устройств аппаратуры радиотехнической разведки, имевшейся на борту самолета «Локхид У-2», применялись магнитофоны. Один из них носил индекс МР-12570 (серийный № 769). Другой магнитофон оказался в сильно разрушенном состоянии, и надпись с индексом была уничтожена. Судя по числу кассет (6), на борту самолета имелось не менее трех магнитофонов.

На кассетах нанесены шкалы, проградуированные в часах. Кассеты рассчитаны на 8 часов непрерывной работы магнитофона. Привод магнитофона осуществлялся с помощью мотора 41 А125 (фирмы «Глоб Инд.», город Дайтон, штат Огайо).

Для обеспечения работы на больших высотах в условиях низких температур магнитофон имел подогреватель, состоящий из 4 пластин (по 2 на каждую съемную крышку).

Магнитофонная лента имела ширину 6,2 мм и толщину около 20 микрон. Запись на ленту производилась по трем дорожкам.

При анализе магнитной записи установлено, что на средней дорожке записано синусоидальное напряжение с двумя различными частотами, временная последовательность которых составляет около 30 секунд. Частоты оказались равными 900 гц и 2700 гц. Подобная запись используется как масштаб времени, который позволяет привязать произведенную запись сигналов к месту положения самолета в момент их фиксации и производит определение характеристик записанных сигналов, то есть их декодирование. На

крайних дорожках были записаны импульсные сигналы. Анализ этих сигналов показал, что они принадлежат советским радиолокационным станциям зенитной артиллерии и радиолокационным станциям дальнего обнаружения и наведения истребительной авиации.

На пленке были зафиксированы сигналы нескольких типов советских радиолокационных станций. Записанные сигналы позволяли определить: наличие радиотехнических станций того или иного диапазона радиоволн в системе радиолокационного обеспечения ПВО СССР, насыщенность РЛС того или иного типа в определенных районах Советского Союза, характер работы РЛС (поиск, сопровождение и т. п.), характеристики сигналов и режимы работы разведываемых радиотехнических средств (например, частот повторений импульсов, времени облучения самолета и т. п.), рабочие частоты, районы дислокации отдельных РЛС в общей системе и т. п.

Все вышеизложенное позволило экспертизе сделать следующие выводы:

1. Подвергнутая экспертизе радиотехническая аппаратура является системой самолетных радиоразведывательных станций, предназначенной для сбора сведений о построении системы радиотехнического обеспечения ПВО Советского Союза и отдельных городов, крупных промышленных и административных центров нашей страны, а также данных об отдельных радиотехнических станциях, входящих в эту систему.

2. Эти сведения фиксировались на ферромагнитную ленту магнитофонов, на которой оказались записанными сигналы наземных радиолокационных станций системы радиолокационного обеспечения ПВО Советского Союза.

Председательствующий: Имеют ли участники процесса вопросы к эксперту? Вопросов нет. Подсудимый Пауэрс, есть ли у Вас вопросы к эксперту или замечания по экспертизе?

Пауэрс: Нет.

Председательствующий: Прошу эксперта Андреева представить заключение экспертизы в письменном виде. Объявляется перерыв до 16 часов 30 минут.

Заседание закончилось в 14 часов.

Заседание 18 августа
(вечернее)

Комендант суда: Прошу встать, суд идет.

Председательствующий: Садитесь, пожалуйста. Судебное заседание продолжается. Эксперта Ворошилова прошу подойти к суду. Ваша фамилия?

Эксперт Ворошилов: Ворошилов.

Председательствующий: Ваше имя и отчество?

Ворошилов: Константин Васильевич.

Председательствующий: Звание?

Ворошилов: Инженер-подполковник.

Председательствующий: Имеете ученую степень?

Ворошилов: Не имею.

Председательствующий: Прошу изложить суду заключение экспертизы.

Ворошилов: В ходе следствия по делу Пауэрса мне и старшему инженеру инженер-майору Глебову было поручено провести экспертизу огнестрельного оружия и некоторых других предметов, являющихся снаряжением подсудимого Пауэрса.

Для исследования нам были предоставлены: пистолет, двести пять патронов в различных упаковках, одна картонная коробка с 5 ампулами и одна жестяная коробка, имеющая крышки с двух сторон.

Перед экспертизой были поставлены следующие вопросы: установить, к какой системе, модели и образцу относится указанное выше огнестрельное оружие, в какой стране оно изготовлено и каково его назначение. Исправно ли данное оружие и пригодно ли оно к стрельбе? Предназначены ли указанные выше патроны для стрельбы из данного оружия и пригодны ли они

для этой цели? Что представляют собой указанные выше ампулы и цилиндрическая коробка, каково их назначение и в какой стране они изготовлены?

В результате проведенной экспертизы установлено, что представленный на экспертизу пистолет является бесшумным, полуавтоматическим, малокалиберным, серийного образца, с заводским номером 120046; номер надульника 31. Калибр пистолета 0,22 дюйма (5,6 миллиметра). Пистолет самозаряжающийся; перезарядка производится автоматически, а огонь ведется одиночными выстрелами. Пробивная способность пуль от 2 до 4,5 сосновых досок, толщиной 25 миллиметров каждая, на дистанции 10 метров. Дальность и меткость огня такая же, как и у обычного пистолета. Питание пистолета патронами производится из отъемного однорядного магазина на десять патронов. Вес пистолета со снаряженным магазином — 1,3 килограмма.

Данный пистолет относится к новейшему типу бесшумного личного оружия. Эта модель пистолета характеризуется тем, что снижение звука выстрела в ней достигается не только глушителем, но и специальной конструкцией ствола. Звук выстрела из данного пистолета в несколько раз меньше, чем звук выстрела из обычного пистолета. Имеющиеся на пистолете клейма и надписи на английском языке свидетельствуют о том, что данный пистолет сделан в США компанией «Хай стандарт», находящейся в Нью-Хэйвен в штате Коннектикут, и что фирма, изготавливающая эти пистолеты, подала заявку на патент.

По баллистической, технической и конструктивной характеристикам этот пистолет не относится ни к спортивному оружию, ни к охотничьему оружию, ни к обычному оружию войскового назначения, ни к личному оружию для командного состава вооруженных сил. Этот пистолет предназначен для бесшумной стрельбы по людям при нападении и защите. Пистолет вполне исправен и пригоден для стрельбы. Вот что представляет собой пистолет.

Патроны, представленные на экспертизу, имеют широкое применение в США и предназначаются для стрельбы из винтовок, револьверов, полуавтоматических пистолетов и могут быть использованы для стрельбы из бесшумного пистолета калибра 0,22 дюйма.

На трех картонных коробках для патронов имеются фирменные надписи на английском языке, из которых видно, что эти патроны изготовлены в США акционерной компанией по производству оружия «Ремингтон» (концерн «Дюпон»).

Патроны находятся в хорошем состоянии и пригодны для стрельбы.

Вышеупомянутые ампулы представляют собой зажигательные средства, состоящие из оболочки, горючего состава и воспламенительного устройства терочного типа. На наружной поверхности оболочки написана на английском языке краткая инструкция о пользовании ампулами. Такие ампулы изготавливаются для специального применения, когда необходимо сравнительно длительное время воздействия пламени на поджигаемый объект.

Цилиндрическая коробка из жести, имеющая крышки с двух концов, представляет собой комбинированный сигнал дневного и ночного действия с терочным воспламенителем. Коробка заполнена пиротехническим составом: с одного конца — цветным составом, образующим при горении дым, очевидно оранжевого цвета, хорошо видимый на значительном расстоянии днем; с другого конца — составом цветного огня, по всей вероятности красного цвета, хорошо видимого на значительном расстоянии ночью.

Дымовые сигналы и сигналы цветного огня применяются в военном деле и в гражданских условиях в воздухе, на воде и на суше для подачи сигналов, команд и для связи. На наружной поверхности коробки сигнала имеются надписи, в которых изложена инструкция о пользовании сигналом; указана фабричная марка сигнала (13, модель 0); сигнал изготовлен в США акционерной компанией «Авиационное оборудование», находящейся в городе Электон штата Мэриленд.

Председательствующий: Имеют ли участники судебного процесса вопросы к эксперту Ворошилову?

Руденко: Не имею.

Гринев: Не имею.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, имеете ли Вы вопросы к эксперту Ворошилову?

Пауэрс: Я не имею вопросов, но хотел бы дать разъяснения.

Председательствующий: Пожалуйста.

Пауэрс: Можно мне рассмотреть один из этих предметов, о которых говорилось, — ампулу?

Председательствующий: Товарищ секретарь, предъявите. Какую именно?

Пауэрс: Маленькую. *(Секретарь суда предъявляет подсудимому ампулу.)*

Переводчик: Подсудимый просит разрешения, чтобы переводчик прочел инструкцию на оболочке.

Председательствующий: Пожалуйста, прочитайте.

Переводчик (читает): «Зажигательная ампула М-2, горючая. Для зажигания пробейте красную крышку оболочки ручкой, вытяните проволоку изнутри, не дотрагиваясь пальцем до красной области. Пользуйтесь тонким куском сухого дерева, как показано на рисунке». И здесь же рисунок, показывающий костер. Подсудимый Пауэрс утверждает, что это вещество служит для зажигания костров, из сырого дерева в частности.

Пауэрс: Что касается пистолета, то он был мне вручен для охоты, и именно с этой целью я его и брал. К сожалению, никто, кроме меня, не знает, что я не мог бы убить человека, и даже для спасения своей собственной жизни я бы этого не сделал.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, Вы же знаете, что на высоте 68 тысяч футов охотиться очень трудно.

Пауэрс: Я понимаю. Это должно было применяться мною только в случае вынужденной посадки.

Председательствующий: Эксперт Ворошилов, заключение экспертизы в письменном виде представьте суду.

Эксперт Бурмистров-Зуев, прошу подойти к суду. Ваша фамилия?

Эксперт Бурмистров-Зуев: Бурмистров-Зуев Николай Михайлович.

Председательствующий: Звание?

Бурмистров-Зуев: Инженер-подполковник.

Председательствующий: Ученую степень имеете?

Бурмистров-Зуев: Не имею.

Председательствующий: Прошу изложить суду заключение экспертизы.

Бурмистров-Зуев: Офицерам Советской Армии инженер-подполковнику Бурмистрову-Зуеву Н. М., под-

полковнику Ефанову В. П., инженер-подполковнику Лепшикову К. А. и инженер-капитану Шушко Л. А. было поручено следствием произвести техническую экспертизу специального подрывного устройства — блока подрыва, обнаруженного 1 мая 1960 года в обломках самолета «Локхид У-2», сбитого в районе города Свердловска.

Перед экспертами были поставлены следующие вопросы:

Каково устройство блока подрыва? Каков способ управления этим блоком? Каким взрывчатым веществом снаряжен блок подрыва и какова способность его к разрушениям? Каково назначение блока подрыва?

В результате технической экспертизы мы установили:

1. Устройство блока подрыва. Блок подрыва изготовлен фирмой «Бекман — Уитлей» (модель 175-10А) и был размещен вблизи кабины летчика. Блок состоит из корпуса с взрывчатым веществом и с крышкой, а также из устройства обеспечения взрыва, имеющего предохранительный механизм, электродетонаторы, микровыключатели и электропровода, которые соединяют блок с элементами системы управления.

Корпус блока подрыва представляет собой металлический цилиндр, разделенный на две части перегородкой. В нижней части располагается взрывчатое вещество, а в верхней — устройство для взрыва.

В устройстве для взрыва размещается также предохранительный механизм, который состоит из поворотного электромагнита с валиком и предохранительной чеки. В валике имеется отверстие для предохранительной чеки, в него же запрессованы две переходные детонаторные шашки. Еще две переходные детонаторные шашки запрессованы в перегородке корпуса блока. При срабатывании блока подрыва электродетонаторы и детонаторные шашки валика и перегородки составляют единую детонационную сеть для передачи детонации от электродетонаторов к взрывчатому веществу. Взрыв происходит после поворота валика электромагнита в рабочее положение и замыкания при этом микровыключателями электроцепи питания электродетонаторов.

Когда блок подрыва стоит на предохранителе, то есть когда стоит предохранительная чека, взрыва не происходит, ибо чека исключает возможность поворота валика электромагнитами в рабочее положение, а стало быть, и питание цепи электродетонаторов.

2. Способ управления блоком подрыва. Блок подрыва имеет управление из кабины летчика. В кабине летчика на электрощитке питания переменным током автопилота, авиагоризонта и других потребителей электроэнергии имеется надпись «взрыв», под которой, как следует предполагать, был установлен специальный выключатель для дистанционного управления.

Элементы схемы дистанционного управления не найдены. По указанной причине восстановить точную схему дистанционного управления блоком не представляется возможным. Однако исходя из конструктивной схемы блока подрыва могут быть следующие варианты дистанционного управления:

электросхема управления с временным механизмом,

электросхема управления без временного механизма.

Оба варианта схемы управления блоком предусматривают обязательное снятие с механического предохранителя, то есть извлечение предохранительной чеки из устройства для взрыва.

Предохранительная чека может механически связываться с какой-либо частью самолета, отделяющейся при покидании самолета летчиком (например, с катапультным сиденьем).

При необходимости взрыва самолета на земле чека может быть извлечена из блока вручную.

При первом варианте электросхемы управления — с временным механизмом — взрыв блока может быть осуществлен при включении выключателя «взрыв».

Время замедления взрыва установить не представилось возможным, так как временной механизм в обломках самолета не найден.

При втором варианте электросхемы управления, без временного механизма взрыв может происходить мгновенно, без вмешательства летчика, сразу после извлечения предохранительной чеки и замыкания

блокировочных контактов, устанавливаемых на отдельных частях самолета (например, на катапультном сиденье).

3. Взрывчатое вещество блока подрыва и способность его к разрушениям. Экспертизой установлено, что взрывчатое вещество разрывного заряда блока подрыва составляет по весу около 1,4 килограмма.

Согласно данным лабораторных исследований, проведенных в процессе экспертизы, взрывчатое вещество разрывного заряда является гексогеном, который применяется в армии США для изготовления подрывных зарядов и американских смесевых взрывчатых веществ.

Разрушительную мощь заряда можно оценить сравнением веса гексогена с весом такого же взрывчатого вещества, применяемого в американских авиационных реактивных снарядах ударного действия.

Более точно разрушительное действие разрывного заряда можно оценить по избыточному давлению во фронте ударной волны, образующейся при взрыве.

В результате экспертизы установлено, что 1,4 килограмма взрывчатого вещества может дать следующие разрушения:

на расстоянии от заряда до 2,4 метра — полное разрушение самолета, приборов и оборудования;

на расстоянии до 3,2 метра — разрушение силовых элементов самолета, приборов и оборудования, нарушение общей прочности;

на расстоянии до 4,7 метра — разрушение обшивки самолета, нарушение местной прочности.

Таким образом, разрушительная сила примененного взрывчатого вещества в количестве 1,4 килограмма обеспечивает при взрыве полное разрушение самолета и уничтожение приборов и оборудования.

4. Назначение блока подрыва. Блок подрыва исходя из его конструктивных данных и из веса извлеченного взрывчатого вещества предназначался для ликвидации самолета в случае необходимости как в воздухе, так и в наземных условиях — при вынужденной посадке.

Характерным является то обстоятельство, что история авиации не знает установки подобных подрывных

устройств ни на гражданских, ни на военных самолетах-бомбардировщиках различных государств.

На самолетах ВВС различных стран обычно устанавливаются подрывные устройства малой мощности, действие которых рассчитывается на уничтожение специальной самолетной аппаратуры, например кодовых устройств в системе опознавания, или на уничтожение важных блоков других радиотехнических или иных устройств. Примером этого может служить взрывное устройство, размещаемое в магнитофоне на самолете «У-2». Подрывное устройство на самолете «У-2», блок подрыва,— особое устройство, оно предназначено для ликвидации в необходимых случаях всего самолета.

Председательствующий: Есть ли вопросы к эксперту? Нет вопросов. Подсудимый Пауэрс?

Пауэрс: Нет вопросов.

Председательствующий: Эксперт Бурмистров-Зуев, заключение экспертизы прошу представить суду в письменном виде.

Эксперт Прозоровский, прошу подойти к суду.
(Прозоровский подходит к суду.)

Ваша фамилия, имя, отчество?

Эксперт Прозоровский: Прозоровский Виктор Ильич.

Председательствующий: Ваше ученое звание?

Прозоровский: Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор медицинских наук, профессор судебной медицины.

Председательствующий: Прошу Вас изложить суду заключение экспертизы.

Прозоровский: Постановлением следственного отдела Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 6 мая 1960 года по уголовному делу обвиняемого Пауэрса Френсиса Гарри была создана судебно-медицинская комиссия в составе: председателя — директора Научно-исследовательского института судебной медицины Министерства здравоохранения СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора медицинских наук профессора Прозоровского и членов — заместителя директора по научной части того же института кандидата медицинских наук Левченкова, заведующего судебно-химиче-

ским отделом указанного института кандидата фармацевтических наук Рубцова.

В распоряжение этой комиссии были предоставлены обнаруженные в районе падения самолета, пилотируемого Пауэрсом, различные медикаменты, как, например, таблетки окситетрациклина, раствор морфина, таблетки под названием АПЦ, перевязочные материалы (марлевые бинты, индивидуальный пакет, полоски липкого пластыря, марлевые салфетки, пропитанные вазелином), а также предметы бытового назначения (например, брикет сухого спирта) и предмет специального назначения в виде булавки из белого металла.

На разрешение судебно-медицинской экспертной комиссии были поставлены следующие вопросы:

1. Определить, каково назначение и применение представленных для исследования предметов и соответствует ли их содержимое надписям на упаковке этих предметов?

2. Не имеются ли в указанных предметах ядовитые вещества и возбудители болезнетворных микробов?

В результате химических, токсикологических и микробиологических исследований экспертная комиссия установила, что медикаменты, перевязочные материалы и предметы бытового назначения соответствуют имеющимся на них обозначениям и не содержат каких-либо посторонних ядовитых веществ, а также болезнетворных микробов.

При исследовании булавки установлено следующее. Она имеет вид обычной булавки — прямая, из белого металла, с головкой и заостренным концом. Длина ее — 27 мм, диаметр — 1 мм. Булавка имеет сложное строение: внутри нее по всей длине, за исключением концевой заостренной части, имеется канал. В канал вставлена игла; при сильном потягивании за головку булавки игла извлекается. На заостренном конце иглы имеются косо идущие глубокие бороздки, сплошь покрытые слоем липкой густой буроватой массы.

Извлеченной из булавки иглой был произведен укол под кожу подопытной собаке в область верхней трети левого бедра. Через одну минуту после укола собака повалилась на бок, при этом отмечалось резкое

ослабление дыхательных движений грудной клетки, появилась синюшность языка, видимых слизистых оболочек, и через полторы минуты после укола дыхание прекратилось. Через три минуты после укола у собаки угасла сердечная деятельность и наступила смерть.

Та же игла вводилась под кожу белой мыши. Через двадцать секунд после укола наступила смерть от паралича дыхания.

После этого остатки яда с иглы были смыты дистиллированной водой; полученный раствор был использован для установления смертельной дозы. При этом оказалось, что смертельной дозой для кроликов при внутривенном введении является пять гамм на один килограмм веса; для белых мышей — десять гамм на килограмм веса. Как известно, гамма равняется одной тысячной миллиграмма.

Таким образом, в результате исследования было установлено, что на игле, находящейся в булавке, содержится вещество, которое, судя по характеру его воздействия на животных, по его токсическим дозам и физическим свойствам, может быть отнесено к группе кураре — наиболее сильно и быстро действующего из всех известных ядов.

Учитывая очень высокую токсичность и характер действия яда на животных, а также относительно большое количество его на игле, можно считать, что при уколе человека этой иглой у него так же быстро, как и у животных, наступит отравление и смерть.

Председательствующий: Есть ли вопросы к эксперту Прозоровскому?

Руденко: Нет.

Гринев: Не имею.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, у Вас есть вопросы к эксперту Прозоровскому?

Пауэрс: Вопросов нет.

Председательствующий: Прошу Вас, эксперт Прозоровский, заключение представить суду в письменном виде. Садитесь, пожалуйста.

Председательствующий: Суд, совещаясь на месте, определил: допросить также в качестве эксперта полковника Жданова. Прошу эксперта Жданова подойти к суду. Ваша фамилия?

Эксперт Жданов: Жданов.

Председательствующий: Имя и отчество?

Жданов: Иван Иванович.

Председательствующий: Ваше звание?

Жданов: Полковник.

Председательствующий: Ученую степень имеете?

Жданов: Нет.

Председательствующий: Определением суда Вы вызваны в суд в качестве эксперта. Суд разъясняет Вам Ваши права, которые Вы имеете в судебном заседании. Вы имеете право задавать вопросы подсудимому в пределах, необходимых для того, чтобы дать заключение, ознакомиться с материалами дела. Вам понятны эти права?

Жданов: Понятны.

Председательствующий: Суд предупреждает Вас, что Вы должны давать заключения в строгом соответствии с материалами дела и данными тех специальных знаний, которыми Вы владеете. За заведомо ложное заключение Вы несете ответственность по статье 95 Уголовного Кодекса РСФСР. Прошу дать суду соответствующую подписку. Подойдите к секретарю.

(Жданов подходит к секретарю и дает подписку.)

Эксперт Жданов, Вы принимали участие в экспертизе на предварительном следствии. Прошу изложить суду заключение экспертизы.

Жданов: Экспертная комиссия в составе председателя генерал-майора авиации Воронова Н. В. и членов: генерал-майора авиации Лавского В. М., полковника Крюкова Б. Г., полковника Серговского Ю. В., подполковника Андрианова С. М. и меня — полковника Жданова И. И. — в соответствии с постановлением следователя от 4 мая 1960 года изучила карты, фото-пленки и другие материалы, обнаруженные среди остатков самолета, сбитого в районе города Свердловска.

Всестороннее и детальное изучение указанных материалов позволило экспертам прийти к выводу о том, что полет американского летчика на самолете «Локхид У-2» 1 мая 1960 года являлся преднамеренным, заранее подготовленным и производился с разведывательными целями.

Об этом свидетельствует обнаруженная в обломках самолета специально подготовленная карта с заплани-

рованным и проложенным маршрутом полета из района Пакистана (аэродром Пешавар) в северо-западном направлении через Таджикскую, Узбекскую, Казахскую республики, Южный Урал до Свердловска с поворотом на Киров, затем в район Белого моря, с пересечением восточной части Кольского полуострова и уходом вдоль его северного побережья на территорию Норвегии.

Общая протяженность маршрута составляет около 6500 километров.

Анализ полетной карты показал, что самолет от аэродрома Пешавар до района Свердловска следовал по заданному маршруту со средней путевой скоростью около 750 километров в час. Это подтверждается снятыми на пленку участками местности и отметками курса и действительного места самолета с указанием времени, сделанными на полетной карте от руки красным и черным карандашами.

На карте имеются заранее сделанные отметки на включение и выключение определенных агрегатов и аппаратуры на самолете во время полета над территорией Советского Союза, причем отмечены участки маршрута, где должно быть повышено внимание летчика.

Исследованные и изученные экспертной комиссией документальные данные дают основание сделать вывод, что сбитый 1 мая 1960 года американский самолет в районе города Свердловска является специально подготовленным воздушным разведчиком, имевшим задачу пересечь всю территорию Советского Союза от района Памира до Кольского полуострова в целях разведки военных и промышленных объектов, важных районов Советского Союза с помощью их фотографирования. Рассмотрение проявленной аэрофотопленки и привязка снимков, отпечатанных с нее, дали возможность установить, что сфотографированная с помощью длиннофокусного фотоаппарата с самолета местность является территорией Советского Союза. Произведено фотографирование большей части маршрута от района западнее Ташкента до Свердловска, и, в частности, сняты аэродромы и некоторые другие объекты, сведения о которых составляют государственную и военную тайну Советского Союза.

Председательствующий: Есть ли вопросы к эксперту Жданову?

Руденко: Нет.

Гринев: Нет.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, есть ли у Вас вопросы к эксперту Жданову или замечания по экспертизе?

Пауэрс: Нет.

Председательствующий: Эксперт Жданов, заключение экспертизы представьте суду в письменном виде.

Заседание закончилось в 17 часов 40 минут.

Объявляется перерыв до 10 часов утра 19 августа.

Заседание 19 августа

Комендант суда: Прошу встать, суд идет.

Председательствующий: Садитесь, пожалуйста. Желают ли участники судебного процесса сделать какие-либо дополнения к судебному следствию или возбудить какие-либо ходатайства?

Руденко: Обвинение не имеет дополнений и ходатайств к судебному следствию.

Гринев: Я также не имею ни дополнений, ни ходатайств.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, имеете ли Вы что-либо дополнить к судебному следствию?

Пауэрс: Нет, не имею.

Председательствующий: Имеются ли у Вас ходатайства в связи с судебным следствием?

Пауэрс: Нет.

Председательствующий: Судебное следствие объявляется законченным. Суд приступает к заслушиванию речей участников судебного процесса. Слово для обвинительной речи предоставляется Генеральному прокурору Советского Союза действительному государственному советнику юстиции Руденко.

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР Р. А. РУДЕНКО

Товарищи судьи!

Я приступаю к обвинительной речи на данном судебном процессе с полным сознанием его огромного значения.

Настоящий судебный процесс над американским летчиком-шпионом Пауэрсом разоблачает преступления, совершенные не только лично подсудимым Пауэрсом, но и до конца вскрывает преступные агрессивные действия правящих кругов США — истинных вдохновителей и организаторов чудовищных преступлений, направленных против мира и безопасности народов.

На этом процессе еще раз доказано, что реакционные силы США в борьбе против сил мира не брезгают никакими средствами, преступно попирая элементарные нормы международного права, нарушая национальный суверенитет других государств, чтобы проводить обанкротившуюся «политику балансирования на грани войны».

Но народы мира хорошо помнят ужасы второй мировой войны. Советский народ принял на себя основную тяжесть гитлеровской агрессии: на полях битв, невиданных по своим масштабам и ожесточению, стойко и мужественно защищал и защитил честь, свободу и независимость своей Родины и спас свободолюбивые народы от страшной опасности фашистского порабощения. За этой борьбой советского народа и его Вооруженных Сил с восхищением следил мир, ее никогда не забудет история.

Мы навсегда запомнили города и села, стертые с лица земли, слезы жен, детей, матерей, невиданные страдания миллионов и десятков миллионов людей, ставших жертвами фашистского варварства. Мы запомнили все это для того, чтобы никогда не допустить повторения ужасов мировой войны! И твердая решимость советского народа, Советского правительства и его главы Н. С. Хрущева предотвратить угрозу новой войны выражает волю всего прогрессивного человечества, всех простых людей земного шара.

Мирлюбивые народы всех стран с чувством глубокого удовлетворения и неослабным вниманием следят за мероприятиями Советского правительства по разрядке международной напряженности и предотвращению угрозы новой войны, созданию условий для мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Советский Союз, неуклонно отстаивая дело мира, внес в Организацию Объединенных Наций план все-

общего и полного разоружения, включающий уничтожение всех средств ведения ракетно-ядерной войны. Последовательно проводя миролюбивую политику, Советское правительство в одностороннем порядке сократило на одну треть Вооруженные Силы Советского Союза.

В Советской стране успешно осуществляется великий семилетний план мирного строительства. Советские люди, строящие коммунистическое общество, заняты мирным созидательным трудом и ненавидят войну.

Совершенно иную политику проводят правящие круги Соединенных Штатов Америки. Эти реакционные, агрессивные круги разместили свои военные базы на территории многих стран — участниц НАТО, постоянно держат в воздухе самолеты с грузом атомных и водородных бомб, заявляют о своем намерении возобновить подземные испытания ядерного оружия, вступили в сговор с реваншистским правительством Аденауэра о вооружении бундсвера ядерным оружием, упорно противодействуют мероприятиям по всеобщему разоружению и уничтожению ракетно-ядерного оружия.

Стремясь к сохранению «политики балансирования на грани войны», руководящие круги США становятся на путь опасных провокаций.

Именно такой опасной провокацией явился разбойничий, агрессивный рейд подсудимого Пауэрса 1 мая 1960 года.

Товарищи судьи!

Когда глава Советского правительства с трибуны сессии Верховного Совета СССР сообщил об агрессивном вторжении американского военного самолета «Локхид У-2» в воздушное пространство СССР, весь мир был потрясен вероломством руководящих государственных деятелей США.

Народы мира заклеили позором эти провокационные, коварные действия американских правящих кругов.

Общеизвестно, что, после того как было сообщено об агрессивном вторжении самолета «У-2» в пределы СССР, последовала целая серия лживых, циничных и противоречивых заявлений и утверждений руководя-

щих государственных деятелей США. Они пытались вначале выдвинуть различные «маскировочные» и «прикрывающие» версии для того, чтобы скрыть перед миром свои истинные цели и уйти от ответственности.

Будучи перед всем миром разоблачены в своих преднамеренных агрессивных действиях, президент США Эйзенхауэр, вице-президент Никсон и государственный секретарь США Гертер выступили с беспрецедентными в истории международных отношений официальными заявлениями о том, что нарушение суверенитета СССР и агрессивные шпионские полеты американских самолетов над советской территорией осуществлялись по прямому указанию правительства и самого президента США и являются рассчитанной государственной политикой США.

Так была сорвана маска невинности, за которой правительство США тщетно пыталось скрыться от ответственности перед американским и мировым общественным мнением.

Стремясь предотвратить срыв совещания в верхах, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев 16 мая 1960 года, выступая на предварительном совещании глав правительств четырех держав в Париже, заявил, что Советский Союз, несмотря на провокационные действия правительства США, считает возможным принять участие в этом совещании при условии, если правительство США осудит неслыханную провокацию, допущенную в отношении Советского Союза, принесет свои извинения и накажет виновных.

Президент Эйзенхауэр отклонил эти справедливые, законные требования Советского Союза. Этим самым правительство США продемонстрировало перед всем миром свое истинное намерение использовать провокационное вторжение самолета «У-2» в пределы Советского Союза как повод для того, чтобы сорвать совещание в верхах, вновь ввергнуть мир в состояние «холодной войны», обострить напряженность в международных отношениях и заморозить переговоры великих держав о разоружении.

Так было торпедировано правительством США совещание в верхах.

Это было настолько явным, что даже некоторые видные государственные деятели США вынуждены

были признать, что совещание в верхах было сорвано правительством США.

Я сошлюсь на известное уже выступление председателя сенатской комиссии по иностранным делам Фулбрайта о результатах расследования событий, приведших к срыву совещания на высоком уровне.

Фулбрайт заявил:

«Совершенно ясно, что инцидент с самолетом «У-2» и наше отношение к нему были непосредственными причинами провала совещания. В этой связи совершенно неуместно доказывать, что Хрущев прибыл в Париж с утвержденной позицией предотвратить проведение совещания. Решающим фактором в определении этой позиции был инцидент с самолетом «У-2», который случился за две недели до совещания».

Последующие события показали, какой опасный, агрессивный курс проводит правительство США, не прекращая провокационных действий против СССР, оставаясь верным своей «политике балансирования на грани войны».

Огромная волна возмущения прокатилась по всему миру, когда стало известно о новых коварных действиях руководящих деятелей США, пославших 1 июля 1960 года военный бомбардировщик-разведчик «РБ-47» в преступный провокационный полет в пределы Советского Союза.

И это произошло, как известно, уже после того как президент США Эйзенхауэр в мае 1960 года дал заверение о прекращении шпионских полетов американских самолетов в пределы СССР.

Товарищи судьи!

Настоящий судебный процесс привлек внимание миллионов людей на всем земном шаре.

Дело о разоблаченном американском летчике-шпионе Френсисе Гарри Пауэрсе вызвало столь острую и гневную реакцию советского народа и всех миролюбивых людей потому, что разоблачение одного из агентов американской разведки, пойманного с поличным и сбитого во время агрессивного шпионского полета 1 мая 1960 года в районе Свердловска, явилось одновременно разоблачением реакционных правящих кругов Соединенных Штатов Америки, сделавших

государственную политику своей страны рассчитанной политикой вероломства, провокаций, шпионажа, «политикой балансирования на грани войны» во имя интересов капиталистических монополий.

Эти реакционные империалистические круги, провозгласившие «политику устрашения» и «политику с позиции силы» одним из высших политических принципов США, организовавшие преступное, агрессивное вторжение военного самолета в Советский Союз, воочию показали, к каким представляющим непосредственную угрозу для мира и всего человечества преступным методам прибегают они.

Преступные действия подсудимого Пауэрса по своему значению и по тем тяжелым последствиям, которые они уже повлекли, а тем более могли повлечь, далеко выходят за рамки обычного уголовного преступления.

В правильной оценке этих действий и в принятии всех возможных мер к предотвращению их в будущем заинтересован не только Советский Союз, против которого были непосредственно направлены преступные посягательства, но и все человечество.

Конкретные обстоятельства этого дела, тщательно исследованные на предварительном следствии и в открытом судебном процессе, весь путь бандитского полета самолета Пауэрса над территорией СССР не могут не привести каждого здравомыслящего человека, стремящегося к сохранению мира на земле, к выводам об агрессивных целях политики США, о попрании американской военной силой всех общепризнанных норм международного права, о преступном нарушении национального суверенитета других государств.

Вот почему, как мне представляется, задача суда по настоящему делу не может быть ограничена лишь установлением фактов, относящихся к действиям, непосредственно вменяемым в вину подсудимому Пауэрсу и лично им совершенным. Разумеется, как и во всяком уголовном деле, вы, товарищи судьи, в точном соответствии с законом, обязаны всесторонне, полно и объективно оценить все имеющиеся доказательства с целью установить истину и получить ответ на вопрос, состав какого преступления содержится в действиях подсудимого Пауэрса.

Но приговор по этому делу будет иметь значение не только для личной судьбы подсудимого Пауэрса.

Приговор суда, основанный на материалах предварительного и судебного следствия, еще раз убедительно разоблачит перед лицом всего мира преступную, агрессивную политику правящих кругов США.

Несомненно, что ваш приговор сыграет свою роль в борьбе сил мира против сил агрессии, борьбе, которая все более ширится на всей нашей планете и от исхода которой зависит будущее человечества.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Позвольте мне теперь перейти к изложению фактических обстоятельств дела, к анализу многочисленных доказательств, в своей совокупности не только изобличающих подсудимого Пауэрса в совершенных им преступлениях, но и разоблачающих организаторов и вдохновителей этих преступлений.

Преступные действия, совершенные подсудимым Пауэрсом, полностью установлены доказательствами, опровергнуть или поколебать которые невозможно.

Уже тот факт, что американский военный самолет-разведчик был сбит 1 мая 1960 года советскими ракетными войсками в районе Свердловска, и уже самое присутствие здесь, в Москве, на скамье подсудимых шпиона-летчика этого сбитого американского самолета Пауэрса — неопровержимые и убедительные доказательства.

В настоящем деле предъявленное подсудимому обвинение является полностью обоснованным многочисленными и объективными доказательствами. Это понимает и сам подсудимый Пауэрс, поэтому он не пытается оспаривать свою вину в совершенных им преступлениях.

Товарищи судьи! Вам известны показания, данные Пауэрсом на предварительном и судебном следствии, когда, объясняя отметки, произведенные в маршрутных картах, он подробно рассказал о задачах, которые поставил перед ним командир шпионского подразделения «10—10» полковник военно-воздушных сил США Шелтон, указывая пункты, на которые он должен обратить особое внимание для того, чтобы добыть сведе-

ния о ракетных базах и других особо важных оборонных объектах Советского Союза.

Это подразделение, как установлено, базировалось на авиационной базе Инджирлик в Турции и именно в этом подразделении проходил свою шпионскую службу подсудимый Пауэрс.

Разбойничий, агрессивный полет 1 мая 1960 года явился завершающим в шпионской карьере Пауэрса, начатой им еще в 1956 году, когда в столице Соединенных Штатов Америки Вашингтоне Пауэрс подписал секретный контракт с Центральным разведывательным управлением США и проданся американской разведке за 2500 долларов в месяц. Пауэрсу было разъяснено, что в его обязанности будет входить совершение разведывательных полетов вдоль границ Советского Союза, а также выполнение других специальных заданий. Именно с этого времени Пауэрс стал штатным летчиком-шпионом, готовым совершить любое преступление во имя интересов американской военщины, состоящей на службе монополистического капитала.

Вы помните, товарищи судьи, показания подсудимого Пауэрса, которые он дал на предварительном следствии и здесь в суде о подготовке к полетам на самолетах «У-2» на секретном атомном полигоне Лос-Вегас в пустыне штата Невада и обучении управлению специальной разведывательной аппаратурой. Этой подготовкой руководили полковник Пери, возглавивший впоследствии подразделение «10—10», полковник Перкинс, майор Кордза, а полетам на шпионских самолетах «У-2» завербованных летчиков-шпионов обучали представители и летчики компании «Локхид», производившей эти самолеты, а также военные летчики.

Вот наглядный пример преступного сговора крупной американской капиталистической компании, шпионско-разведывательного центра и военщины США.

Всем завербованным летчикам на время подготовки были даны с целью конспирации вымышленные фамилии. Пауэрс значился под фамилией Палмер.

Осенью 1956 года личный состав шпионского подразделения «10—10» был переброшен на американо-турецкую авиационную базу Инджирлик близ города Аданы в Турции, где было завершено формирование этого подразделения и где должна была разверты-

ваться его непосредственная шпионская деятельность. Отсюда Пауэрс и другие летчики подразделения «10—10» стали совершать систематические полеты с разведывательными целями вдоль границ Советского Союза с Турцией, Ираном и Афганистаном, а также в районе Черного моря, используя для этого специальную разведывательную аппаратуру.

Пауэрс показал, что полковник Пери сообщил летчикам подразделения «10—10», что они будут также совершать полеты над территорией СССР.

Пауэрс показал далее, что с 1956 года производилось большое количество полетов вдоль границ Советского Союза с разведывательными целями.

«Я считаю,— заявил Пауэрс,— что это была основная работа нашего подразделения. Ежегодно по несколько раз я летал вдоль границ СССР с Турцией, Ираном и Афганистаном. В 1956—1957 годах три-четыре полета были совершены над Черным морем. В 1956 году я сделал один-два полета, в 1957 году таких полетов было 6—8, в 1958 — десять — пятнадцать, в 1959 — десять — пятнадцать и за четыре месяца 1960 года — один или два. Все эти полеты мною совершались вдоль южных границ Советского Союза. С такими же целями летали и другие летчики подразделения «10—10». Мы поднимались с аэродрома Инджирлик и летели на Восток до города Ван, на берегу озера с тем же наименованием. После этого брали курс на столицу Ирана — Тегеран и после пролета над Тегераном летели в восточном направлении южнее Каспийского моря. Затем я обычно пролетал южнее города Мешхеда, пересекал ирано-афганскую границу и далее летел вдоль афгано-советской границы... Недалеко от восточной границы Пакистана делался поворот и по тому же маршруту возвращались на аэродром Инджирлик. Позднее мы стали делать поворот раньше, после углубления на территорию Афганистана примерно на 200 миль».

Таковы показания подсудимого Пауэрса о его шпионской деятельности до полета 1 мая 1960 года.

Будучи привлечен к следствию в качестве обвиняемого, Пауэрс признал, что, в соответствии с заключен-

ным им с Центральным разведывательным управлением США контрактом, он являлся летчиком специального авиационного подразделения, занимающегося сбором сведений о действующих на территории Советского Союза радиостанциях и радиолокационных установках, а также о местах расположения ракет.

В своих показаниях Пауэрс подробно рассказал о тех приемах, при помощи которых летчиков-шпионов приучали к возможности внезапно получить чрезвычайное шпионское задание, тренируя их для этого по так называемому специальному расписанию «полетов по тревоге».

Несомненно, что агрессивное вторжение в глубь территории Советского Союза 1 мая 1960 года планировалось американской разведкой задолго, так как еще в августе 1958 года Пауэрс получил задание перегнать один из самолетов «У-2» с базы Инджирлик на аэродром в Будё (Норвегия), тот самый аэродром, на котором он должен был завершить свой полет 1 мая.

Направляясь туда, Пауэрс летел по маршруту Афины — Бриндизи (Италия) — Рим — Франкфурт-на-Майне — Ставангер (Норвегия) — Будё.

Здесь его ожидал новый командир подразделения «10—10» полковник Бирли, занимавший этот пост до 1959 года, с большой группой обслуживающего персонала. С аэродрома Будё летчики подразделения «10—10» совершили несколько полетов на самолетах «У-2».

Пауэрс сообщил, что с аэродрома Инджирлик он летал на американскую авиабазу в районе Висбадена (Западная Германия) и перегнал оттуда самолет «У-2» на базу ВВС США Платтсбург в штате Нью-Йорк.

Это лишний раз подтверждает, что американские шпионские самолеты «У-2» базировались на территории Западной Германии и совершали оттуда полеты. Однако реваншистское правительство Аденауэра не сочло даже нужным, как это сделали другие государства — участники НАТО, заявить по этому поводу протест правительству США. Больше того, канцлер Аденауэр поспешил первым выразить свое одобрение преступным, агрессивным шпионским полетам самолетов «У-2». Конечно, иных заявлений от этого гитлеровского последователя и нельзя было ожидать.

Совершая шпионские полеты, Пауэрс и его хозяева

беззастенчиво нарушали суверенитет других стран. Самолеты «У-2» пролетали над различными странами, втянутыми Соединенными Штатами Америки в их экспансионистскую, агрессивную политику и предоставляющими свои воздушные базы для посадки и взлетов американских военных самолетов. С еще большей наглостью Пауэрс и другие американские шпионы-летчики нарушали суверенитет нейтральных стран, в частности Афганистана, используя для этого свое техническое превосходство.

Так разворачивалась шпионская карьера Пауэрса до 27 апреля 1960 года, когда командир разведывательного подразделения полковник Шелтон созвал совещание личного состава и приказал Пауэрсу, еще одному летчику и большой группе обслуживающего персонала в тот же день вылететь на авиационную базу Пешавар в Пакистане. Туда они прибыли на военном транспортном самолете, а самолет «У-2» был доставлен несколько позже.

Об этом дал подробные показания на предварительном и судебном следствии подсудимый Пауэрс.

1 мая 1960 года ранним утром Пауэрса разбудили так же, как и много раз до этого, при тренировках по расписанию «полетов по тревоге». Однако на этот раз Пауэрсу было дано особое задание, к которому его готовили в течение нескольких лет. Это задание предусматривало совершение разведывательного полета над территорией Советского Союза для сбора важных сведений о военных и промышленных объектах. Маршрут полета пролегал от базы Пешавар в Пакистане, через территорию Афганистана, значительную часть территории СССР и завершался на базе Будё в Норвегии.

Позвольте мне обратиться непосредственно к показаниям Пауэрса.

Вот что показал он сам по поводу этого задания, полученного им от полковника Шелтона:

«Через несколько минут полковник принес карты и показал их мне. Он сообщил мне, что на картах нанесен маршрут моего полета. Это были маршрутные карты, обнаруженные впоследствии на моем самолете. Полковник мне сообщил, что располагает некоторыми сведениями по ряду аэродромов и

если я желаю, то могу нанести их на свою карту. Я выразил желание это сделать и пометил некоторые аэродромы. Ему было известно также место, как он сказал, где я могу увидеть площадку для запуска управляемых снарядов. Это место я также пометил на своей карте. Кроме того, полковник указал мне место, в котором, по его мнению, что-то должно находиться, но что именно, он не знал. Я пометил и это место».

«Я должен был,— показывает Пауэрс,— следовать по маршруту, который был нанесен на карте красным и синим карандашом, и в отмеченных на карте местах включать и выключать нужные переключатели аппаратуры».

Такова данная самим Пауэрсом характеристика шпионских заданий по сбору сведений об особо важных оборонных и промышленных объектах Советского Союза, которые он получил перед полетом 1 мая. Но инструкции, полученные Пауэрсом, и средства, предоставленные ему для выполнения шпионского задания, не ограничивались этим.

Пауэрс показал далее:

«...полковник сообщил мне, что приготовил для меня свертки с советскими деньгами и золотыми монетами на тот случай, если со мной что-нибудь произойдет. Свертки были положены в карманы моего летного костюма. Он показал мне также серебряную монету в один доллар, в которую была вставлена булавка. Полковник сказал мне, что никакой опасности нет, так как СССР не располагает самолетами или ракетами, которые могли бы достигнуть высоты моего полета, однако если что-либо случится и я буду арестован и подвергнут пыткам и не смогу их выдержать, то у меня будет возможность покончить с собой с помощью этой булавки, содержащей яд».

Так, купив за доллары Френсиса Пауэрса, сделав его соучастником своих грязных преступлений, американская разведка заранее предусматривала возможность провала своего агента и, стремясь укрыться от разоблачения, внушала ему мысль о неизбежности самоубийства в том случае, если он окажется живым на советской территории.

Вот она, звериная, человеконенавистническая мораль господина Даллеса и компании, ставящая ни во что в угоду доллару, этому «желтому дьяволу», жизнь человека.

Следует упомянуть, что американская разведка намеревалась скрыть следы преступления не только путем снабжения Пауэрса такой булавкой.

Показаниями Пауэрса, вещественными доказательствами, заключениями экспертов доказано, что самолет «Локхид У-2», на котором Пауэрс отправился в свой шпионский полет, являлся специальным военным разведывательным самолетом и был оборудован особым устройством для того, чтобы в случае вынужденной посадки на территории СССР летчик смог его взорвать. Взрывной аппарат был установлен также в магнитофоне, предназначенном для записи сигналов советских радиолокационных станций.

После того как Пауэрс получил последние приказы и инструкции, он поднялся с аэродрома Пешавар, набрал высоту 20 тысяч метров и, пролетев над Афганистаном, вторгся в воздушное пространство СССР.

Пауэрс признал себя виновным в том, что летал над советской территорией и над заданными ему пунктами по маршруту полета включал и выключал соответствующие рычаги специальной аппаратуры, установленной на борту его самолета. Всего было пять таких рычагов-переключателей. Вся разведывательная аппаратура, находившаяся на борту самолета, работала нормально и безотказно. Кроме того, Пауэрс во время полета вел визуальные наблюдения и результаты наносил на маршрутную карту.

Как известно, самолет Пауэрса пересек государственную границу СССР в 5 часов 36 минут по московскому времени юго-восточнее Кировабада Таджикской ССР и с этого момента вплоть до того, как был сбит советскими ракетными войсками в районе Свердловска, находился под неослабным наблюдением частей противовоздушной обороны СССР. Весь характер полета Пауэрса указывал на его провокационные и агрессивные цели. Летчик вел самолет на высоте двадцати тысяч метров, то есть на такой высоте, на какой никакие гражданские самолеты полетов не совершают; маршрут самолета пролегал над крупными промыш-

ленными центрами и важными оборонными объектами Советского Союза.

В связи с тем, что в данном случае имело место преднамеренное вторжение в советское воздушное пространство с враждебными агрессивными целями, Советское правительство отдало приказ сбить самолет, и в 8 часов 53 минуты первой же ракетой самолет Пауэрса был сбит на высоте двадцати тысяч метров в районе Свердловска, то есть на расстоянии более двух тысяч километров от места пересечения им границы Советского Союза.

Пауэрс показал, что, находясь в полете в районе Свердловска на высоте 68 тысяч футов, то есть более 20 тысяч метров, он увидел оранжевую вспышку и его самолет после этого начал падать. При падении самолета его прижало к приборному щитку, он не смог воспользоваться катапультирующим устройством, а поднял над головой фонарь кабины, отстегнул пристяжные ремни и выбрался из самолета через верх. Парашют открылся автоматически.

Непосредственными очевидцами того, как на большой высоте произошел взрыв, после которого на землю упали остатки самолета, а в небе появился парашют, были многие люди.

Товарищи судьи! Участники задержания американского шпиона были допрошены в судебном заседании, и показания этих свидетелей еще свежи в вашей памяти.

Советские люди, безгранично преданные своей Родине и на этот раз, как всегда, проявившие присущую им бдительность, задержали приземлившегося на парашюте шпиона-летчика Пауэрса, изъяли у него бесшумный, специально сконструированный пистолет для гнусных убийств и обезвредили шпиона.

Здесь в суде об этом подробно рассказали вам свидетели: инвалид, бывший военнослужащий советских авиационных частей, Петр Ефремович Асабин, шоферы Владимир Павлович Сурин, Леонид Алексеевич Чужакин и советский рабочий Анатолий Федорович Черемисин. За проявленное мужество и отвагу они награждены правительством.

Это был поистине наглядный урок, который показал Пауэрсу и его хозяевам, что в Советской стране деньги

и золото не могут спасти от возмездия любого шпиона, в том числе и из той страны, где безраздельно господствует доллар.

Товарищи судьи! Вы помните, что в официальных заявлениях государственного департамента и должностных лиц Соединенных Штатов усиленно подчеркивалось, что сбитый самолет «У-2» будто бы являлся гражданским самолетом, а летчик Пауэрс — служащим по найму фирмы «Локхид Эйркрафт корпорейшн».

Эти заявления лживы.

Показания подсудимого Пауэрса об обстоятельствах, при которых он был завербован для разведывательной службы, свидетельствуют, что организация и проведение агрессивных шпионских полетов в пределы Советского Союза непосредственно осуществлялись под руководством Центрального разведывательного управления США с ведома и санкции правительства и президента США Эйзенхауэра.

Как известно, Центральное разведывательное управление США, возглавляемое обер-шпионом Алленом Даллесом, непосредственно подчинено президенту Соединенных Штатов Америки и является органом политической и военной разведки, стоящим во главе так называемого «разведывательного сообщества», этого своеобразного шпионского комбината, в который входят все отраслевые разведывательные органы США, и в том числе военно-воздушная разведка.

На отдельных деталях и агрегатах самолета «У-2» имелись обозначения, что они являются собственностью военного ведомства США.

Все полеты на самолетах «У-2» проводились с баз военно-воздушных сил и под руководством офицеров ВВС США.

Подсудимый Пауэрс показал, что подразделение «10—10» было создано совместно Центральным разведывательным управлением и военно-воздушными силами США и представляло собой комбинацию этих двух органов.

Самому Пауэрсу в подразделении «10—10» было выдано удостоверение личности за № AFI 288 068, имеющее эмблему Министерства обороны США со словами «Министерство обороны. Соединенные Штаты Америки».

В числе документов, принадлежащих Пауэрсу, было также обнаружено свидетельство, выданное Национальным управлением США по авионавигации и исследованию космического пространства (НАСА). Этим документом удостоверялось, что Пауэрс пригоден к службе в качестве пилота самолетов НАСА. Свидетельство предусматривало возможность использования Пауэрсом военных самолетов в соответствии со специальной инструкцией ВВС США и право посадки и взлета на территории баз военно-воздушных сил.

По поводу этого документа Пауэрс показал:

«Поскольку я лично никакого отношения к НАСА не имел, я считаю, что этот документ был выдан мне в качестве прикрытия, чтобы скрыть действительные цели разведывательного подразделения «10—10».

Вы, товарищи судьи, видели эти документы, и они были предъявлены здесь подсудимому Пауэрсу.

Из показаний Пауэрса известно также, что подразделение «10—10» в апреле 1960 года посетил с целью инспектирования не кто иной, как начальник штаба военно-воздушных сил США генерал Томас Д. Уайт, в честь которого был устроен специальный прием. Дважды инспектировал подразделение «10—10» командующий военно-воздушными силами США в Европе генерал Эверест.

Между прочим, подразделение «10—10» на базе Инджирлик посещали не только высшие чины военно-воздушных сил США, но и некоторые конгрессмены, имеющие, по-видимому, особый доступ в подобного рода шпионские органы.

Не оставил без внимания авиационную базу Инджирлик даже кардинал Спеллман, который также посетил подразделение «10—10».

К какому же выводу я прихожу на основе анализа приведенных выше данных?

Материалы настоящего процесса убедительно доказывают, что, несмотря на все попытки американской военщины поставить в режиссуре Аллена Даллеса своего рода водевиль с «переодеваниями», подлинный характер подразделения «10—10», в котором служил подсудимый Пауэрс, и других подобных ему подразделений достаточно ясен. По целям и задачам своей

деятельности это подразделение являлось не чем иным, как органом военной разведки.

Не оставляет и тени сомнения, что самолет Пауэрса был военным самолетом, специально оборудованным и посланным с агрессивными шпионскими целями в пределы воздушного пространства СССР, а Пауэрс продолжал оставаться по характеру своей деятельности военным летчиком, выполняющим обязанности военного разведчика и шпиона. Сам Пауэрс признает, что он был гражданским летчиком, находившимся на службе в военно-воздушных силах.

На самом деле это не что иное, как шпионский гибрид — детище Центрального разведывательного управления и военной разведки военно-воздушных сил США, прикрытое фиговым листком НАСА.

Шпионские цели полета Пауэрса над советской территорией подтверждены всеми обстоятельствами дела, в том числе показаниями подсудимого, многочисленными вещественными доказательствами.

Я должен особо подчеркнуть, что упомянутые мною выше заявления руководящих государственных деятелей США, в которых они перед всем миром признали, что шпионаж и нарушения суверенитета других государств являются государственной политикой США, в свете рассматриваемого уголовного дела Пауэрса приобретают процессуальное значение и играют роль судебных доказательств. Этими доказательствами, то есть собственными заявлениями указанных государственных деятелей, полностью устанавливается, что правительство США было вдохновителем и организатором преступлений, совершенных подсудимым Пауэрсом и другими, ему подобными.

Имеются все основания рассматривать указанные заявления в качестве бесспорных доказательств по настоящему делу.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Товарищи судьи! Выполняя свои обязанности государственного обвинителя, я считаю необходимым дать характеристику имеющихся по делу многочисленных вещественных доказательств.

В результате осмотра этих вещественных доказа-

тельств, тщательного исследования их экспертами самых различных специальностей в распоряжении государственного обвинения оказались такие объективные, неопровержимые данные, которые с новой силой подтверждают обвинение, выдвинутое против подсудимого Пауэрса, преднамеренный, агрессивный характер и шпионские цели преступной миссии Пауэрса.

Вещественные доказательства были выставлены для всеобщего обозрения. Триста двадцать тысяч советских людей и свыше двадцати тысяч иностранцев получили возможность лично осмотреть эти наглядные доказательства, разоблачающие агрессивную политику правящих кругов США, организовавших разбойничий полет Пауэрса.

На месте падения самолета «Локхид У-2» найдены детали и агрегаты самолета, разбросанные на площади около 20 квадратных километров, в том числе: передняя часть фюзеляжа с центропланом и кабиной летчика с оборудованием; турбореактивный двигатель; хвостовая часть фюзеляжа с килем и другие. Эти детали и агрегаты являлись частями одноместного высотного дозвукового самолета-разведчика типа «У-2» американской фирмы «Локхид».

Результаты осмотра отдельных деталей и агрегатов показали, что в создании шпионского самолета «У-2» принимали участие многочисленные фирмы США, а некоторые детали и агрегаты являются собственностью правительства США.

Турбореактивный двигатель самолета изготовлен фирмой «Прат-Уитни», о чем свидетельствует этикетка фирмы. Аппаратура радиотехнической разведки изготовлена фирмой «Хьюлетт-Паккард» и лабораторией Хаггинс (город Менло Парк, Калифорния). На этой аппаратуре, как и на некоторых других агрегатах, имеются обозначения, свидетельствующие об ее принадлежности военному ведомству США.

Это особенно важно для опровержения лживого утверждения, что самолет «У-2» будто бы был гражданским, а не военным самолетом.

Приборное, связанное, электро- и радиолокационное оборудование также изготовлено различными американскими фирмами, что подтверждается соответствующими фирменными табличками и этикетками.

На самолете установлен специальный блок подрыва с дистанционным управлением, изготовленный фирмой «Бекман-Уитлей» (модель 175-10А).

Осмотр специальных карт, фотопленки и других материалов и заключения экспертов свидетельствуют о преднамеренном, заранее подготовленном полете самолета «У-2» с разведывательными, шпионскими целями. Это подтверждается обнаруженной специально закодированной картой с маршрутом полета самолета из района Пакистана (аэродром Пешавар) в северо-западном направлении через Таджикскую, Узбекскую, Казахскую союзные республики, Южный Урал до Свердловска с поворотом на Киров, затем в районе Белого моря, с пересечением восточной части Кольского полуострова и уходом вдоль его северного побережья на территорию Норвегии.

Анализ полетной карты показал, что самолет от аэродрома Пешавар до района Свердловска следовал по заданному маршруту. Это подтверждается заснятыми на фотопленку участками местности и отметками курса и действительного места самолета с указанием времени, сделанными на полетной карте от руки красным и синим карандашами. На карте имеются заранее сделанные отметки на включение и выключение основных агрегатов и аппаратуры на самолете во время полета над территорией Советского Союза.

Вещественные доказательства бесспорно устанавливают, что полет американского самолета над территорией СССР был преднамеренным и заранее запланированным. Как видно из заключения экспертов, карта с маршрутом полета и расчетными навигационными данными была подготовлена на земле до вылета. В полете летчик знал свое местонахождение, систематически контролировал пролет отмеченных ориентиров и строго выполнял полет по заранее намеченному маршруту. В процессе полета над территорией СССР летчик наносил на карту сведения разведывательного характера.

Особый интерес в качестве доказательств, разоблачающих шпионские цели полета самолета «У-2», представляют фотооборудование самолета и непосредственные результаты фоторазведки, которую прово-

дил подсудимый Пауэрс во время полета над территорией Советского Союза.

Технической экспертизой установлено, что аэрофотоаппарат модели «73-B», установленный на самолете «У-2», является специальной разведывательной аэрофотокамерой, рассчитанной на выполнение воздушного фотографирования полосы местности с больших высот полета.

Аэрофотопленка, использовавшаяся в аэрофотоаппарате, является специальным сортом фотоматериала, предназначенного для целей аэрофоторазведки военных и топографических объектов с больших высот полета. Летчик произвел в целях разведки фотографирование территории Советского Союза.

Рассмотрение проявленной аэрофотопленки и привязка снимков, отпечатанных с нее, дали возможность установить, что сфотографированная местность является территорией Советского Союза.

Полученные аэрофотоснимки содержат разведывательную информацию относительно промышленных и военных объектов СССР.

Экспертизе были подвергнуты обнаруженные в районе падения самолета магнитофон с магнитофонной лентой и оптический прибор, являющиеся в свою очередь важными вещественными доказательствами шпионских целей полета самолета «У-2».

Осмотр магнитофона показал, что в нем имелось специальное взрывное устройство, предназначенное для его уничтожения.

При осмотре, произведенном экспертами, установлено, что часть магнитофонной ленты в хорошем, полностью сохранившемся состоянии. После дешифрирования записей выяснено, что записанные сигналы принадлежат наземным радиолокационным станциям системы радиолокационного обеспечения противовоздушной обороны Советского Союза.

Магнитофон является частью аппаратуры радиотехнической разведки, имевшейся на самолете «У-2».

Экспертизой установлено, что самолет «У-2» был вооружен специальной аппаратурой радиопротиводействия, предназначенной для создания помех радиолокационным станциям перехвата и прицеливания самолетов-истребителей.

Не вызывает сомнений, что такого рода аппаратура устанавливается на вражеском самолете, вторгающемся в пределы другой страны с агрессивными целями.

Экспертизе был подвергнут обнаруженный радиоприемопередатчик, который является американской серийной командной станцией, предназначенной для ближней радиосвязи с наземными пунктами и между самолетами.

Отсутствие дальней радиосвязи на самолете «У-2» еще одно свидетельство того, что организаторы агрессивного вторжения приняли меры к тому, чтобы скрыть пиратский полет самолета «У-2» и предотвратить возможность обнаружения его над территорией СССР.

Товарищи судьи! Я уже упоминал, что самолет «У-2» был оборудован специальным взрывным устройством, обеспечивающим уничтожение самолета в случае вынужденной его посадки на территории СССР.

При исследовании установлено, что дистанционное управление блока подрыва оборудовано в кабине летчика. На электрошитке в числе других надписей имеется надпись «взрыв». Таким образом, летчик был полностью осведомлен о наличии на самолете специального взрывного устройства и способах его использования.

Обнаруженный в обломках самолета «У-2» блок подрыва — важное вещественное доказательство агрессивных шпионских целей полета.

Я также упоминал уже в своей речи о булавке с ядом, изъятой у подсудимого Пауэрса.

Если бы задания, полученные Пауэрсом, не были преступными, хозяева Пауэрса не снабдили бы его смертоносной булавкой.

Осмотром и судебно-токсикологическим исследованием булавки, изъятой у подсудимого Пауэрса, установлено, что на игле содержится вещество, которое, судя по характеру действия на животных, токсическим дозам и физическим свойствам, может быть отнесено к группе кураре — наиболее сильно и быстро действующего из всех известных ядов.

Учитывая очень высокую токсичность, экспертиза пришла к заключению, что при уколе человека этой иглой смерть наступит мгновенно.

Осмотром изъятых у Пауэрса бесшумного пистолета установлено, что это полуавтоматический десятизарядный пистолет новейшего типа, предназначенный для стрельбы по живым целям. Одновременно с пистолетом обнаружено 205 патронов к нему.

Товарищи судьи! Анализируя все эти данные, я прихожу к выводу, что настоящее дело представляет собой такую совокупность вещественных доказательств — этих немых свидетелей, — которые со всей непреложностью и объективностью полностью устанавливают преступления, совершенные подсудимым Пауэрсом, до конца разоблачают вдохновителей и организаторов этих преступлений и дают в руки правосудия доказательственный материал большой обличительной силы.

АКТ АГРЕССИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Товарищи судьи! Оценивая тяжесть преступлений, совершенных Пауэрсом, мы ни на минуту не можем отвлечься от мысли, что он непосредственно выполнял такие особо опасные преступные задания, которые ставили под прямую угрозу всеобщий мир и могли повлечь для человечества страшную катастрофу.

Агрессивный, преднамеренный характер полета самолета, пилотируемого Пауэрсом, был вполне очевиден с того момента, когда он пересек границу Советского Союза и стал углубляться внутрь советской территории, пролетая на огромной высоте над важными оборонными и промышленными объектами. И разумеется, никто не смог бы определить с земли, несет или не несет этот вражеский самолет, бесцеремонно и нагло вторгшийся в советское воздушное пространство, смертоносный груз.

Таким образом, совершенно очевидно, что в условиях, когда некоторые государства располагают ядерным оружием и средствами почти молниеносной доставки его к цели, агрессивный акт, предпринятый Соединенными Штатами Америки 1 мая 1960 года против Советского Союза, относится к преступлениям, которые ставят под угрозу безопасность всего человечества и могут привести к тягчайшим последствиям для всего мира.

Настоящее дело вскрывает преступное попрание американскими правящими кругами общепризнанных норм международного права.

В этой связи мне представляется необходимым рассмотреть в обвинительной речи некоторые вопросы международного права, имеющие непосредственное отношение к преступлениям подсудимого Пауэrsa и его хозяев.

Бесспорным принципом международного права, никогда и никем не оспаривавшимся, является принцип полного и исключительного суверенитета государства над его территорией, включая и все находящееся над ней воздушное пространство. Это положение закреплено как в ряде международных конвенций, так и во внутреннем законодательстве почти всех государств, включая Соединенные Штаты Америки и Советский Союз.

Советское правительство неоднократно заявляло протесты по поводу противозаконного нарушения воздушного пространства Советского Союза американскими самолетами и предостерегало правительство США об его ответственности за тягчайшие последствия, которые могут повлечь подобные нарушения.

Однако правительство США не реагировало на эти протесты и, верное себе, продолжало свою политику «холодной войны», грубого нарушения суверенитета других государств.

Известно, что Советское правительство в ноте от 10 июля 1956 года правительству США заявило протест по поводу нарушения американскими военными самолетами воздушного пространства СССР. Постоянный представитель Советского Союза в ООН письмом от 12 июля того же года поставил в известность об этих фактах Совет Безопасности.

В своей ответной ноте от 19 июля 1956 года правительство США лицемерно отрицало факты нарушения воздушного пространства СССР американскими военными самолетами, утверждая, что заявление правительства Советского Союза является ошибочным.

Такую двуличную позицию руководящие деятели США занимали во всех подобных случаях, пока 1 мая 1960 года не были пойманы с поличным и вынуждены признать факты преступного вторжения в воздушное

пространство СССР, которые они раньше нагло отрицали.

Н. С. Хрущев, оценивая преступное агрессивное вторжение американского самолета «У-2» в пределы СССР, с полным основанием заявил:

«Неслыханны и беспрецедентны действия, направленные против суверенитета Советского государства, а принцип суверенитета является священным и незыблемым принципом в международных отношениях».

Этот принцип был выражен еще в Конвенции о регулировании воздушных передвижений, подписанной в Париже 13 октября 1919 года.

Статья 1-я этой Конвенции гласит:

«Каждая держава имеет полный и исключительный суверенитет в отношении воздушного пространства над ее территорией».

Подтверждение этого же принципа содержится в Международной (панамериканской) конвенции о торговом воздушном сообщении, подписанной в Гаване 20 февраля 1928 года, в Конвенции о международной гражданской авиации, подписанной в Чикаго 7 декабря 1944 года, а также в ряде двусторонних соглашений между государствами.

Указанная формула полностью воспринята внутренним законодательством почти всех государств.

В частности, параграф 176 акта конгресса США о торговом воздухоплавании 1926 года устанавливает: «...Соединенные Штаты Америки обладают и осуществляют полный и исключительный суверенитет в воздушном пространстве над США».

Это же положение установлено американским законом о гражданской авиации 1938 года.

Воздушный Кодекс СССР 1935 года в статье 1-й устанавливает, что «Союзу ССР принадлежит полный и исключительный суверенитет над воздушным пространством Союза ССР».

Небезызвестно, однако, что в Соединенных Штатах Америки не впервые бесцеремонно обращаются с международным правом. Американские теоретики установили даже особое понятие «американского международного права». Один из американских авторитетов в области международного права — Ч. Ч. Хайд так и

озаглавил свой капитальный труд — «Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки» (Издательство иностранной литературы. Москва. 1951).

Однако принцип полного и исключительного суверенитета государства над воздушным пространством, лежащим над его территорией, настолько бесспорен, что безоговорочно признавался даже и «американским международным правом». Вот что писал упомянутый Хайд, подводя итоги рассмотрения всех относящихся к этому вопросу конвенций и законов:

«Мы располагаем многочисленными доказательствами, что государства настолько единодушны в утверждении права своего контроля над воздушным пространством, находящимся над их территориями, что этого достаточно, чтобы сделать вывод, что оно может рассматриваться как признанный принцип международного права» (том 2, стр. 366, параграф 191 В).

Американский сенатор Фулбрайт заявляет по этому поводу:

«Глава государства воплощает в своем лице суверенитет и достоинство своей страны. Совершенно недопустимо, чтобы один глава государства покушался на суверенитет другого, и еще менее допустимо, чтобы он утверждал свое право поступать таким образом».

Невозможно представить себе иное решение этого вопроса. Каждому разумно мыслящему человеку, а не только специалистам в области международного права, ясно, что принцип национального суверенитета и верховенства государства над воздушным пространством, простирающимся над его территорией, как и вообще принцип национального суверенитета, является основой нормальных взаимоотношений между государствами в мирное время.

Это не вызывает никаких сомнений.

Небезынтересно также, как в науке международного права разрешается вопрос о поведении виновных государств в случаях, аналогичных агрессивному вторжению самолета «У-2».

Английский профессор Л. Оппенгейм в своем курсе международного права (Издательство иностранной

литературы. Москва. 1948) указывает по этому поводу, что в случае, если административные должностные лица, военные или морские вооруженные силы какого-нибудь государства допустят международно-неправомерные действия,

«государство должно прежде всего отказаться признать такие действия и должно дезавуировать их, выразив свое сожаление или даже принеся извинения правительству потерпевшего государства; во-вторых, должны быть возмещены убытки, если поступило требование об их возмещении, и, наконец, правонарушители должны быть наказаны в соответствии с обстоятельствами дела» (том I, полутом I, стр. 332—333).

Понятно, однако, что тот, кто возводит преступление в разряд рассчитанной государственной политики, сознательно идет на риск поимки с поличным во время совершения преступления, признает «политику с позиции силы» высшим принципом государственной политики,— тот без зазрения совести не считается с общепринятой международной практикой, нашедшей выражение в высоких принципах международного права, подменяет право и закон произволом и беззаконием.

Советское правительство в своей ноте от 16 мая 1960 года правительству США с предельной четкостью и ясностью заявило, что беззастенчивое вторжение в пределы другого государства, будь то на суше, на воде или в воздухе, не может рассматриваться иначе, как акт агрессии, и попытка оправдать и «узаконить» эти действия есть не что иное, как проповедь агрессии, политика, отбрасывающая в сторону элементарные нормы международного правопорядка и принципы Устава ООН.

Запланированные американской разведкой по приказу правительства США противозаконные вторжения американских военных самолетов в воздушное пространство СССР, и в частности вторжение самолета «Локхид У-2» под управлением Пауэрсa 1 мая 1960 года, явились не только преступными нарушениями суверенитета СССР, но и актами агрессии. Эти разбойничьи действия отражают давнюю политику США «балансирования на грани войны», проводившуюся в течение многих лет бывшим государственным

секретарем Джоном Фостером Даллесом и неустанно подогреваемую поборниками войны из Пентагона.

В своей книге «Война или мир» Даллес писал:

«Если когда-либо в близком будущем покажется, что опасность войны прошла, это будет периодом величайшей опасности» (амер. изд., 1950 г., стр. 267).

Эта концепция Даллеса, как видно, по-прежнему составляет основу внешней политики США.

Мне представляется необходимым рассмотреть вопрос, является ли вторжение даже одного самолета в пределы другой страны актом агрессии? Имеются все основания прийти к выводу, что вторжение иностранного самолета, подобное вторжению шпионского самолета «У-2», безусловно является актом агрессии.

Бесспорно, что в современных условиях вторжение в воздушное пространство любого государства даже одного самолета грозит катастрофическими последствиями.

Опыт второй мировой войны показывает, что полеты самолетов-разведчиков обычно предшествовали воздушному нападению. Если так было во время второй мировой войны, то при современных условиях появление подобных разведчиков представляет значительно большую угрозу.

Всем известно — и ответственные военные руководители США не раз заявляли об этом во всеуслышание, — что Соединенные Штаты Америки всегда держат в воздухе эскадрильи дежурных бомбардировщиков с грузом атомных и водородных бомб.

Таким образом, появление над советской территорией даже одного самолета-разведчика всегда может оказаться предвестником воздушного нападения. Но даже в том случае, если эскадрильи бомбардировщиков не следуют непосредственно за самолетом-разведчиком, полет такого самолета и проводимые им аэрофотосъемки и разведка средств радиолокационного обеспечения противовоздушной обороны СССР являются составными элементами воздушного нападения.

Американская газета «Де-Мойн-Реджистер» справедливо писала:

«Предположим, что работник, ведающий русской системой обнаружения, истолковал полет

пилота Пауэрсса как нападение и нажал кнопку для ответного удара... через несколько часов те, кто уцелел, оказались бы в аду. Когда же мы, наконец, поймем, что шпионаж, контр-шпионаж и весь прочий идиотизм подобного рода — принадлежность мертвого прошлого».

* * *

Руководящие государственные деятели США не прочь были бы прикрыть свои преступные агрессивные действия якобы миролюбивыми намерениями.

Но всем известна цена искренности таких заявлений. Подобными «благими намерениями», как известно, выстлана дорога в ад.

И кошунственно звучат сейчас слова президента Эйзенхауэра, которые он произнес на заключительном заседании совещания глав правительств четырех держав в Женеве пять лет тому назад, 23 июля 1955 года.

Он сказал тогда:

«Я приехал в Женеву, ибо считаю, что человечество жаждет избавиться от войны и слухов о войне. Я приехал сюда потому, что всегда верил в добропорядочные инстинкты и здравый смысл людей, населяющих наш мир. Сегодня ночью я вернусь домой с непоколебленной уверенностью в этом и с молитвой о том, чтобы надежды человечества в свое время осуществились».

Эти торжественные слова были произнесены тогда, когда с самого начала деятельности правительства президента Эйзенхауэра действовала утвержденная им программа военного шпионажа и преступного нарушения суверенитета других государств.

Товарищи судьи!

В упомянутых мною заявлениях президента, вице-президента и государственного секретаря Соединенных Штатов Америки подчеркивалось, что полет самолета «У-2» 1 мая 1960 года и другие случаи вторжения американских самолетов в воздушное пространство СССР, имевшие место ранее, не преследовали агрессивных целей, а являлись будто бы оборонительными мероприятиями.

Американские агрессоры, эти новоявленные подражатели Гитлера, пытались оправдать свою провока-

ционную политику тем, что они проводят ее якобы с целью предотвращения так называемой «опасности угрозы коммунизма». Но это не новая, с позволения сказать, аргументация, она имеет разительное сходство с той, которая находилась в арсенале гитлеровцев и японских милитаристов.

Известно, что на Токийском процессе японские военные преступники пытались прикрыть свои агрессивные действия оборонительными мероприятиями. Международный военный трибунал в Токио по делу главных японских военных преступников указал в своем приговоре, что «...руководители Японии всегда стремились оправдать свои агрессивные военные авантюры, объявляя их оборонительными». (Международный процесс главных японских военных преступников, изд. Академии наук СССР, 1950, стр. 236.)

У Известно, что попытки гитлеровцев оправдать свою агрессивную политику против СССР «опасностью угрозы коммунизма» были полностью разоблачены Международным военным трибуналом в Нюрнберге.

Обвинитель от США Джексон в заключительной речи на процессе главных немецких военных преступников сказал:

«Некоторые из подсудимых заявляют, что войны не были агрессивными и целью их было защитить Германию от новой возможной опасности — «угрозы коммунизма», которая являлась своего рода навязчивой идеей многих нацистов.

С самого начала этот довод о самозащите терпит крах...» (Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, том 2, стр. 112.)

Сейчас государственные деятели США пытаются возродить опровергнутую многолетней историей и потерпевшую полный крах навязчивую идею «угрозы коммунизма».

Товарищи судьи! Я считаю необходимым остановиться еще на одном важном вопросе, представляющем интерес с точки зрения международного уголовного права.

В рассматриваемом вами деле Пауэрса наличествует своеобразный случай международного соучастия. Как было установлено на предварительном и судебном следствии, шпионские агрессивные полеты американ-

ских самолетов над территорией Советского Союза, и в частности полет Пауэрса на самолете «У-2», не могли бы иметь места, если бы близлежащие к Советскому Союзу государства, в данном случае Турция, Пакистан и Норвегия, не предоставили своей территории американской военщине.

Предельная дальность полета самолета «У-2» не позволила бы ему оперировать непосредственно с территории США. Этот самолет, как и все шпионское подразделение «10—10», базировался на авиационной базе Инджирлик в Турции. Самолет Пауэрса вылетел в свой разбойничий полет с базы Пешавар в Пакистане. Закончить свой полет и приземлиться этот самолет должен был на норвежской базе Будё.

Подсудимый Пауэрс показал, что, когда самолеты «У-2» совершали разведывательные полеты вдоль границ Советского Союза, им указывались в качестве запасных аэродромы Мешхед и Тегеран в Иране. При полете 1 мая Пауэрс мог использовать в качестве запасного любой аэродром в Норвегии, Пакистане и Иране. Он мог также произвести посадку на аэродроме Соданкюля (Финляндия). Однако полковник Шелтон предупредил его, что этот аэродром плохой и им следует воспользоваться только в случае крайней необходимости, так как это будет все-таки лучше, чем садиться где-либо на советской территории. Шелтон добавил, что лучше сесть в Швеции или в Норвегии, но желательнее в Норвегии.

Если расценивать все эти обстоятельства в соответствии с учением о соучастии, то следовало бы рассматривать в качестве соучастников преступления Пауэрса тех, кто был организатором и вдохновителем этого преступления, а также тех, кто в роли пособников явно содействовал совершению преступления предоставлением средств и устранением препятствий.

Советское правительство не раз предостерегало правительства стран, связанных военными блоками с США, относительно опасности, которую создает для этих стран устройство на их территории американских военных баз.

Настоящий процесс наглядно показывает, насколько основательны были эти предостережения Советского правительства.

Настоящий судебный процесс до конца вскрывает агрессивную, человеконенавистническую политику правящих кругов и военщины США, не гнушающихся во имя своих грязных целей пойти на любое попрание священных принципов международного права для того, чтобы продолжать опасное «балансирование на грани войны».

Но у миролюбивых людей на всем земном шаре нет сейчас другой более острой и жгучей проблемы, как проблема сохранить мир на земле и предотвратить угрозу новой катастрофической войны.

Сейчас соотношение сил в мире таково, что сторонники мира, все люди доброй воли, все миролюбивое человечество смогут обуздать агрессоров и в едином порыве дать мощный отпор черным силам агрессии.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Товарищи судьи! Я перехожу к юридической оценке деяний, инкриминируемых подсудимому Пауэрсу.

Согласно обвинительному заключению подсудимый Пауэрс обвиняется в том, что, будучи завербован в 1956 году Центральным разведывательным управлением США, вел активную шпионскую деятельность против Советского Союза, являющуюся выражением агрессивной политики, проводимой правительством США.

1 мая 1960 года он, Пауэрс, с ведома правительства США и по заданию американской разведки, осуществляющей на деле указанную агрессивную политику, на специально оборудованном разведывательном самолете «Локхид У-2» вторгся в воздушное пространство СССР с целью сбора сведений стратегического характера о расположении ракетных баз, аэродромов, радиолокационной сети и других особо важных оборонных и промышленных объектов СССР, то есть сведений, составляющих государственную и военную тайну Советского Союза.

Пролетев в глубь советской территории более двух тысяч километров, произвел при помощи специального оборудования фотографирование ряда указанных выше объектов и запись сигналов радиолокационных стан-

ций, а также собрал другие данные шпионского характера.

Эти действия подсудимого Пауэрсa предусмотрены статьей 2 Закона Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления».

Каждое положение в этой формулировке обвинения полностью установлено всеми имеющимися в деле доказательствами.

Согласно статье 2 упомянутого выше закона, шпионаж рассматривается, как «похищение или соби-
рание с целью передачи иностранному государству, иностранной организации или их агентуре сведений, составляющих государственную или военную тайну, а также передача или соби-
рание по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их в ущерб интересам СССР...»

У меня как государственного обвинителя нет никаких сомнений, что все признаки этого преступления наличествуют в деяниях подсудимого Пауэрсa. Бесспорно установлен факт похищения или соби-
рания Пауэрсом сведений, составляющих государственную или военную тайну. Нет надобности специально останавливаться на вопросе о том, составляют ли государственную или военную тайну те данные о военных и промышленных объектах Советского Союза, его аэродромах, радиолокационной сети и др., которые собирал Пауэрс во время агрессивного полета 1 мая 1960 года над территорией СССР. Такого рода сведения в любой стране рассматриваются как специально охраняемая государственная и военная тайна.

Нет также никакого сомнения, что целью соби-
рания Пауэрсом этих данных была передача их иностранному государству, ибо все эти обстоятельства с исчерпывающей полнотой и ясностью установлены на предварительном и судебном следствии и сам подсудимый Пауэрс не отрицает, что он собирал эти данные по прямому заданию американской разведки, действовавшей в соответствии с программой, санкционированной правительством США.

Налицо также еще один элемент состава преступления, предусмотренного статьей 2 упомянутого закона, а именно совершение преступления иностранцем.

Виновность Пауэрсa в шпионаже с точки зрения

уголовного законодательства Советского Союза доказана бесспорно. Но мне хотелось бы подчеркнуть, что и согласно законодательству США действия подсудимого Пауэрса, если бы они имели место в Соединенных Штатах Америки и были направлены против Соединенных Штатов, также рассматривались бы как шпионаж и влекли за собой суровое наказание.

Я ссылаюсь на Свод законов США, издания 1958 года (опубликован в Вашингтоне в 1959 году), том 4-й, раздел 18-й, глава 37-я, именуемая «Шпионаж и цензура».

Законодательство Соединенных Штатов Америки предусматривает, что уголовной ответственности за шпионаж подлежит всякий, кто «вступает, проникает, пролетает или каким-либо иным способом получает оборонную информацию», которая может быть использована во вред Соединенным Штатам или в пользу любой иностранной державы.

Этим законодательством установлен обширный перечень объектов шпионажа. В их числе, например, указываются док, канал, железная дорога, фабрики, шахты, строения, учреждения, научно-исследовательские лаборатории и т. д. и т. п. В качестве объектов шпионажа перечисляются любые наброски, фотографии, фотонегативы, чертежи, планы, карты, модели, записи или заметки о чем-либо, связанном с национальной обороной.

Вот с какой скрупулезностью законодательство США предусматривает уголовную ответственность за малейшее посягательство на безопасность своей страны. Но почему же, устанавливая у себя подобные строгие порядки, правящие круги США не желают считаться с такими же порядками, установленными у себя другими государствами, заведомо и бесцеремонно идут на грубое попрание законов, изданных другими государствами в интересах охраны своей безопасности?

Подсудимый Пауэрс совершил тяжкое преступление против нашей страны, и он должен быть осужден по всей строгости законов Советского государства, так же как это было бы сделано в любой другой стране.

Товарищи судьи!

Заканчивая свою обвинительную речь, я вновь должен вернуться к вопросу о тех тягчайших последствиях

для мира и человечества, которые могли повлечь преступные действия Пауэрса. В то время, когда самолет Пауэрса пересек государственную границу СССР и углубился в воздушное пространство над нашей территорией, никто не мог знать, предвестником каких дальнейших агрессивных действий он является и какой смертоносный груз он несет.

Подсудимый Пауэрс, преступления которого так щедро оплачивала американская разведка,— не простой шпион, а особо и тщательно вымуштрованный преступник. Все действия Пауэрса свидетельствуют, что он отнюдь не безвольное и слепое орудие, робот в руках американской разведки и Пентагона, используемый ими для шпионажа, диверсий и агрессии. Это опасный преступник. Он не может сослаться на принудительное исполнение приказа, ибо, добровольно продав свою честь и совесть, всего себя за доллары, обязался выполнять любые преступные деяния, то есть действовал из корыстных и низменных побуждений. Он осуществлял свои преступления не просто общеопасным способом, как говорит закон, определяя обстоятельства, отягчающие ответственность, а способом, таящим опасность для миллионов и миллионов людей. Он сознательно шел на причинение преступлением таких последствий, тяжесть которых не может быть измерена масштабами, которыми мы привыкли определять тяжесть преступления.

Таков истинный облик подсудимого Пауэрса. И если бы его хозяева попытались разжечь новую мировую войну, именно пауэрсы, вскормленные и воспитанные ими в условиях так называемого «свободного мира», были бы готовы первыми сбросить на мирную землю атомные и водородные бомбы, как то сделали подобные же пауэрсы, сбросившие первые атомные бомбы на мирных жителей незащищенных городов Хиросимы и Нагасаки.

Товарищи судьи! Агрессивный шпионский маршрут, начатый по указке правящих кругов США подсудимым Френсисом Гарри Пауэрсом на самолете «У-2» ранним утром 1 мая 1960 года с авиационной базы Пешавар, прерван метким попаданием советской ракеты. И близок тот час, когда преступник услышит приговор суда.

Пусть ваш приговор послужит строгим предупреж-

дением всем тем, кто проводит агрессивную политику, преступно попирает общепризнанные нормы международного права и суверенитет государств, провозглашает своей государственной политикой политику «холодной войны» и шпионажа. Пусть этот приговор явится также строгим предупреждением всем прочим пауэрсам, которые по указке своих хозяев попытались бы подорвать дело мира, покуситься на честь, достоинство и неприкосновенность великого Советского Союза.

Товарищи судьи!

Поддерживая в полном объеме государственное обвинение по делу Пауэрса, в соответствии со статьей 2 Закона Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», я имею все основания просить суд применить в отношении подсудимого Пауэрса исключительную меру наказания. Но, учитывая чистосердечное раскаяние подсудимого Пауэрса перед советским судом в совершенном преступлении, я не настаиваю на применении к нему смертной казни и прошу суд приговорить подсудимого Пауэрса к пятнадцати годам лишения свободы. *(Продолжительные аплодисменты.)*

(После перерыва.)

Комендант суда: Прошу встать, суд идет.

Председательствующий: Садитесь, пожалуйста. Слово для защиты предоставляется адвокату Гриневу.

РЕЧЬ АДВОКАТА М. И. ГРИНЕВА

Товарищ председатель,
товарищи народные заседатели Военной коллегии Верховного Суда Советского Союза!

Я не буду скрывать от вас того исключительно трудного, небывало сложного положения, в котором находится в этом деле защитник.

Ведь подсудимый Пауэрс обвиняется в тяжком преступлении — во вторжении в воздушное пространство Советского Союза с целью сбора шпионских сведений и производстве аэрофотосъемки промышленных и оборонных объектов, а также в сборе и других данных разведывательного характера.

Сложность защиты усугубляется еще и тем требованием государственного обвинителя, которое встречено одобрением со стороны присутствующей здесь, в зале суда, советской общественности.

Волею Конституции Советского Союза, которая обеспечивает каждому обвиняемому, независимо от тяжести совершенного преступления, право на защиту, наш гражданский и профессиональный долг помочь в осуществлении этого права тем обвиняемым, которые пожелали этим правом на защиту воспользоваться.

Советский процессуальный закон, как известно, не только предоставляет право на защиту, но и предусматривает широкие реальные возможности для осуществления этого права. Подсудимый и его защитник пользуются в суде одинаковыми с обвинителем правами по представлению и исследованию доказательств, по заявлению ходатайств. Единственное различие между процессуальными обязанностями обвинителя и защитника, также направленное на обеспечение права обвиняемого на защиту, заключается в следующем. Если в результате судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, он в соответствии со статьей 40 Основ уголовного судопроизводства Советского Союза обязан отказаться от обвинения. Адвокату такого права не дано.

Наоборот, статья 23 тех же Основ в категорической форме запрещает адвокату отказываться от принятой на себя защиты.

Следовательно, какое бы преступление ни совершил подсудимый и какое бы возмущение оно ни вызывало у широких слоев советской общественности, адвокат обязан добросовестно исполнять свой профессиональный долг и представить на рассмотрение суда все, что может благоприятно сказаться на судьбе подсудимого.

Вы, товарищи судьи, прежде чем вынести окончательное суждение по настоящему делу, прежде чем определить степень ответственности подсудимого Пауэrsa и определить ему наказание, вы должны тщательно и беспристрастно взвесить всю совокупность

обстоятельств, без анализа которых невозможно вынести справедливый приговор.

В связи с этим я постараюсь по крупицам собрать и изложить перед вами те доводы, которые дают мне основание просить, а вас, товарищи судьи, быть может, удовлетворить мою просьбу и отступить от того требования, которое прозвучало здесь с трибуны государственного обвинителя в отношении моего подзащитного Пауэрса.

Поэтому я приступаю с надеждой на то, что мои доводы будут вами приняты во внимание и учтены при вынесении приговора.

Товарищи судьи!

На предварительном, а затем судебном следствии подсудимый Пауэрс полностью признал себя виновным в предъявленном ему обвинении.

Поэтому я прежде всего считаю необходимым заявить, что у защиты нет спора ни по фактам вменяемых Пауэрсу обвинений, ни по той оценке преступления, которая дана ему государственным обвинителем.

Благодаря сознанию Пауэрса, сознанию, подкрепленному к тому же объективными данными в этом деле, не может возникнуть сомнения в том, что на скамье подсудимых сидит действительный виновник преступления или само преступление совершено не так, как оно изложено в обвинительном заключении.

И если бы вы должны были только установить связь между преступлением и преступником, то ваша задача была бы исполнена, и вы могли бы уже считать свою работу законченной.

Однако на вашей обязанности лежит не только установление факта преступления и доказанности обвинения, предъявленного подсудимому, но и выяснение всех обстоятельств, связанных с этим преступлением.

Именно поэтому, исследуя дело, вы не довольствовались только выяснением факта, но и со всей тщательностью и объективностью устанавливали обстоятельства, при которых совершалось преступление Пауэрса, изучали побудительные причины, которые руководили им, проявляя при этом глубокий интерес к его прошлому, и делали все для того, чтобы уяснить для себя, каково же отношение Пауэрса к совершен-

ному им преступлению и какова его роль в этом преступлении.

Это вы делали в полном соответствии с нашим, советским законом, который обязывает вас при определении меры наказания учитывать все обстоятельства дела, личность подсудимого и, конечно, те его показания, которые он дал суду.

Из этого, прежде всего, следует, что при решении судьбы Пауэрса будет иметь значение, насколько вы будете убеждены в правдивости его показаний.

Не приходится сомневаться, что у такого компетентного судебного Присутствия, каким являетесь вы, более чем достаточно и опыта и мудрости для того, чтобы отличить правду от лжи.

Поэтому я с полной уверенностью могу рассчитывать на то, что показания Пауэрса, которые вы выслушали здесь, вы будете считать правдивыми.

Товарищи судьи!

Общественное значение этого дела совершенно очевидно. Поэтому не случайно оно приковало к себе внимание как внутри нашей страны, так и далеко за ее пределами.

Я буду прав, если скажу, что дело Пауэрса имеет международное значение, поскольку на скамье подсудимых, помимо Пауэрса, одного из исполнителей вероломного и агрессивного акта против Советского Союза, должны сидеть и незримо присутствовать здесь, на скамье подсудимых, его хозяева: Центральное разведывательное управление во главе с Алленом Даллесом и американская военщина, а вместе с ними и все те темные, агрессивные силы, которые стремятся к развязыванию новой мировой войны.

Поэтому, по долгу защитника Пауэрса, я призываю вас, товарищи судьи, остановить свое внимание на этом обстоятельстве, которое, как я убежден, будет иметь существенное значение при определении Пауэрсу наказания.

Слишком свежи в памяти неуклюжие попытки руководящих деятелей Соединенных Штатов Америки оправдать беспрецедентную провокацию, совершенную ими в отношении Советского Союза.

Все помнят, как одна за другой возникали и тут же опровергались фактами различные версии, пущен-

ные в ход правящими кругами Соединенных Штатов Америки.

Как известно, правительство Соединенных Штатов Америки сначала опубликовало версию, будто самолет «У-2» занимался изучением верхних слоев атмосферы, а затем, пойманное с поличным, заявило, что воздушный шпионаж против Советского Союза является его «рассчитанной политикой».

Выступая в сенатской комиссии по иностранным делам, государственный секретарь Гертер назвал заявление своего ведомства «прикрывающей версией», продиктованной якобы не чем иным, как человеколюбием, стремлением «прежде всего защитить летчика», то есть Пауэрса. Государственный секретарь США и в данном случае сказал неправду, поскольку о защите Пауэрса ни он, ни его коллеги по правительству Эйзенхауэра — Никсона и не помышляли, а, наоборот, были весьма недовольны, что он не выполнил приказа о самоубийстве и остался жив.

Между тем, материалами предварительного и судебного следствия бесспорно установлено, что самолет, пилотируемый Пауэрсом, вторгся в воздушное пространство Советского Союза по приказу американских властей, которые имели указания правительства Соединенных Штатов Америки осуществлять вторжение или, как говорится в заявлении государственного секретаря Гертера, «проникновение в пределы других государств».

В данном случае речь шла о том, что правительство Соединенных Штатов Америки провозгласило составной частью своей государственной политики систематические шпионские вторжения в пределы Советского Союза, по сути выдвинув претензии на какие-то исключительные права как в отношении Советского Союза, так и других государств.

И, как стало известно из пояснений, сообщенных государственным секретарем Соединенных Штатов Америки, правительство президента Эйзенхауэра — Никсона проводит такую политику с самого начала своего пребывания у власти.

При проведении этой политики правящие монополистические круги Америки не останавливаются даже перед допущением таких действий, которые ставят под

прямую угрозу всеобщий мир, которые проводятся лишь в условиях, когда государства находятся в состоянии войны.

Сказанное мною дает право защите с полной уверенностью утверждать, что появление Пауэрса над территорией Советского Союза — не результат проявления его личной воли, а предопределялось волей стоящих за ним агрессивных кругов и, в частности, Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки во главе с Алленом Даллесом, в системе которого Пауэрс является мелкой сошкой.

Иначе говоря, хотя Пауэрс и был непосредственным исполнителем, но основным виновником все-таки является не он, несмотря на то, что разбираемое сегодня дело связано с его именем.

В связи с этим приходится сожалеть, что на скамье подсудимых находится только один Пауэрс; если бы рядом с ним находились те, которые послали его на преступление, можно не сомневаться, что положение моего подзащитного Пауэрса было бы иным и он занял бы тогда второстепенное место и, следовательно, мог бы безусловно рассчитывать на значительное смягчение наказания.

Само собой разумеется, что этим я не снимаю ответственности с Пауэрса, а хочу подчеркнуть и обратить ваше внимание на то, что он совершил это преступление не по своей инициативе и разумению, а по приказу свыше, по приказу своих хозяев, при этом ни с кем из них, кроме своего непосредственного начальника полковника Шелтона, он связан не был и даже не был осведомлен ими в отношении тех планов, которые они ставили перед собой, посылая его на преступление. Более того, они сознательно ввели его в заблуждение, заверив его в том, что полет над территорией Советского Союза совершенно безопасен и не связан ни с каким риском. Так, в своих показаниях подсудимый Пауэрс заявил: «Меня предупредили, что у Советского Союза нет таких средств, которые поразили бы мой самолет».

Однако жизнь внесла свои коррективы в эти заявления полковника Шелтона и других, и Пауэрс, предварительно подвергшись смертельному риску,

благодаря бдительности подразделения советских ракетных войск, поставлен сейчас перед необходимостью давать ответ советскому суду.

Это до известной степени подчеркивает то место, которое занимал Пауэрс среди тех подлинных виновников преступления, которые должны были бы, по справедливости, понести за него кару в полной мере.

Относительно этого сам Пауэрс сказал:

«Моей задачей было выполнить приказы, которые мне давались... Во время полета чувствовал себя хорошо, хотя немного нервничал, так как этот полет не доставлял мне особого удовольствия, но я выполнял задание своих хозяев».

Товарищи судьи!

Как показал Пауэрс, приказ командира подразделения «10—10» полковника Шелтона перед вылетом самолета был таков, что в случае вынужденной посадки или оставления самолета он должен был его уничтожить вместе со всем оборудованием путем нажатия двух рычагов, а в случае пленения и плохого обращения с ним Пауэрс должен был покончить жизнь самоубийством.

Из этого приказа видно, с какой тщательностью Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки оберегало тайну самолета «Локхид У-2» и оборудования, которым он был оснащен. Более того, из этого видно, как боялись хозяева Пауэрса его показаний, которые вы с таким вниманием выслушали на этом процессе.

Между тем, когда самолет был сбит, Пауэрс вместо того, чтобы его уничтожить,— выбросился на парашюте, а приземлившись, вместо того, чтобы убить себя отравленной булавкой, заботливо врученной ему тем же полковником Шелтоном,— остался жив и дал показания.

Можно по-разному объяснить поведение Пауэрса в данном случае, но одно бесспорно, что все это в известной мере способствовало установлению истины о сбитом самолете, а вместе с этим еще раз наиболее ярко разоблачена агрессивная и вероломная внешняя политика Соединенных Штатов Америки, тщательно маскируемая лицемерными фразами о мире и защите так называемого «свободного мира».

Защита убеждена в том, что, определяя наказание Пауэрсу, вы должны будете принять во внимание это его отступление от приказа полковника Шелтона.

Товарищи судьи!

Определяя наказание Пауэрсу, вы не можете не принять во внимание показаний, которые даны Пауэрсом как в стадии предварительного следствия, так и в судебном заседании.

В отношении своих показаний Пауэрс говорит:

«Я прилагаю все силы и делаю все для того, чтобы быть честным...

Я хочу быть искренним».

И в этом отказать ему нельзя, так как его поведение во время допросов показывает, что даваемые им объяснения — это не фразы, не стремление обмануть следственные органы и суд, а являются правдивыми и искренними.

Я не знаю, всю ли правду рассказал Пауэрс, но несомненно, что все то, что он рассказал, является правдой.

Ведь все, что составляет содержание и предмет его вины, вины его хозяев, было им самим отражено в своих показаниях, причем со всеми деталями, которые, повторяю, не оставляют сомнения в правдивости и откровенности этих показаний.

Как известно, разглашение государственной тайны в Соединенных Штатах Америки карается наказанием в уголовном порядке в виде 10 лет тюремного заключения или штрафа в сумме 10 000 долларов, либо тем и другим одновременно.

Несмотря на это, Пауэрс все же дал правдивые показания, чем вступил в резкий конфликт со своим работодателем.

Не случайно в одном из своих показаний на предварительном следствии подсудимый Пауэрс сказал:

«Я знаю, что меня будет судить ваш суд, но если мне когда-либо придется вернуться домой, то меня и там будут судить.

Но это меня мало беспокоит, потому что я домой вряд ли вернусь».

Кто знает, может быть, все это — его собственноручно написанные показания и показания, которые он неоднократно добровольно давал следователю,— яв-

ляется результатом того внутреннего перелома, который начался у него с момента, когда он, хотя и не по доброй воле, вошел в соприкосновение с советскими людьми и понял, что очень многое из того, что говорили ему в Америке о Советском Союзе и о советском народе, находится в резком противоречии с действительностью. В одном из своих показаний по этому вопросу подсудимый Пауэрс сказал: «Меня обманули мои хозяева. Я никогда не ожидал, что я встречу такое хорошее отношение здесь».

Если же в некоторых случаях показания Пауэрса сдержанны и он иногда не особенно бывает словоохотлив, то это объясняется, товарищи судьи, тем обстоятельством, что он до сих пор еще находится в плену тех сил, которые его послали на совершение этого преступления, да притом он прекрасно знает, что из себя представляет мораль, если вообще такая существует в Центральном разведывательном управлении Соединенных Штатов Америки. Я не думаю, что мне следует продолжать изложение своих соображений по поводу мотивов поведения Пауэрса после его задержания.

При всех условиях, исходя из статьи 33 Основ уголовного законодательства Союза ССР, такие показания и такое поведение подсудимого являются обстоятельствами, смягчающими ответственность, и, как правило, служат основанием для более мягкого к нему отношения, как бы, казалось, ни было тяжело его преступление.

Товарищи судьи!

Для того чтобы составить себе правильное представление, какие пути привели Пауэрса в Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки и сделали его орудием агрессивной политики правительства Эйзенхауэра — Никсона — Гертера, необходимо проследить, хотя бы бегло, жизненный путь Пауэрса.

Как вам известно, Пауэрс родился в 1929 году в городе Бурдайн, штат Кентукки, и происходит из трудовой семьи.

Его отец значительную часть своей жизни работал на шахтах шахтером, затем, получив травму на производстве, вынужден был оставить работу на шахте

и заняться сапожным ремеслом, открыв для этой цели небольшую сапожную мастерскую по починке обуви, без применения наемного труда и которая, по существу, являлась единственным источником существования для обширной семьи Пауэрсов. Имевшаяся у отца подсудимого Пауэрса небольшая ферма, полученная им в наследство от своего отца, не являлась товарным хозяйством, а удовлетворяла лишь нужды их семьи. Несмотря на отсутствие достаточных средств, отец Пауэрса стремился дать сыну высшее образование и хотел, чтобы он стал врачом.

Но эта профессия не нравилась Пауэрсу, так как требовала, по его словам, большой затраты времени и труда, а у него не было для этого достаточных данных.

Кроме того, Пауэрс хотел скорее стать самостоятельным, чтобы освободить отца от жертвы, которую тот должен был принести, если бы он стал продолжать учение, поскольку в Соединенных Штатах Америки получение высшего образования связано с большой затратой средств.

Поэтому, когда Пауэрс в 1950 году окончил колледж Миллиган близ города Джонсон-Сити, он не стал дальше учиться на врача, а поступил работать в плавательный бассейн — спасателем.

Однако эта работа оказалась временной, найти же постоянную работу из-за массовой в Соединенных Штатах безработицы он, естественно, не мог, да и предстоящий призыв его на военную службу являлся немаловажным фактором, препятствующим ему в получении работы. Вот почему Пауэрс в конце 1950 года, не ожидая призыва в армию, добровольно поступил на службу в военно-воздушные силы Соединенных Штатов Америки, что давало ему возможность получить специальность, а с ней и постоянную работу и не думать о завтрашнем дне.

Пройдя там курсы по подготовке пилотов, Пауэрс в 1952 году получил звание лейтенанта и квалификацию летчика-истребителя.

С этого момента Пауэрс медленно, но верно пробивал себе дорогу в желаемом направлении и, как всякий американец, воспитывался на преклонении перед «всесильным» долларом.

Правящие монополистические круги США не могли

мириться с существованием страны социализма, где уклад общественной жизни основан на принципе социальной справедливости, любви и уважения к достоинству человека.

Поэтому они стремятся создать у американцев ложное представление о Советском Союзе, привить ненависть к нему. Такая пропаганда о Советском Союзе, как известно, проводилась и проводится в Соединенных Штатах Америки через печать, радио, кино и другие каналы.

Могла ли она пройти мимо моего подзащитного Пауэрса? Я полагаю, что нет.

Да и сам Пауэрс в своих показаниях говорит, что о Советском Союзе он знает только то, что пишут о СССР в американских газетах.

Известно, что в американских газетах (за исключением прогрессивной печати) если пишут о Советском Союзе, то обычно пишут плохо и, главным образом, клевету.

Следовательно, такая пропаганда не могла не отразиться на характере и воспитании самого Пауэрса и, особенно, на его представлении о Советском Союзе.

Не случайно в одном из своих показаний на предварительном следствии Пауэрс говорит, что он не ожидал такого гуманного к себе отношения. Он ожидал, что его будут пытаться и издеваться над ним.

Сам же Пауэрс не читает и не любит читать политической литературы.

Пауэрс мало интересуется международным положением и отношениями между странами, да это, по его словам, и не его дело, так как этим должны заниматься другие лица, специалисты.

Пауэрс не принадлежит ни к какой политической партии, и, по его словам, если бы он принимал участие в избирательных кампаниях, то голосовал бы за республиканцев и то лишь потому, что его родители голосуют за них.

В общем, все это его мало интересует, в политическом отношении он пассивен. Пауэрс занят только работой и только думает о том; чтобы обеспечить себя на будущее.

В связи с этим на первый взгляд кажется непонятным, как могло случиться, что Пауэрс, у которого в

сущности не было никаких политических устремлений и вкусов, мог ввязаться в такую крупную и опасную политическую авантюру.

На это дают ответ существующие условия жизни в капиталистической Америке с ее постоянной массовой безработицей, с господствующей в ней буржуазной моралью, характерной чертой которой является ярко выраженный индивидуализм и страсть к стяжательству.

В свое время Энгельс писал, что буржуазия не знает иного блаженства, кроме быстрого обогащения, не знает иных страданий, кроме денежных потерь; при такой алчности, при такой жадности к деньгам ни одно движение души человеческой не может оставаться незапятнанным.

А американская пословица, отражающая американскую действительность, по этому вопросу говорит:

«Деньги — это бездонное море, в котором тонут честь и правда».

Таким образом, во имя наживы, во имя доллара буржуазная мораль считает вполне допустимым поступиться честью, честностью и правдивостью.

В общем, в современной Америке властителем дум является «всесильный» доллар, и многие американцы стремятся к наживе, причем для достижения этого не брезгают ничем.

Иначе говоря, стремятся сделать для себя хороший «бизнес», и это стремление к «бизнесу», в действительности, растлевает совесть и делает нравственно опустошенным так называемого среднего американца, к которому принадлежит и мой подзащитный Пауэрс.

Его основная цель в жизни — иметь хорошую работу, за которую платили бы много долларов. По этому вопросу в своих показаниях от 31 мая 1960 года Пауэрс показал: «Деньги мне нужны были для того, чтобы хорошо жить. Я стремился приобрести хороший дом, а если возможно, то, может быть, начать какое-либо дело... Я хотел бы иметь собственную станцию для обслуживания и заправки автомашин».

В результате, когда в 1956 году ему предложили оставить работу в военно-воздушных силах и перейти на работу летчиком в Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов Америки, где ему обещали платить значительно больше, чем в военно-

воздушных силах, то есть вместо получаемых 700 долларов 2500 долларов ежемесячно, он, не раздумывая, охотно с этим согласился и подписал контракт.

Вот что по этому поводу сказал сам Пауэрс:

«Это была хорошая работа, за которую много платили, и я не считал эту работу опасной, по крайней мере до 1 мая. В результате я материально жил хорошо, мы с женой ни в чем себе не отказывали и в то же время имели возможность делать сбережения».

Итак, все это дало Пауэрсу возможность собрать на покупку дома около 15 тысяч долларов и иметь, помимо этого, накопление по контракту около 30 000 долларов.

Вот та причина, которая привела Пауэрса на скамью подсудимых. Таким образом, не идейные побуждения и не его злая воля привели Пауэрса к этому вероломному, агрессивному акту, а воспитанная в нем мораль «бизнеса».

Под влиянием этой морали Пауэрс жил в заблуждении, что деньги не пахнут, и не понимал того, что те 2500 долларов, которые он получает от Центрального разведывательного управления, пахнут очень дурно, хотя у него при последнем продлении контракта с Центральным разведывательным управлением возникли в этом некоторые сомнения.

По этому вопросу подсудимый Пауэрс показал:

«Уже при последнем возобновлении этого контракта я колебался, а в настоящее время жалею, что его возобновил. У остальных пилотов, видимо, оказалось больше здравого ума, и они по истечении срока контракта уходили».

Защита надеется, что все происшедшее с Пауэрсом привело его к правильному пониманию природы тех денег, которые он получал по контракту, что, несомненно, явится залогом его правильного поведения в будущем.

Товарищи судьи!

В своем показании от 3 мая 1960 года подсудимый Пауэрс сказал:

«Я не знаю советских законов. Может быть, независимо от моих показаний и поведения, у вас полагается смертная казнь».

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что советский уголовный закон такого формального подхода при вынесении приговора к лицу, совершившему даже тяжкое преступление, не знает.

Советский суд является судом гуманным, в котором мотивы формального требования закона не являются единственными и главными.

Вынося судебный приговор, наш суд никогда не руководствовался соображениями жестокости и мести.

Можно было бы привести целый ряд судебных приговоров, в которых ярко отражается гуманность советского суда, но вряд ли в этом есть необходимость, поскольку они широко известны не только в нашей стране, но далеко и за ее пределами. Советский суд при решении вопроса о судьбе подсудимого исходит всегда не только из обстоятельств дела, но учитывает личность подсудимого и смягчающие вину обстоятельства.

В данном деле смягчающими вину Пауэрса обстоятельствами, как я указал раньше, являются его правдивые и искренние показания. Но я не выполнил бы до конца своего долга советского адвоката, если бы не высказал суду своих соображений по поводу других обстоятельств, которые, по моему глубокому убеждению, могут быть учтены как смягчающие обстоятельства.

Прежде всего, я хочу обратить внимание суда на возраст подсудимого.

Пауэрс еще молод, ему совсем недавно исполнилось 31 год.

Я считаю для себя обязанным напомнить суду и то, что при заключении контракта с Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов Америки он не знал действительной цели поставленной перед ним задачи.

Нельзя также пройти мимо и возникших у Пауэрса сомнений в правильности прежних своих действий на службе в Центральном разведывательном управлении Соединенных Штатов Америки.

Поэтому мне представляется, что имеются все основания к тому, чтобы признать наличие смягчающих обстоятельств и перейти к менее тяжелой мере наказания.

Товарищи судьи!

Наша Родина сильна и могуча, как никогда, и никакие провокаторы войны, будь то американские или иные, или вместе взятые, не смогут нас утратить и заставить склонить перед ними голову.

Наглая провокация американской военщины, как известно, не изменила внешнеполитического курса Советского правительства, и Советский Союз, как и раньше, призывает к объединению усилий всех честных людей в борьбе за мир, против происков агрессоров.

Американским агрессорам не удалось обмануть народы, и их действия по посылке шпионского самолета «У-2» в воздушное пространство Советского Союза рассматриваются как провокационные представления самых различных взглядов и убеждений за рубежом.

Даже в самих Соединенных Штатах Америки провокация милитаристов не отражает подлинных настроений народа Соединенных Штатов.

Усиливаются также расхождения и в среде самой правящей верхушки буржуазии Соединенных Штатов Америки, о чем свидетельствуют выступления влиятельных органов американской печати, видных представителей деловых и политических кругов.

Товарищи судьи!

Если в этом процессе я, как защитник Пауэрса, прошу смягчить ему наказание, то я исхожу не только из оснований, лежащих в мотивах преступления, в обстоятельствах, при которых оно совершено, и поведении Пауэрса после его задержания, а также исхожу из силы, могущества и мощи Советского Союза и из того положения, что инициатива и сила в настоящее время находятся в руках миролюбивых сил, лагеря мира и социализма.

Поэтому, товарищи судьи, я еще раз прошу вас, при вынесении приговора, учесть все изложенные мною соображения и применить к Пауэрсу более мягкую меру наказания, чем та, которую требовал государственный обвинитель.

Ваш приговор будет еще одним из многочисленных примеров гуманности советского суда и явится резкой противоположностью тому отношению к человеку, которое имеется у хозяев Пауэрса — Центрального

разведывательного управления, правящих реакционных сил Соединенных Штатов Америки, пославших его на верную смерть и желавших его смерти.

Председательствующий: Подсудимый Пауэрс, Вам предоставляется последнее слово.

Пауэрс: Вы сейчас прослушали все относящиеся к делу доказательства, и вам предстоит принять решение о моей судьбе.

Я сознаю, что совершил тягчайшее преступление и заслужил за него наказание.

Я прошу суд взвесить все доказательства и принять во внимание не только тот факт, что я совершил преступление, но также и обстоятельства, побудившие меня к этому.

Я также прошу суд принять во внимание тот факт, что никакая секретная информация не достигла своего назначения. Все эти сведения оказались в руках советских властей.

Я сознаю, что русские люди считают меня врагом. Я могу это понять.

Но я хотел бы подчеркнуть тот факт, что лично я не питаю и никогда не питал никакой вражды к русским людям.

Я обращаюсь к суду с просьбой судить меня не как врага, а как человека, который не является личным врагом русских людей, человека, который никогда еще не предстал перед судом ни по каким обвинениям и который глубоко осознал свою вину, сожалеет о ней и глубоко раскаивается.

Благодарю вас.

Председательствующий: Суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

(В 12 часов 50 минут суд удалился на совещание для вынесения приговора.)

Комендант суда: Прошу встать, суд идет.

*В 17 часов 30 минут
председательствующий оглашает приговор.*

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик, Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе: председательствующего — Председателя Военной коллегии генерал-лейтенанта юстиции **Борисоглебского В. В.** и народных заседателей — генерал-майора артиллерии **Воробьева Д. З.**, генерал-майора авиации **Захарова А. И.**, при секретаре — майоре административной службы **Афанасьеве М. В.**, с участием государственного обвинителя — Генерального прокурора Союза ССР действительного государственного советника юстиции **Руденко Р. А.** и защиты — члена Московской городской коллегии адвокатов адвоката **Гринева М. И.**, в открытом судебном заседании, в городе Москве, 17—19 августа 1960 года рассмотрела дело по обвинению гражданина Соединенных Штатов Америки —

Пауэрса Френсиса Гарри, 1929 года рождения, уроженца города Бурдайна, штата Кентукки, с высшим образованием, пилота специального разведывательного подразделения «10—10» Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки, по статье 2 Закона Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления».

Материалами дела, рассмотренными в судебном заседании, —

установлено:

1 мая 1960 года в 5 часов 36 минут по московскому времени воинская часть противовоздушной обороны Советского Союза в районе города Кировабада Таджикской ССР, на высоте 20 000 метров, недостижимой

для самолетов гражданской авиации, обнаружила неизвестный самолет, нарушивший государственную границу Союза ССР.

Воинские части противовоздушной обороны страны бдительно следили за действиями самолета, пролетавшего над крупными промышленными центрами и важными оборонными объектами, и только тогда, когда самолет-нарушитель углубился в пределы Советского Союза на 2000 километров, а злонамеренный характер этого полета, чреватого в эпоху термоядерного оружия губительными последствиями для дела всеобщего мира, стал совершенно очевиден, по приказу Советского правительства батарея зенитных ракет в 8 часов 53 минуты сбила самолет-агрессор в районе города Свердловска.

Пилот самолета выбросился с парашютом и в момент приземления был задержан. На допросе он назвал себя **Пауэрсом** Френсисом Гарри — гражданином Соединенных Штатов Америки.

Осмотром обломков упавшего самолета было установлено, что сбит самолет американского производства, специально сконструированный для полетов на больших высотах и снаряженный различной аппаратурой для выполнения шпионско-разведывательных заданий.

В связи с этим пилот **Пауэрс** был арестован и привлечен к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже против Советского Союза.

В судебном заседании подсудимый **Пауэрс** дал подробные показания о своей шпионской деятельности и об обстоятельствах, связанных с вторжением в воздушное пространство СССР 1 мая 1960 года.

В 1950 году **Пауэрс** добровольно поступил в американскую армию, окончил школу военно-воздушных сил, служил летчиком на различных военно-воздушных базах Соединенных Штатов Америки, в воинском звании старшего лейтенанта.

В апреле 1956 года **Пауэрс** был завербован Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов Америки для выполнения особых разведывательных заданий на высотных самолетах.

После заключения секретного контракта с Центральным разведывательным управлением Соединен-

ных Штатов Америки на два года **Пауэрсу** был назначен высокий оклад — 2500 долларов в месяц за шпионскую деятельность. Он прошел специальную подготовку и был направлен в разведывательное авиационное подразделение, зашифрованное условным наименованием — «10—10», размещенное на американско-турецкой военной базе Инджирлик около города Аданы (Турция).

Судом установлено, что подразделение «10—10» представляло собой специальную комбинацию военной и гражданской разведок Соединенных Штатов Америки и предназначалось для шпионажа против Союза ССР с помощью самолетов-разведчиков, засылаемых в советское воздушное пространство.

Начиная с 1956 года **Пауэрс** по заданию командира подразделения «10—10» систематически совершал шпионские полеты вдоль границ Советского Союза с Турцией, Ираном и Афганистаном. В мае 1958 года **Пауэрс** продлил секретный контракт с Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов Америки на два года и в январе 1960 года еще на один год.

Материалами дела, показаниями подсудимого **Пауэрса** установлено, что осуществленное им 1 мая 1960 года преступное вторжение в воздушное пространство Советского Союза было задолго до этого тщательно подготовлено.

27 апреля 1960 года **Пауэрс** вместе с командиром подразделения «10—10» американским полковником **Шелтоном** и группой технического персонала, предназначенной для подготовки самолета «У-2» к полету, были доставлены на транспортном самолете военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки с базы Инджирлик на аэродром Пешавар в Пакистане.

На этот же аэродром 30 апреля 1960 года из Турции другой летчик перегнал самолет «У-2», на котором **Пауэрс** должен был осуществить вторжение в воздушное пространство Союза ССР.

В ночь на 1 мая 1960 года полковник **Шелтон** дал **Пауэрсу** задание пролететь над территорией Советского Союза на высоте 20 000 метров по маршруту: Пешавар, Аральское море, Свердловск, Киров, Архангельск, Мурманск и приземлиться в Норвегии на аэро-

дроме Будё, с которым **Пауэрс** был ознакомлен еще в 1958 году.

Пролетая над советской землей, **Пауэрс**, по заданию **Шелтона**, должен был в определенных пунктах включать специальную аппаратуру для аэрофото-съемки и фиксации работы радиолокационных станций противовоздушной обороны Союза ССР. Особое внимание **Пауэрс** должен был обратить на два пункта, в одном из которых американская разведка предполагала наличие стартовых площадок для запуска ракет, а в другом — место размещения особо важного оборонного объекта.

Приобщенными к делу вещественными доказательствами и показаниями подсудимого установлено, что **Пауэрс** выполнил порученные ему преступные задания.

Поднявшись с аэродрома Пешавар в Пакистане, **Пауэрс** пролетел над территорией Афганистана и более 2000 километров над Советским Союзом по заданному ему маршруту. Кроме показаний **Пауэрса**, это подтверждается обнаруженной в обломках самолета «У-2» и представленной суду американской полетной картой с нанесенным на ней маршрутом, проложенным штурманом подразделения «10—10» майором Дулак, а также записями и пометками **Пауэрса**, который нанес на маршрутную карту ряд важных оборонных объектов Союза ССР, наблюдавшихся им с самолета.

На всем протяжении полета, вплоть до того момента, когда самолет был сбит, **Пауэрс** включал специальную разведывательную аппаратуру, производил фотографирование важных оборонных объектов и запись сигналов радиолокационных установок средств противовоздушной обороны страны.

В результате проявления сохранившейся аэрофото-пленки установлено, что подсудимый **Пауэрс** с самолета «У-2» сфотографировал промышленные и военные объекты Союза ССР — заводы, склады, нефтехранилища, пути сообщения, железнодорожные мосты и станции, линии электропередач; аэродромы, места расквартирования войск и военную технику.

Находящиеся в распоряжении Военной коллегии Верховного Суда СССР многочисленные фотографиче-

ские снимки территории Советского Союза, произведенные подсудимым **Пауэрсом** с высоты 20 000 метров, дают возможность определить характер промышленных предприятий, конструкцию железнодорожных мостов, число и типы самолетов на аэродромах, особенности и назначение военной техники.

Пауэрс записал на магнитофонную пленку импульсы некоторых радиолокационных станций Союза ССР с целью обнаружения системы противовоздушной обороны страны.

По заключению экспертов, сведения, собранные подсудимым **Пауэрсом** во время полета 1 мая 1960 года в советском воздушном пространстве, составляют государственную и военную тайну Советского Союза, специально охраняемую законом.

Пауэрс показал в судебном заседании, что самолет «У-2» был оборудован взрывными установками, предназначенными для уничтожения самолета в случае вынужденной посадки на советской территории, и что перед полетом 1 мая 1960 года полковник **Шелтон** внушал ему мысль о необходимости покончить жизнь самоубийством, если он окажется в руках советских властей и будет подвергнут пыткам. Именно с этой целью полковник **Шелтон** вручил ему специальную булавку с ядом.

Кроме булавки с ядом у **Пауэрса** при задержании изъяты: бесшумный пистолет с патронами, финский нож, рыболовные снасти, надувная резиновая лодка, топографические карты Советского Союза, средства для разжигания костров, сигнализационные шашки, электрический фонарь, компасы, пила, пищевые концентраты, медикаменты, советские деньги в сумме 7500 рублей и ценности — золотые монеты, кольца, наручные часы, которые, как показал **Пауэрс**, предназначались для подкупа советских людей в случае вынужденной посадки самолета «У-2» на территории Союза ССР.

В судебном заседании Военной коллегией Верховного Суда исследованы и другие доказательства, подтверждающие, что советским ракетным подразделением 1 мая 1960 года был сбит самолет, принадлежавший военно-воздушным силам Соединенных Штатов Америки.

Несмотря на то что на сбитом самолете отсутствовали опознавательные знаки его государственной принадлежности, эксперты на основании изучения остатков самолета и находившейся на нем аппаратуры дали заключение, что этот самолет является дозвуковым разведчиком типа «У-2» американской фирмы «Локхид» с одним турбореактивным двигателем.

На аппаратуре и частях самолета обнаружены знаки различных американских фирм, по которым, в частности, определяется, что турбореактивный двигатель изготовлен фирмой «Прат-Уитни», агрегаты запуска и электропитания — фирмами «Гамильтон стандарт» и «Дженерал электрик». Кроме того, на аппаратуре имеются обозначения, свидетельствующие о принадлежности ее военному ведомству Соединенных Штатов Америки.

Предъявленные подсудимому **Пауэрсу** вещественные доказательства опознаны им как принадлежавшие самолету «У-2», на котором он, **Пауэрс**, 1 мая 1960 года вторгся в воздушное пространство Советского Союза.

На изъятом у подсудимого и приобщенном к судебному делу удостоверении личности № AFI 288 068 на имя **Пауэрса** Френсиса Гарри имеется эмблема Министерства обороны Соединенных Штатов Америки и надпись: «Министерство обороны. Соединенные Штаты Америки».

Таким образом, принадлежность самолета-разведчика типа «У-2» американской фирмы «Локхид» военно-воздушным силам Соединенных Штатов Америки, а подсудимого **Пауэрса** к числу секретных агентов Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки со всей определенностью установлена в судебном заседании.

Пауэрс был послушным исполнителем вероломных замыслов Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки, осуществляемых с согласия американского правительства.

По собственному признанию, **Пауэрс** сознавал, что, вторгаясь в воздушное пространство Союза ССР, он нарушает государственный суверенитет Советского Союза и летит над его территорией с целью шпионажа, главная задача которого заключалась в том, чтобы

обнаружить и зафиксировать стартовые площадки ракет.

Допрошенные в суде свидетели Сурин В. П., Черемисин А. Ф., Чужакин Л. А., Асабин П. Е. показали, что они наблюдали падение самолета в районе города Свердловска и момент приземления парашютиста, которого они задержали и обезоружили. Задержанным оказался **Пауэрс**.

Рассматривая судебное дело по обвинению **Пауэрса**, Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР учитывает, что вторжение американского военного самолета-разведчика представляет преступное нарушение общепризнанного принципа международного права, устанавливающего исключительный суверенитет каждого государства над воздушным пространством, находящимся над территорией этого государства. Этот принцип, закрепленный в Парижской конвенции о регулировании воздушной навигации от 13 октября 1919 года и в ряде других позднейших международных соглашений, провозглашен в национальном законодательстве различных государств, в том числе Союза ССР и Соединенных Штатов Америки. Нарушение этого священного и незыблемого принципа международных отношений создает в современных условиях прямую угрозу всеобщему миру и безопасности народов.

При современном уровне развития военной техники, когда некоторые государства, располагая атомным и водородным оружием, имеют возможность быстро доставить его к цели, полет военного самолета-разведчика над территорией Советского Союза мог непосредственно предшествовать военному нападению. Эта опасность являлась тем более реальной в обстановке, когда Соединенные Штаты Америки, как об этом заявляли американские генералы, постоянно держат в воздухе с водородными бомбами на борту патрулирующие самолеты-бомбардировщики, всегда готовые нанести бомбовый удар по заранее намеченным целям Советского Союза.

При этих условиях агрессивный акт Соединенных Штатов Америки, осуществленный 1 мая 1960 года подсудимым **Пауэрсом**, создавал угрозу всеобщему миру. Находящиеся в распоряжении Военной

коллегии Верховного Суда материалы не оставляют сомнений в том, что агрессивным вторжением в воздушное пространство Советского Союза самолета-разведчика подсудимый Пауэрс исполнял далеко рассчитанные замыслы реакционных правящих кругов Соединенных Штатов Америки, направленные на усиление международной напряженности.

После того как глава Советского правительства Н. С. Хрущев на сессии Верховного Совета Союза ССР 5 мая 1960 года сообщил о том, что над территорией Советского Союза сбит американский самолет, государственный департамент Соединенных Штатов Америки, признав «вполне возможным» факт нарушения советской границы американским самолетом, пытался ввести в заблуждение мировое общественное мнение.

Этой цели призваны были служить вымышленные заявления американского Национального управления по авионавигации и исследованию космического пространства и государственного департамента о случайном отклонении от курса самолета «У-2», производившего якобы научные исследования.

В заключительном слове на сессии Верховного Совета Союза ССР 7 мая товарищ Хрущев Н. С. разоблачил лживость этих утверждений.

После этого американские руководители — президент Эйзенхауэр, вице-президент Никсон и государственный секретарь Гертер признали, что шпионские полеты американских самолетов над советской территорией являются частью «рассчитанной политики Соединенных Штатов Америки».

Следовательно, руководители Соединенных Штатов Америки провозгласили нарушение суверенитета других государств и шпионаж против них официальной государственной политикой Америки.

Последующие события подтвердили, что агрессивное вторжение самолета-разведчика «У-2» в воздушное пространство Союза ССР 1 мая было преднамеренно подготовлено реакционными кругами Соединенных Штатов Америки, чтобы сорвать парижское совещание в верхах, не допустить смягчения международной напряженности, оживить одряхлевшую и ненавистную всем народам политику «холодной войны».

Военная коллегия Верховного Суда Советского Союза устанавливает, что выполнение Пауэрсом полученных шпионских заданий было бы невозможным без использования Соединенными Штатами Америки в агрессивных целях военных баз и аэродромов на территории соседних с Советским Союзом государств, в том числе на территории Турции, Ирана, Пакистана и Норвегии.

Полет Пауэрса доказал, что правительство Соединенных Штатов Америки, связав Турцию, Иран, Пакистан, Норвегию и другие государства двусторонними военными соглашениями, создало на их территории военные базы и аэродромы для опасных провокационных действий, превращая эти государства в соучастников агрессии против Советского Союза.

Рассмотрев материалы дела, вещественные и иные доказательства, заключения экспертов, заслушав показания подсудимого и свидетелей, речи государственного обвинителя и адвоката, а также выслушав последнее слово подсудимого, Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР считает установленным, что подсудимый Пауэрс в течение длительного времени являлся активным секретным агентом Центрального разведывательного управления США, непосредственно выполнявшим шпионские задания этого управления против Советского Союза, а 1 мая 1960 года с ведома правительства Соединенных Штатов Америки на специально снаряженном военном разведывательном самолете «У-2» вторгся в воздушное пространство Союза ССР и с помощью особой радиотехнической и фотографической аппаратуры собрал сведения стратегического значения, составляющие государственную и военную тайну Советского государства, чем совершил тяжкое преступление, предусмотренное статьей 2 Закона Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления».

Вместе с тем, оценивая все обстоятельства данного дела по внутреннему убеждению в их взаимосвязи, учитывая чистосердечное признание Пауэрсом своей вины и его искреннее раскаяние в содеянном, исходя из принципов социалистического гуманизма, руководствуясь статьями 319 и 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР —

П Р И Г О В О Р И Л А:

Пауэрса Френсиса Гарри на основании статьи 2 Закона Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» лишить свободы на десять лет, с отбыванием первых трех лет в тюрьме.

Срок отбытия наказания осужденному, с зачетом предварительного заключения, исчислять с 1 мая 1960 года.

Вещественные доказательства хранить при деле. Деньги и ценности, изъятые у **Пауэрса**, обратить в доход государства.

В соответствии со статьей 44 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик приговор является окончательным, обжалованию и протестованию в кассационном порядке не подлежит.

Председательствующий
В. БОРИСОГЛЕБСКИЙ

Народные заседатели:
Д. ВОРОБЬЕВ, А. ЗАХАРОВ

(Присутствующие в зале многочисленные представители трудящихся города Москвы встречают приговор продолжительными аплодисментами.)

Председательствующий: Заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР объявляю закрытым.

2 р. 50 к.

С 1. I. 1961 г. цена 25 коп.